

Колосёв

6

ИЮНЬ

1960

Космос

6

ИЮНЬ

1960

Ежемесячный детский журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

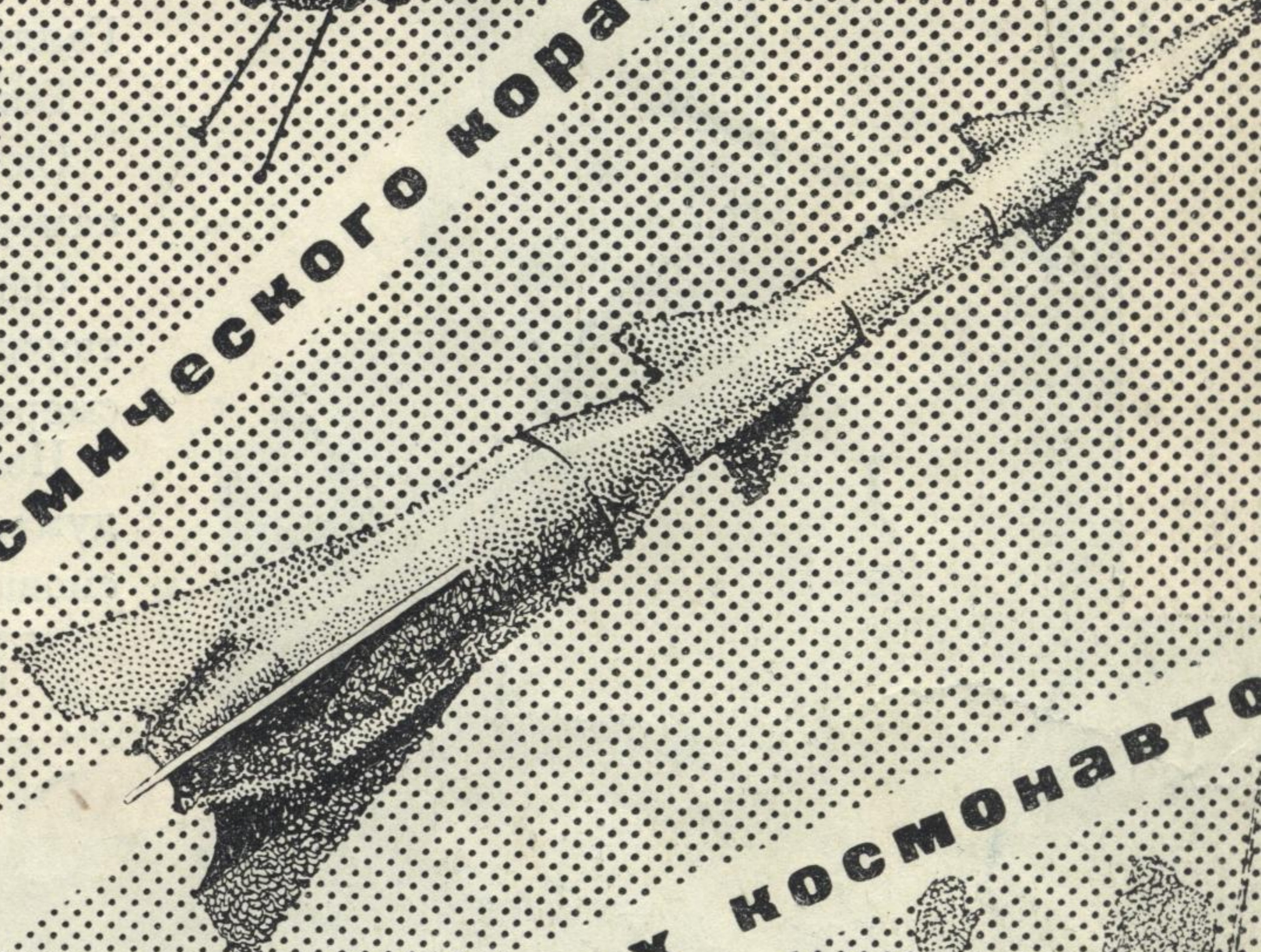
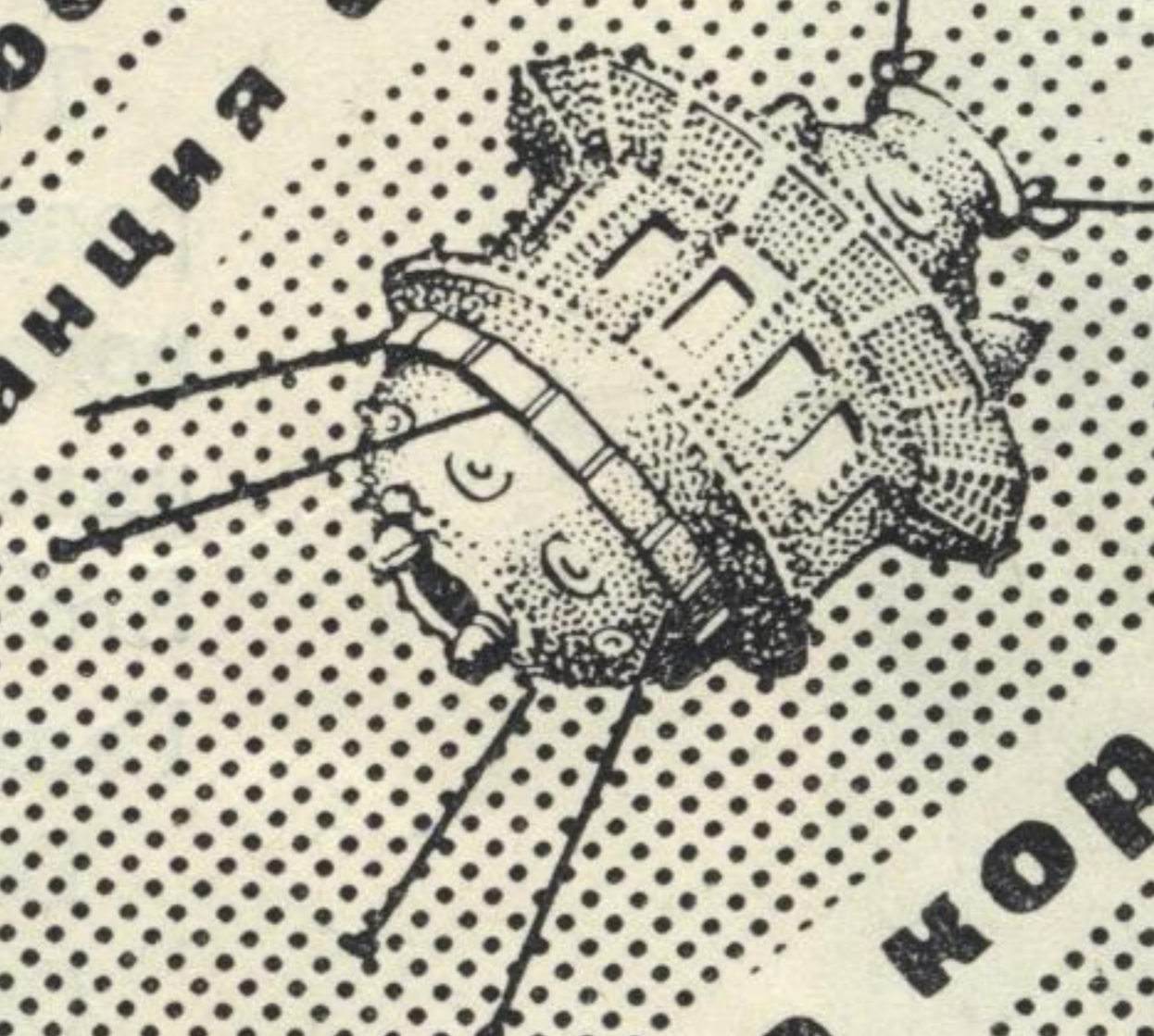
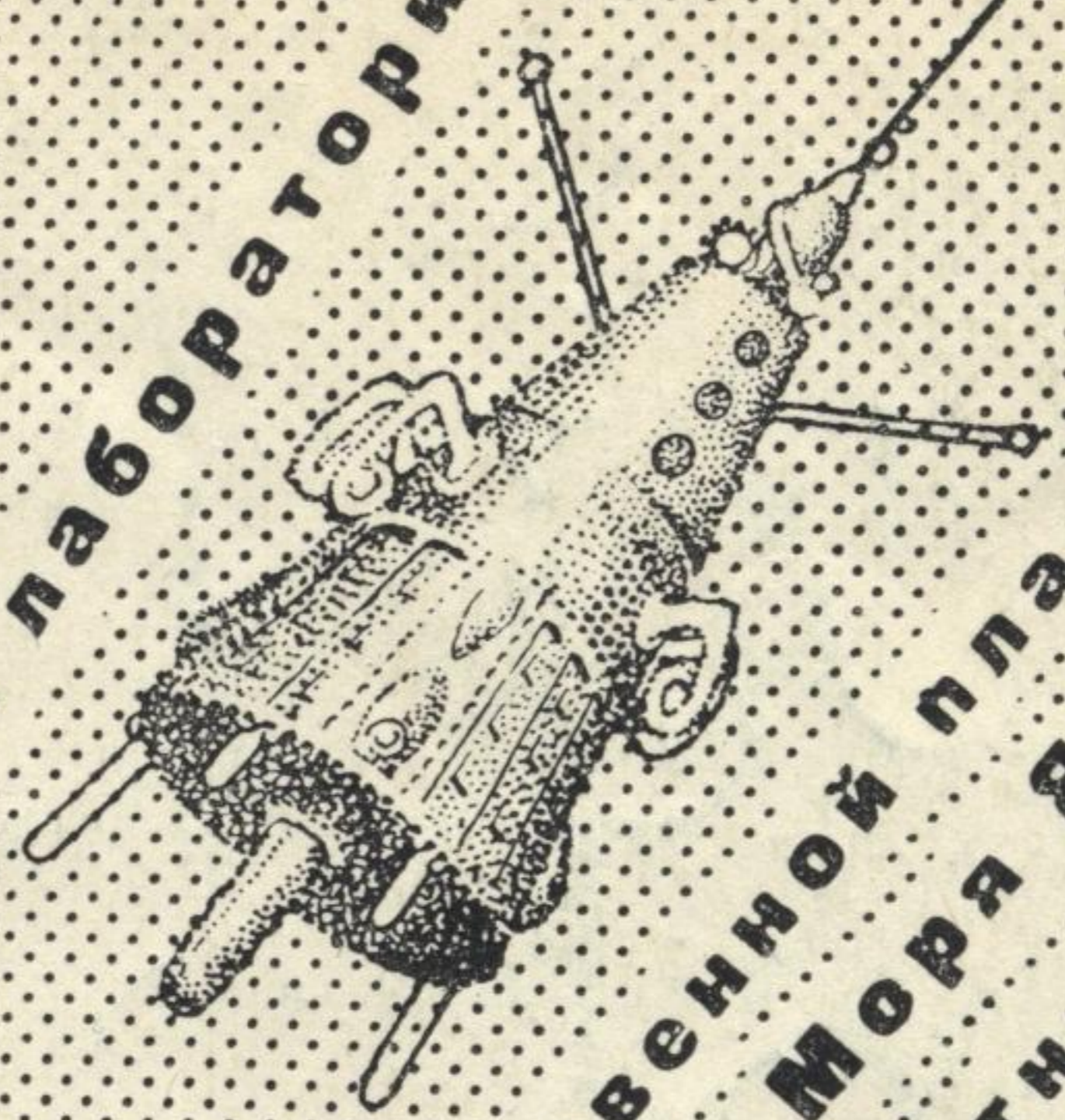
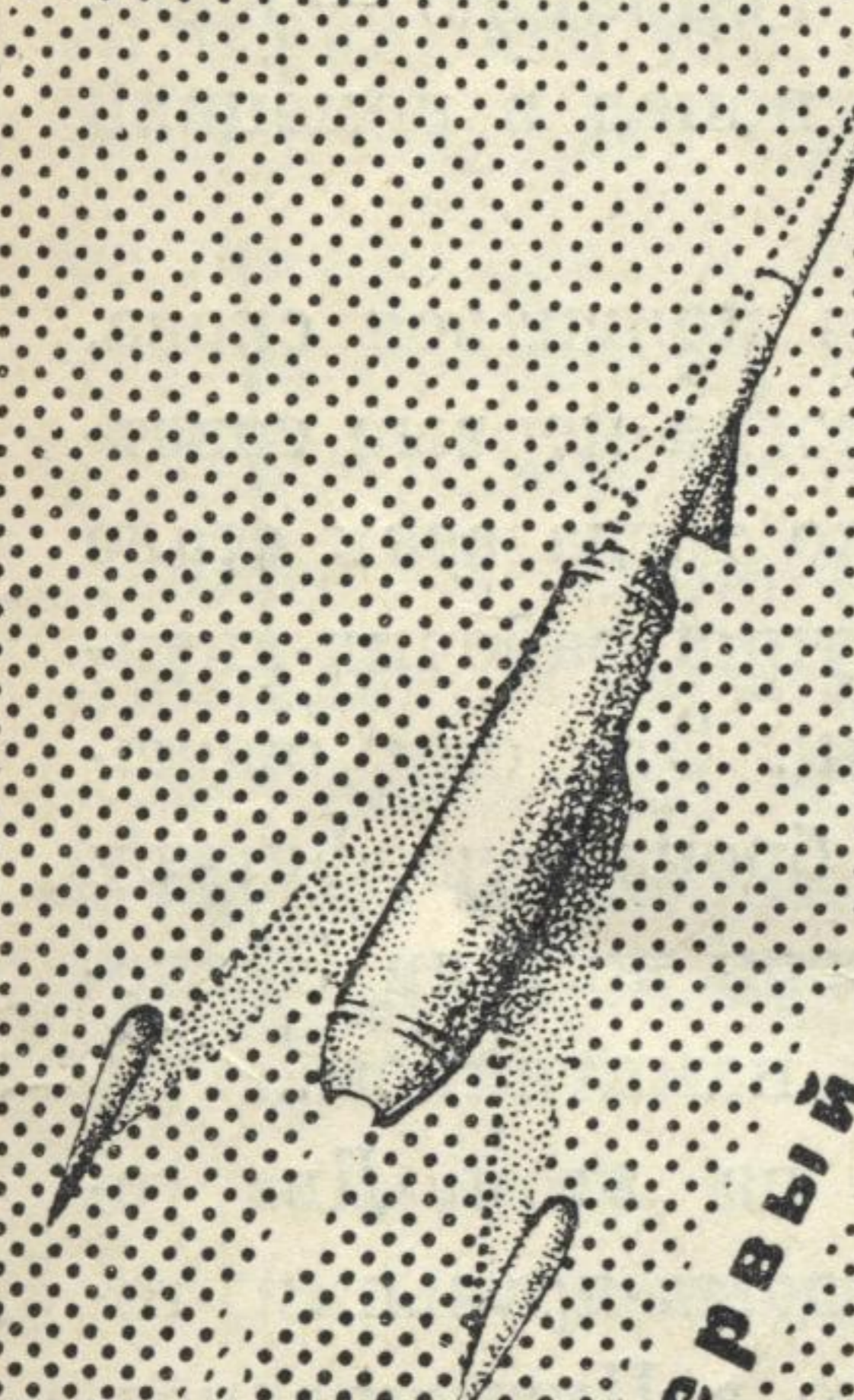
1957 год. 4 октября — первый шаг в космос, 3 ноября — старт «Лайки»

1958 год. 2 января — рождение спутника Солнца — искусственной планеты

1959 год. 14 сентября — «Лунник» доставил вымпел в район Моря Ясности

1960 год. 15 мая — запуск космического корабля весом 4,5 тонны

Твоя страна — родина завтрашних космонавтов

Д В А П А М Я Т Н И К А

Есть разные памятники. Одни застыли навечно в гранитном величии. А другие — живут. Живут, и борются, и зовут к борьбе.

...Это случилось в годы войны. В небольшом городке под Ленинградом фашисты сняли с пьедестала бронзовый памятник Ленину. Под звуки губных гармошек, под победные фашистские песни его увезли в Германию — переплавить на снарядные гильзы. Так он попал в немецкий город Эйслебен, на плавильный завод.

И тут памятник исчез. Исчез, чтобы появиться снова, чтобы встать во весь рост в тот день, когда первые советские солдаты войдут в Эйслебен. Только тогда всем стало известно, что на заводе действовала группа рабочих-антифашистов. Это они спрятали памятник. Это они рисковали собственной жизнью, спасая бронзовую фигуру Ильича. И разве удивительно, что теперь жители Эйслебена особенно гордятся и дорожат этим памятником...

Только история его не кончилась на этом. Два города — Эйслебен и Пушкин стали городами-друзьями, городами-братьями. И вот совсем недавно в Пушкине поднялся другой памятник — памятник Эрнсту Тельману. Его прислали в дар советским людям рабочие округа Галле, рабочие Эйслебена.

Всю свою жизнь Эрнст Тельман боролся с фашизмом.

Одиннадцать с половиной лет провел он в одиночной камере.

Одиннадцать с половиной лет его переводили из тюрьмы в тюрьму, его били, пытали, ему угрожали смертью, его вынуждали отказаться от своих убеждений.

Но он не сдавался. Когда было особенно тяжело, он думал о лучших днях своей жизни. Ему казалось, что он снова среди товарищей по борьбе, что он снова выступает

перед докерами Гамбурга, перед рабочими Берлина и снова в ответ поднимаются тысячи рук со сжатыми кулаками:

— Рот Фронт!

Ни на минуту он не переставал бороться. Даже здесь, в тюрьме, сидя в одиночной камере, он сумел установить связь с солдатами-зенитчиками. Зенитчики дежурили на крыше тюрьмы, и Тельман сигналами переговаривался с ними.

Председатель Коммунистической партии Германии, он верил, что там, за стенами тюрьмы, в стране, опутанной колючей проволокой концлагерей, борьба тоже не прекращается. Нет, он ничего не мог знать о рабочих из Эйслебена, но он бы гордился ими...

Даже ослабевшего от пыток и голода, даже заключенного в одиночную камеру, гитлеровцы боялись Тельмана. В августе 1944 года они убили его.

За несколько месяцев до гибели Эрнст Тельман в письме к товарищу по партии вспоминал слова Гете. Слова мужественные и простые:

«Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой».

Эрнст Тельман мечтал о том времени, когда его Родина и Советский Союз станут друзьями, когда власть в Германии будет принадлежать народу. В Германской Демократической Республике эта мечта сбылась. Но в Западной Германии снова хозяйничают фашисты, снова бывшие гитлеровские генералы тычут пальцами в карту Советского Союза. И поэтому Эрнст Тельман по-прежнему, как живой, призывает к борьбе, по-прежнему поднимает сжатый кулак:

— Рот Фронт! Смерть фашизму! Да здравствует дружба между народами!

Твои РОВЕСНИКИ

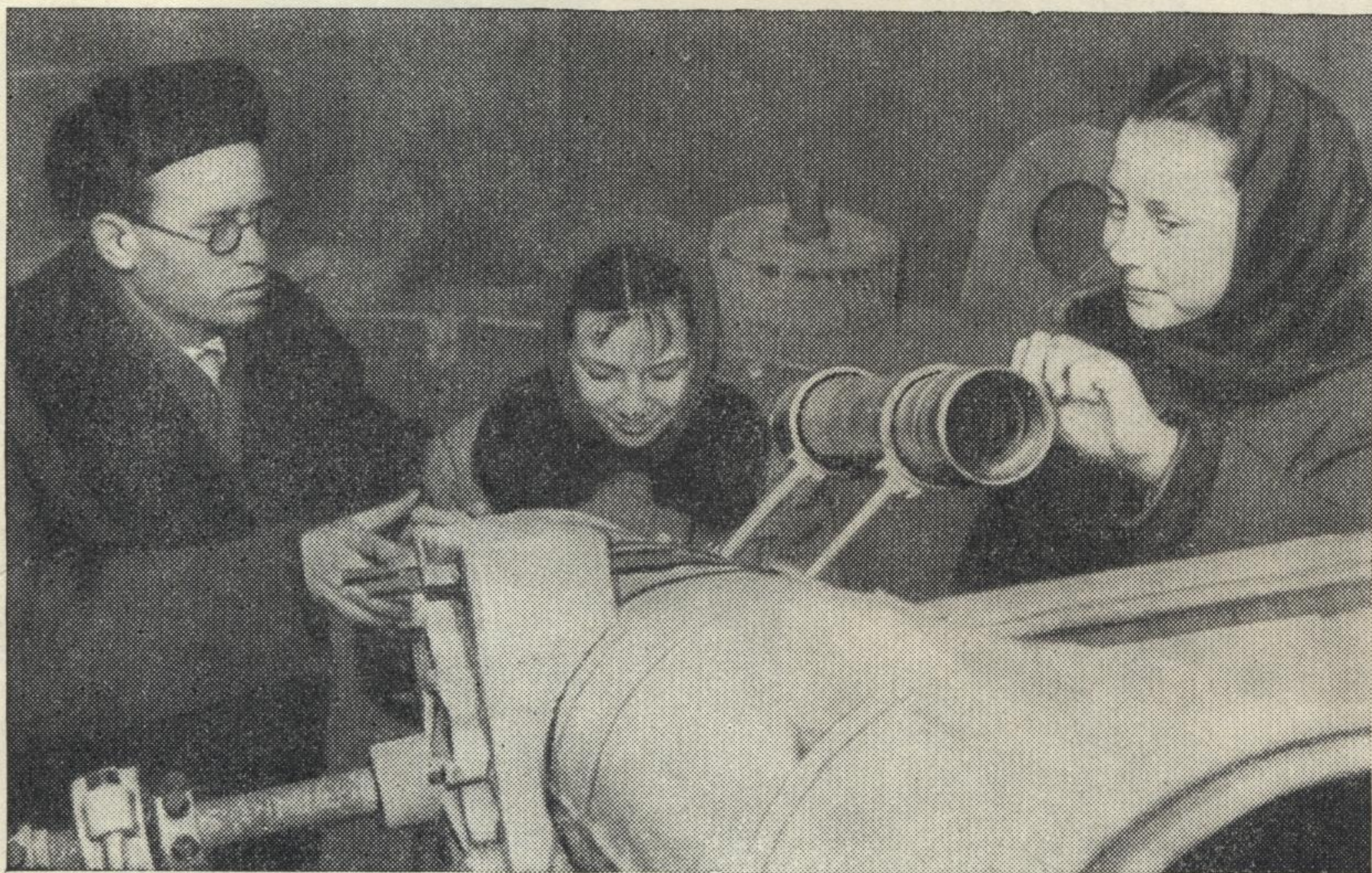
Школьная астрономическая

Школьная обсерватория... Не правда ли, это звучит необычно? Однако такая обсерватория существует, и не в каком-нибудь большом промышленном центре вроде Москвы или Ленинграда.

Ее адрес: Кировоградская область, поселок Новая Прага, школа № 1. Ее строители — ребята, члены школьного астрономического кружка.

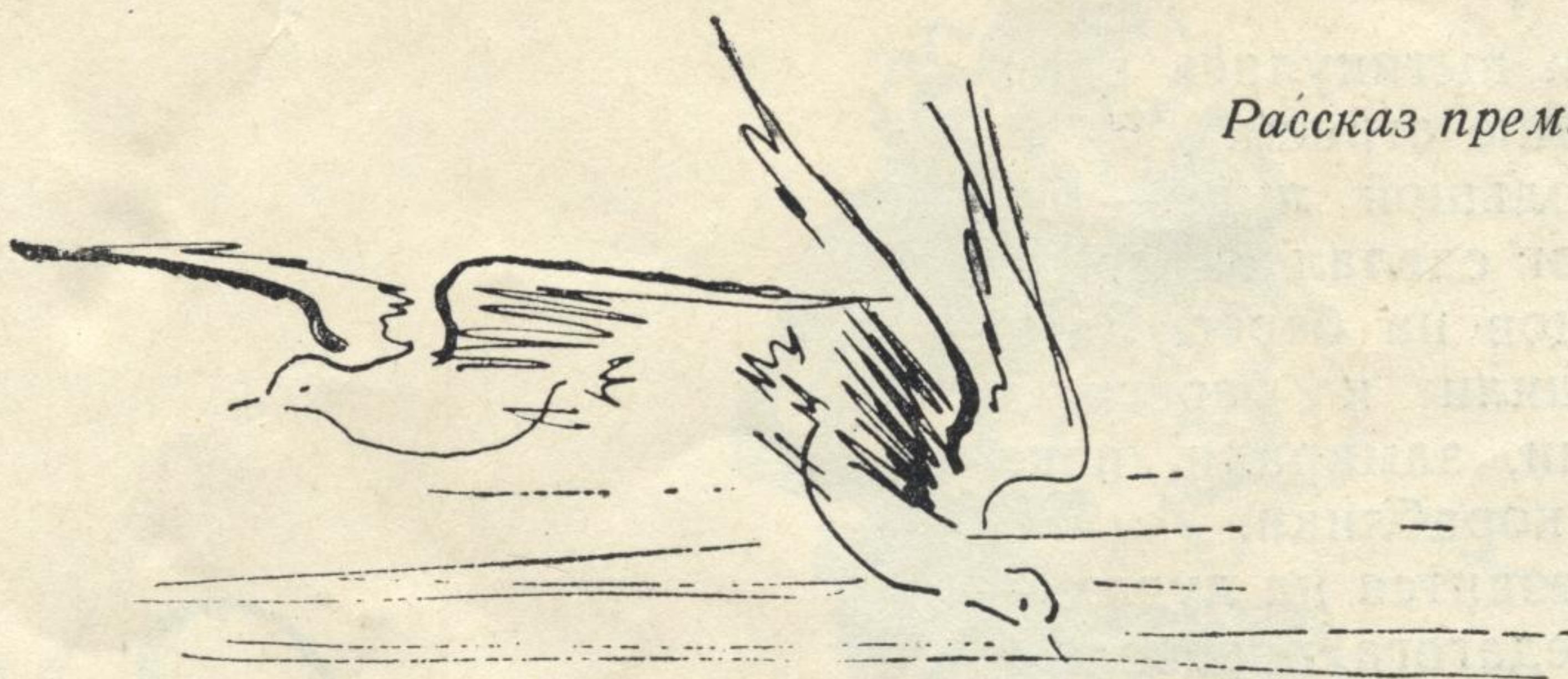
«Ура! Победа!» Кладка стен закончена. На шестиметровой высоте лучшие каменщики: Володя Калиберда и Гена Стрелец.

Ученицы 7-го класса Валя Скуднова и Майя Глущенко — настоящие энтузиастки. У каждой из них больше чем по 200 наблюдений. Девочки уже умеют пользоваться номограммами, каталогом переменных звезд, таблицами, логарифмической линейкой и арифмометром. Сейчас они производят регулировку малого телескопа — «искателя». Так же, как и большой, он сделан силами ребят в школьной мастерской.

Кружковцы внимательно слушают инструкцию для наблюдений за Солнцем.

ЯИЧНИЦА

Юрий Томин

Рисунки С. Спицына

Их было двое на острове, поросшем кривоногими соснами, приземистыми кустами черники и можжевельника.

Они голодали второй день.

Кордон стоял на берегу небольшой бухты. От самого кордона вдоль всего острова тянулось озеро, отделенное от моря прозрачной стенкой деревьев; остров был похож на полузатонувшую лодку.

Выводки крохалей доверчиво подплывали к кордону, но на них не стоило даже смотреть. Эти двое должны были охранять, а не убивать.

Орнитолог в зеленой, с множеством карманов, штурмовке сидел у берега бухты и записывал что-то в блокнот. Немного поодаль на груде ломких, высохших фукусов лежал, опершись на локоть, длинный костистый мальчуган.

Мальчик взял бинокль. В светло-зеленом овале поплыли перед глазами волны с рассыпающимися белыми верхушками. Он поднимал бинокль медленно, и так же медленно уходили вниз волны, а на смену им появлялись новые. Затем овал перерезала полоса прибоя, и показалась двугорбая вершина острова. На одном из горбов стояла решетчатая мигалка. До нее было семь километров, и, глядя в бинокль, можно было пересчитать доски, которыми она обшита. Чуть ниже мигалки находилась станция заповедника, скрытая мысом.

Мальчик слегка повернул голову. Мигалка прыгнула влево; со сказочной быстротой промелькнули склоны материкового берега и перед глазами задрожала труба рыбзавода.

До города было шестнадцать километров: в тихую погоду оттуда доносились музыка и гудки паровозов.

Опустив бинокль, мальчик взглянул на орнитолога. Тот по-прежнему писал. Он сидел у воды, как раз на таком расстоянии, чтобы брызги прибоя не долетали до него. Мальчик с неприязнью подумал, что за целую неделю их знакомства этот человек ни разу не рассмеялся по-настоящему. Он все делал как раз и в меру.

Неделю тому назад пятеро юннатов приплыли из города на станцию заповедника. Им сказали, что попали они не вовремя: идет кольцевание птиц, заниматься с ними некому. Но если они хотят, то могут работать помощниками, — по одному на каждого сотрудника.

Конечно, они хотели. Они стояли кучкой у домика станции, и к ним подошел этот сухощавый орнитолог в штурмовке.

— Я выезжаю сейчас. Один может поехать со мной. Работа трудная, — сказал орнитолог и не оглядываясь направился к лодке. Видно, ему было совершенно безразлично, кто отправится с ним.

Орнитолог отвязал лодку от бона, положил в нее весла. Наверное он так бы и уехал один, если бы Виктор, решившись, не подошел к нему.

— Садись. Грести умеешь?

— Умею. Я в этом году участвовал в соревнованиях, — сказал Виктор, ожидая обычного вопроса: в каких соревнованиях? Какое место?

Вопроса не последовало.

Орнитолог греб коротко, едва окуная весла. Так гребут люди, привыкшие к большим переходам.

— Можно я погребу?

— Здесь не соревнования. Здесь работа.

Орнитолог сидел на средней скамье, Виктор — на корме, лицом к нему. Взгляды их

часто встречались, и орнитолог хмурился. Он привык к одиночеству.

Покатые спины островов вытянулись вдоль губы, как корабли, плывущие строем.

Лодка подошла к небольшой луде — безлесному острову. Орнитолог сделал около нее круг, чтобы выгнать птенцов на берег. Заметив лодку, птенцы спешили к берегу и, уткнувшись носом в камни, замирали, покачиваясь, как игрушечные кораблики.

— Большинство птиц гнездится на лудах, — сказал орнитолог тоном педагога поневоле.

— Я знаю, — отозвался Виктор.

Орнитолог выпрыгнул на берег, наклонился и поднял крачонка так осторожно, словно брал в руки горячую картофелину.

— Смотри, как это делается.

— Да я умею, — сказал Виктор. — Я еще в прошлом году...

Орнитолог будто не слышал. Он распрямил ногу крачонка и сомкнул вокруг нее полоску серебристого металла с насеченными цифрами.

— Самое главное — не повредить ногу.

— Я знаю, — сказал Виктор. — Дайте мне колец, пожалуйста.

— Ты будешь ловить птенцов и приносить мне.

— Зачем же вы показывали? — спросил Виктор. Его начинал раздражать этот человек.

Орнитолог нахмурился.

— Иди левым берегом. Только осторожно, не наступи. Они прячутся в камнях.

Они шли, каждый по своей стороне, разделенные полоской суши шириной в тридцать метров. Пойманных птенцов Виктор относил орнитологу и тот бережно, но деловито принимал их в руки и через несколько секунд выпускал с кольцом на лапке. Все это делалось быстро и молча. Молчание тяготило Виктора. Орнитолог не обращал на него внимания, и Виктор подумал, что если он подойдет и вместо птенца протянет руку, то орнитолог так же молча окольцует ее и так же отойдет, не оглянувшись.

— Ему не больно? — спросил Виктор, отдавая очередного птенца.

— Это необходимо, — ответил орнитолог.

«Я больше не скажу ни одного слова», — подумал Виктор.

Через несколько минут он поймал первого гагачонка. Маленький темно-коричневый комочек лежал на его ладонях и бессильно тыкал в палец широким клювом. Он был мокрый и дрожал. Виктор подбежал к орнитологу.

— Он, наверное, больной. Можно я возьму его себе?

— Он здоровый, — сказал орнитолог. — Железы выделяют еще мало смазки, пух намокает. Оставь его в покое. У тебя он сдохнет через день.

— У меня?!

— У меня — тоже, — сухо сказал орнитолог.

В первый день они объехали по большому кругу еще пять дальних луд. У Виктора от усталости рябило в глазах. На последней луде ему уже казалось, что весь берег усеян выводками, и он часто наклонялся и накрывал ладонью камень вместо птенца.

На обратном пути орнитолог больше часу греб коротко и мерно, как машина. Мимо проплывали мертвые острова на мертвой воде. Полночное солнце на несколько минут спряталось за горизонт, и сразу острова потемнели и съежились.

Виктора разбудил толчок лодки о бон. Он вылез и, полусонный, побрел к дому станции.

— Подожди, — остановил его орнитолог, — на чем ты будешь спать?

— У меня там спальник.

— Есть хочешь?

— Я привез еду.

— Ясно, — орнитолог посмотрел на часы. Было половина первого. — Мы выезжаем в шесть... — Он взглянул на Виктора, потом еще раз на часы. — Хорошо, в восемь часов.

— Я могу и в пять, — угрюмо сказал Виктор.

— Здесь распоряжаюсь я, — спокойно ответил орнитолог.

Виктор побрел к дому, нарочито громко шаркая подошвами. Поднявшись на крыльцо, он увидел орнитолога уже в лодке. Тот греб в море.

В комнате, на спальных мешках, постеленных прямо на полу, вповалку, как солдаты, спали друзья Виктора. Развернув мешок, Виктор мгновенно уснул.

Почти сразу же его потрясли за плечо. Виктор, приготовившись к этому еще во сне, вскочил на ноги. Он стоял покачиваясь, и постепенно, как на фотобумаге, проявлялась перед его глазами комната, залитая солнцем.

— Иди позавтракай, — сказал орнитолог. — В той комнате на столе каша и чай.

— У меня есть свое. — Виктор потянулся за рюкзаком.

— Свое возьмешь с собой. Сейчас уже девять часов.

Через полчаса они были уже далеко от берега. И снова молчание, нарушаемое лишь частыми шлепками весел. Снова мимо плыли острова, впаянные в зеркало моря. В этот день им предстояло посетить только один остров. До него было двадцать километров.

Пять часов без отдыха раскачивался орнитолог на своей скамье. Выпрыгнув на берег, он приподнялся на цыпочки, потянулся, и на лице его на миг появилась улыбка. Но она предназначалась не Виктору. Орнитологу было просто приятно разогнуть спину.

На этом острове они закольцевали тринадцать птенцов. «С обратной дорогой приходится по три километра на каждого птенца», — мысленно подсчитал Виктор.

Перед возвращением они присели поесть. Орнитолог вынул из рюкзака хлеб, колбасу и термос. Виктор достал затвердевший батон, колбасу и пачку печенья. Они сидели на плоских камнях и между ними лежала еда, сложенная в общую кучу. Они пили чай из одного пластмассового колпачка и резали хлеб одним ножом. И тогда, единственный раз за всю неделю, Виктору показалось, что поведение этого человека было лишь испытанием для него, Виктора. Они сидели рядом, оба усталые, оба невыспавшиеся, — люди, дела-

вшие одно дело. И Виктор подумал, что он прошел испытание. Он ожидал, что орнитолог с ним заговорит или положит руку ему на плечо — в общем, сделает что-то такое, за что Виктор простит ему все сразу.

Орнитолог пил чай, перекладывая горячий колпачок из руки в руку. Затем он стряхнул с колен крошки.

Виктор ждал.

Орнитолог поднялся, и Виктор понял, что разговора не будет никогда. Он взглянул на орнитолога почти с ненавистью. Вряд ли тот понял, о чем думал Виктор, но что-то, может быть, выражение лица мальчика, заставило его произнести пустые слова:

— Тебе понравилось на этом острове?

— Да.

— Мы окольцевали серебристую чайку. Это не часто удается.

— Я буду грести, — хмуро сказал Виктор.

— Хорошо, — согласился орнитолог.

За пять дней, постепенно сужая круги, они объехали дальние острова и теперь на их участке оставалось всего несколько луд в самом центре губы. Обычно они возвращались позже всех и раньше всех уходили в море. Никогда прежде Виктору не приходилось работать так много. Но все же орнитолог работал больше. Когда Виктор ложился спать, орнитолог садился в лодку и плыл по каким-то своим делам на ближние острова. Он почти не спал, это было видно по его обветренному исхудавшему лицу, по спекшимся губам, в которых дрожала изжеванная папироса. Но в движениях его оставалась все та же нервная легкость. У него было длинное худое лицо, и Виктор однажды подумал, что орнитолог похож на голодную собаку.

С каждым днем орнитолог торопился все больше.

Виктор разыскивал птенцов, греб, делил с орнитологом еду, но делал это не ради него. Просто он не хотел уступать. Он родился у моря и в свои тринадцать лет был высок и костист, как шестнадцатилетний. В нем текла кровь его дедов — поморов, и в нем жило тяжелое дедовское упрямство. Он скорее умер бы, чем показал бы, что ему трудно. Но орнитолог не замечал ничего.

Виктор вырос у моря и знал, что такое труд. Против своей воли он отмечал неутомимость этого человека, который даже не нашел времени сообщить ему свое имя и отчество. И Виктор хмурился и злился, потому что сам не мог разобраться во всем. А орнитолог был не из тех, кто мог в этом помочь.

На пятый день к вечеру вершины материкового берега окутались грязными облаками.

Задула моряна. Виктор и орнитолог находились в это время на небольшой луде, прикрытой от ветра островом. Закончив обход, орнитолог мельком взглянул на широкий пролив, отделявший их от базы. На середине пролива, гонимые ветром, плясали барашки.

— Кажется, застряли, — сказал орнитолог.

Виктор молчал. Он не хотел ни решать, ни советовать.

— Придется плыть на кордон — переждать.

— Ветер слабый, — хмуро отозвался Виктор, глядя на носки сапог.

— Здесь слабый, мы за островом. Посмотри, что делается в проливе.

Взгляд Виктора скользнул к середине пролива. Там, как лоскуты бумаги, металась под ветром чайки, спешившие к берегу.

До острова, на котором стоял кордон, было метров триста. Летом кордон пустовал. Две железные кровати с продавленными сетками занимали половину комнаты. У стены — печка с дверцей, прикрученной проволокой. На столе — кулек с солью. На стене, оклеенной старыми обоями, жирно написано чернилами: «Наблюдатель Васильев — браконьер».

— На чердаке должно быть сено, — сказал орнитолог и вышел.

Скоро он возвратился с охапкой слежавшегося сена и разложил его на одной из кроватей.

— Можешь ложиться. Я пока спать не буду.

Виктор исподлобья взглянул на него.

— Дождусь полного прилива, нужно вытащить лодку, — пояснил орнитолог.

— Я тоже не буду спать!

Орнитолог пожал плечами и, присев к столу, вытащил из сумки тетрадь.

Виктор сел на кровать. Через минуту ему захотелось вытянуть ноги, через две минуты он спал.

Утром, проснувшись, Виктор долго лежал, не открывая глаз, ожидая, что его сейчас потрясут за плечо и придется вставать. Но никто не приходил его будить. Повернув голову, он увидел орнитолога, который спал, прижавшись щекой к раскрытому блокноту. Руки его, со сцепленными пальцами, были вытянуты поперек стола.

«Лодка!» — вспомнил Виктор. Осторожно, стараясь не скрипеть пружинами, он слез с кровати и вышел на берег. По небу бежали рыхлые низкие облака. На другом берегу бухты кланялись ветру недоростки-березы. Оттуда доносился глухой шум, и через равные промежутки времени над камнями, уходящими в море, вздымались снопы брызг. Но кордон был хорошо защищен от ветра.

В бухту лишь иногда заходила шальная волна, накатывалась на берег и, едва коснувшись кормы лодки, рассыпалась пеной и брызгами.

Лодка была вытащена на берег по самой большой воде. Значит, орнитолог все-таки караулил ее.

Постояв у воды, Виктор побрел к озеру. В полусотне метров от кордона, у самого берега, он спугнул выводок крохалей. Утка, тревожно озираясь, поплыла к середине; за ней, как нанизанные на нитку, потянулись утята. Их можно было подбить палкой.

Виктор вернулся к кордону.

Орнитолог уже стоял возле дома и смотрел на середину пролива, где вздымались неторопливые волны. Отсюда они казались игрушечными, но Виктор знал, что даже моторные баркасы остерегаются выходить в море в такую погоду.

— Старайся не ходить без нужды около озера, — сказал орнитолог не оборачиваясь, — не стоит беспокоить выводки.

Виктор промолчал.

— Ну что ж, можно спать дальше. А жаль... Очень жаль! Ты будешь спать?

Вопрос был обращен прямо и не ответить было нельзя.

— Нет.

— Захочешь есть — ложись спать.

Виктор давно уже хотел есть. Вчера они позавтракали, но продуктов с собой не взяли, рассчитывая вернуться рано.

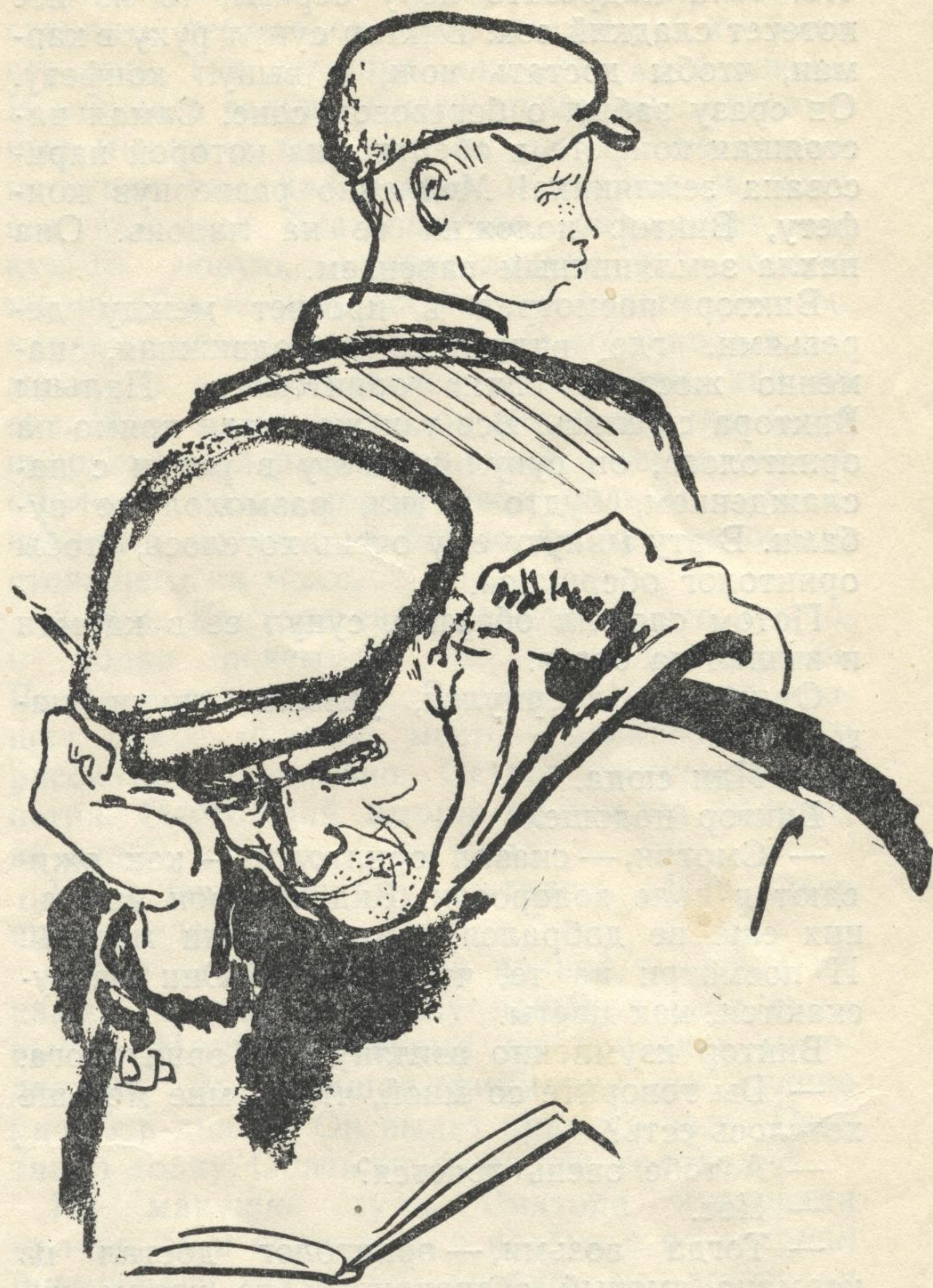
— Я не хочу есть, — сказал Виктор.

Орнитолог вошел в дом. Виктор слышал, как скрипнула кровать. Этот скрип показался ему нестерпимо обидным. Он понимал, что орнитолог не мог ничего поделать, но он должен был вести себя как-то иначе. Как — Виктор не знал. Но орнитолог должен был знать.

«Если хочешь понять, каков человек в море, нужен шторм», — вспомнил Виктор слова отца. Вот и пришел шторм. Но не было ни борьбы, ни громких команд, а только шум ветра, скрип кровати да щемящая пустота в желудке.

Первый день на острове не принес никаких изменений.

Утро второго дня — тоже. Виктор побродил в кустах, набрал пригоршню незрелой матово-зеленой черники. От нее было вязко во рту и болели десны. Они оба выпались на неделю вперед, и теперь Виктор, лежа на груди высохших водорослей, от нечего делать разглядывал в бинокль городские дымки. Где-то там, у рыбозавода, стояли на якорях два траулера, принадлежащие заповеднику. Они-то могли выйти в море. Но Виктор не ждал помощи.

Наблюдатели часто уезжали на несколько дней. Искать их не будут, во всяком случае — так быстро.

Отложив бинокль, Виктор взглянул на спину орнитолога, обтянутую штурмовкой. Он понимал, что сейчас можно было только ждать. Но то, что этот человек и теперь оставался самим собой и так же, как раньше, писал в блокноте, почесывая карандашом голову, вызывало раздражение.

Виктор поднялся и побрел в лес.

— Только не ходи к озеру, — сказал орнитолог.

— Как же!.. Там выводки, — с вызовом проговорил Виктор. — Они могут умереть со страху.

Орнитолог с удивлением посмотрел ему вслед и снова уткнулся в блокнот.

Виктор прошел несколько метров, и путь ему преградила береза. Она почти лежала, выворотив из земли корни, покрытые пластами мха. Но она еще жила — листья были зелеными. Где-то он читал, вспомнилось Виктору,

что, если надрезать кору березы, то из нее потечет сладкий сок. Виктор сунул руку в карман, чтобы достать нож, и вынул конфету. Он сразу забыл о березовом соке. Самая настоящая конфета в обертке, на которой нарисована земляника! Медленно развернув конфету, Виктор положил ее на ладонь. Она пахла земляничным вареньем.

Виктор посмотрел в просвет между деревьями, где виднелась неподвижная, каменно жесткая спина орнитолога. Пальцы Виктора сжались. Все так же глядя прямо на орнитолога, он сунул конфету в рот и с наслаждением, будто мстил, размолот ее зубами. В эту минуту ему очень хотелось, чтобы орнитолог обернулся.

Потом сложил обертку, сунул ее в карман и вышел на берег.

Орнитолог обернулся, услышав звуки шагов.

— Иди сюда.

Виктор подошел.

— Смотри, — сказал орнитолог, — как оживают в воде водоросли. Видишь, вон там до них еще не добрался прилив, — они мертвы. И посмотри на те, что в воде. Они распускаются, как цветы.

Виктор изумленно взглянул на орнитолога.

— Вы говорите со мной, чтобы мне меньше хотелось есть?

— А тебе очень хочется?

— Нет.

— Тогда возьми, — орнитолог достал из кармана смятый, обтрепанный по краям кусок хлеба.

Чувствуя, что краснеет, Виктор сунул руку в карман и до боли в пальцах сжал в кулаке обертку от конфеты.

— Я не возьму, — тихо сказал он.

— Послушай, мне приходилось голодать и больше. Ты понимаешь, я ведь все равно есть не стану.

Голос орнитолога был прежний, без интонаций. Он не просил и не требовал, но Виктор знал: орнитолог не станет есть этот хлеб.

Виктор протянул руку и принял хлеб.

— Я думаю, до утра мы будем дома, — сказал орнитолог.

Виктор отступил на шаг, повернулся и быстро пошел вдоль берега, прижимая хлеб к груди. Сейчас он не чувствовал ни голода, ни усталости. Обертка от конфеты шелестела в кармане и, казалось, шелест этот звучал громче шторма.

Виктор вышел на мыс. Ветер, свалившись с верхушек деревьев, ударил его в спину. Оступаясь на скользких, покрытых водорос-

лями камнях, он подошел к воде. Оглянулся. Отсюда была видна лишь крыша кордона.

Виктор коротко размахнулся и швырнул хлеб так далеко, как только мог.

Потом он присел на камень и долго смотрел на двугорбую вершину за проливом. Семь километров вспененной воды лежало между ним и этим островом. Там вдоволь хлеба. В двадцати метрах от Виктора все еще маячил на воде бурый комок. Его несло на камни. Виктор подумал, что если хлеб прибьет к берегу, то будет очень трудно отказаться от него второй раз. Подумал он также и о себе, о том, что он все-таки поступил честно, и от этого ему захотелось плакать.

Виктор отвернулся и стал смотреть на луду, на которой их застал шторм. Она была совсем близко. Отсюда Виктор мог различить большой камень, возле которого его ударила клювом крачка. Там было ее гнездо. А в кустах можжевельника на макушке луды он нашел гнездо гаги: восемь больших теплых, яиц в пуховой корзинке...

Внезапная догадка заставила Виктора подняться на ноги. Восемь крупных яиц! Триста метров до великолепной горячей яичницы! И он может это сделать, потому что остров прикрывает от ветра путь к луде и волна здесь не так велика.

Назад он вернулся другим путем, сделав большой крюк, чтобы по дороге обдумать все как следует.

Орнитолог сидел в лодке и вычерпывал воду банкой из-под консервов. Солнце, проглянувшее в тучах, светило ему в лицо, обтянутое обветренной кожей, с желваками на скулах — лицо очень усталого человека. Виктор подобрал валяющуюся на берегу банку и тоже принялся вычерпывать воду. Он боялся, что орнитолог спросит его, зачем он убежал с хлебом, но тот ничего не спросил.

— Через два часа полный прилив, — сказал наконец орнитолог. — Нужно столкнуть лодку. Мне кажется, ночью будет тихо.

Но Виктору сейчас не хотелось, чтобы утих шторм. Он привезет восемь крупных яиц... Они съедят их — по четыре на каждого. Виктор должен так сделать, потому что конфета была съедена втихомолку, а потом орнитолог отдал свой хлеб. Виктор ждал прилива. Волны облизывали подсохшие камни и откатывались назад в море. Каждая следующая волна заходила чуть дальше предыдущей, но все же прилив надвигался мучительно медленно. Виктор отвернулся и решил считать до тысячи. Сосчитав до пятисот, он посмотрел на воду. Первый ряд фукусов уже всплывал

на волне. До полного прилива оставалось полтора часа.

И он пришел вовремя, возвестив о себе звучным шлепком по корме лодки.

— Взялись, — сказал орнитолог. — Только очень не напрягайся, у тебя закружится голова.

Виктор ухватился за колок. Он тянул изо всех сил, и голова у него действительно закружилась, а перед глазами поплыли разноцветные шары.

— Теперь нужно ее постепенно сталкивать, когда вода будет уходить, — сказал орнитолог. — Я буду смотреть, а ты иди ложись. Я позову.

— Я сейчас лягу, — согласился Виктор. — Только я забыл вам сказать: я видел мертвых птенцов... Там, у озера... где кормушка... Они плавают в воде.

— Какие птенцы? Что за чушь?

— Десять штук. Они плавают кверху брюхом, — упрямо повторил Виктор.

— Идем, покажи.

— Я устал, — сказал Виктор.

— У кормушки?

— Да.

— Я сейчас вернусь, — сказал орнитолог.

Как только орнитолог скрылся в лесу, Виктор столкнул лодку. Он греб торопливо, чтобы выбраться из бухты, прежде чем вернется орнитолог.

В бухте вода была сравнительно спокойной. С моря сюда приходил невысокий накат. У выхода в море Виктор придержал лодку. Совсем рядом, отделенные незримой чертой, шли вдоль острова разваливающиеся шипящие волны. Они были неторопливы и неутомимы. Им не было конца.

Виктору стало страшно. Он нерешительно поднял весла, затем опустил, снова поднял и понял, что если промедлит еще несколько секунд, то уже не найдет в себе мужества и повернет обратно. Виктор взглянул на берег и увидел орнитолога. Тот шел, оступаясь на камнях, махал рукой и кричал что-то неслышное.

Виктор сделал гребок. Лодка пересекла черту.

Волна легко и цепко подхватила лодку, вздыбила ее и с наслаждением шмякнула носом об воду. Заплясал, наклоняясь и раскачиваясь, пьяный берег. Лодка опустилась в провал, и над бортом выросла зеленая стена с прожилками пузырьков и пены. Виктор, холодея, ткнул веслами в эту стену, и лодка медленно полезла вверх. Она взобралась на гребень и снова шлепнулась об воду обнажившимся днищем.

Виктор ловил веслами ускользавшую воду, стараясь держаться вразрез волне. Ему было страшно. Так страшно, как никогда в жизни. И сейчас в голове у него проносились несвязные мысли о том, что он раньше не всегда поступал так, как нужно, и что теперь, если все кончится благополучно, он начнет какую-то новую, справедливую и честную жизнь. Он не мог вспомнить ничего толком: какие-то дома, знакомые лица возникали в памяти, не задерживались и исчезали, как во сне. Но в то же время он видел все, что было вокруг: видел раскачивающийся берег, потеки смолы в пазах лодки, свои пальцы с посиневшими ногтями и белую фигуру человека, стоявшего на мысе.

А руки Виктора сами делали то, что нужно, и лодка почему-то не переворачивалась. Волна стала меньше. Виктор понял, что прошел самое опасное место — мелководье. Он рассчитал правильно. Остров прикрывал от ветра. Настоящий шторм начинался дальше, за лудой, к которой он плыл.

Но и того, что ему досталось здесь, было вполне достаточно.

Когда лодка, поднятая волной, вылезла на камни, Виктор не сразу нашел в себе силы выйти. Некоторое время он просидел неподвижно, не обращая внимания на гулкие удары в днище. Он вылез прямо в воду. Подтянул лодку. Опять закружилась голова.

На макушке луды Виктора атаковали крачки. Они поднялись в воздух и по очереди пикировали на него, злобно, не по-птичьи взвизгивая. Закрывая лицо руками, он подошел к гнезду. Гага тяжело вымахнула из куста. С отчаянной материнской храбростью она плюхнулась рядом и заполоскала крыльями, отводя Виктора. Виктор положил в шапку восемь тяжелых теплых яиц. Чувствуя, как странно подгибаются и слабеют ноги, он спустился к лодке.

И все повторилось снова.

Опять раскачивалась и валилась набок лодка. Опять раскачивались небо и берег. И полоса бешеной воды у входа в залив... И странно белая фигура орнитолога на мысе.

Виктор вышел в бухту.

Орнитолог стоял на берегу в одном белье. «Он разделся, чтобы плыть», — подумал Виктор.

— Ты выдумал вздор с птенцами ради этой прогулки? — тихо спросил орнитолог.

— Да, — отозвался Виктор. — Да! — повторил он звонко, потому что сейчас был счастлив. — Вы бы меня все равно не пустили.

— Ты негодяй, — сказал орнитолог. Он повернулся и пошел к кордону, ничего не прибавив.

«Он не понимает... он думает, я просто так...» — промелькнуло в голове у Виктора.

— Подождите! — крикнул он. — Посмотрите, что я привез.

Виктор подбежал к орнитологу и протянул ему шапку, полную яиц. Он взглянул орнитологу в глаза и засмеялся, чтобы тот понял, что Виктор уже не сердится.

— Ясно, — сказал орнитолог, и лицо его покрылось пятнами. — Скажи, кто дал тебе право грабить гнезда? — Глаза орнитолога сузились, стали злыми. Впервые за всю неделю голос его зазвучал резко. — Меня отпустили с фронта, понимаешь? С фронта! Там умирали люди, а меня отпустили потому, что здесь некому было охранять птицу. Ты знаешь, что га-

гачьих гнезд всего несколько сотен? И наш заповедник — единственный в Союзе?

Виктор растерянно молчал.

— Ты знаешь, что наши работники неделями не вылезают из лодок? Я живу здесь пятнадцать лет... Ты еще не родился, когда я сюда приехал. Ты хочешь стать биологом? Ты — юннат... Нет, ты только считаешь себя юннатом, браконьер! Тебе хочется есть? Мы голодаем всего два дня... А гага... она выводит птенцов один раз в год. Ты думаешь, что совершил подвиг, но ты поступил, как трус! Твой желудок оказался сильнее тебя.

Виктор, подавленный, оскорбленный, стоял, опустив голову, и молчал, потому что боялся расплакаться.

— Ты взял их в том гнезде? — спросил орнитолог.

— Я взял их... не для себя, — Виктор про-

глотил комок и заговорил громче. — Я хотел вам... Я не ел ваш хлеб! Выбросил в море... Вот!

— Выбросил? Ты?

— Я не браконьер! Понятно вам!? — крикнул Виктор. — Можете подавиться своим хлебом!

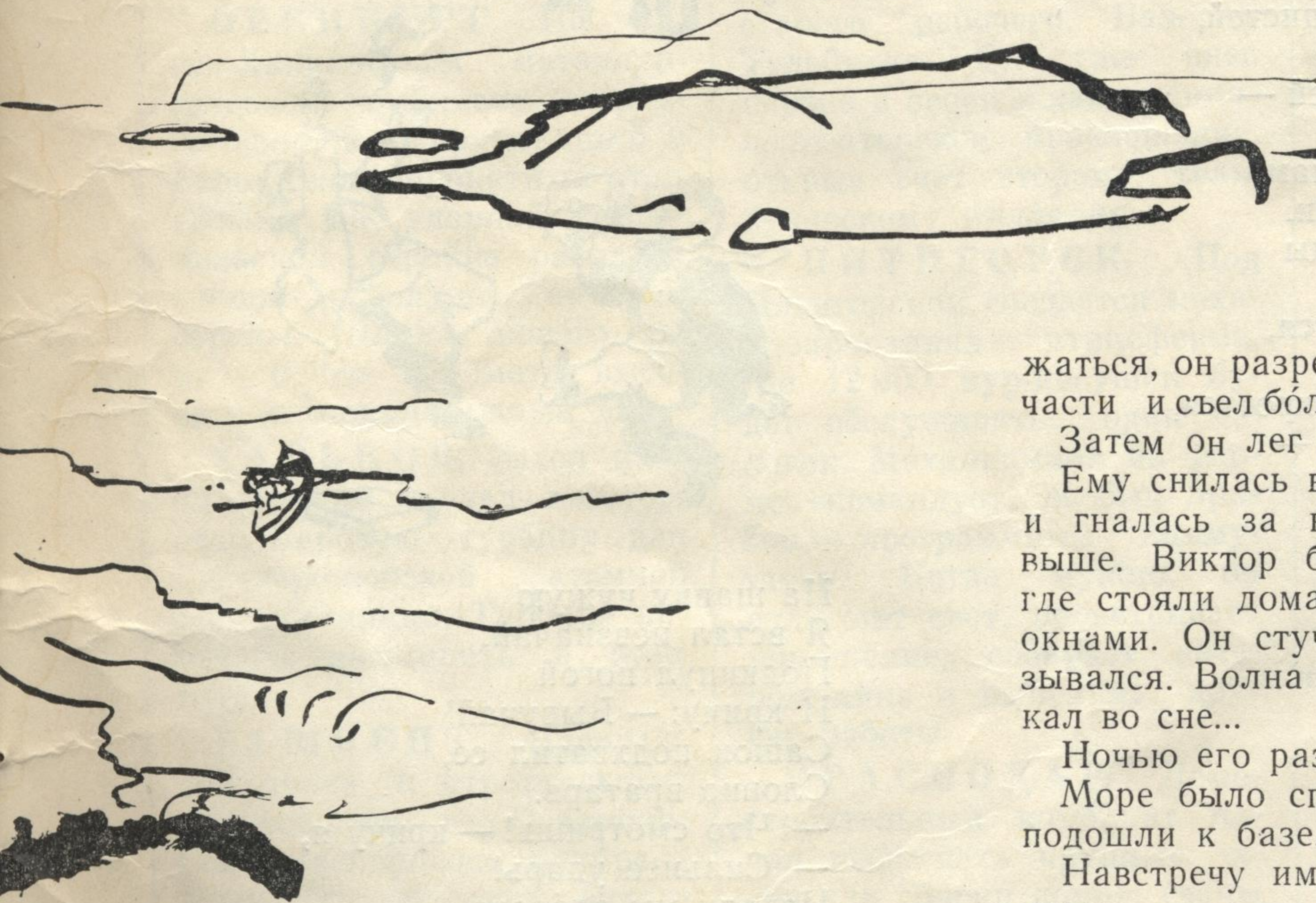
Орнитолог повернулся, медленно подошел к лодке, расстелил на дне штурмовку и завернул в нее яйца. Затем натянул брюки, сапоги, столкнул лодку и прыгнул в нее. У Виктора мелькнула сумасшедшая мысль, что орнитолог собирается утопиться.

— Вы что?.. — спросил он испуганно.

— Отвезу яйца, — сказал орнитолог спокойно, как прежде. — Иди в дом: И без фокусов, ясно?

— Нет, не ясно, — сказал Виктор и остался на берегу.

Лодка скрылась за мысом. Виктор лесом прошел вдоль берега и, прячась за деревом, стал наблюдать за ней. Волны швыряли лодку, высоко подбрасывая то нос, то корму. Казалось, она должна была перевернуться каждую секунду. Отсюда, с твердой земли,

все выглядело гораздо страшнее. Виктор стоял, прислонясь к дереву, и каждый раз, когда лодка, накрываясь, катилась в провал с гребня волны, у него замирало сердце. Он со страхом думал, что орнитолог может не вернуться.

Но орнитолог вернулся. Он вылез на берег мокрый, держа в руках свернутую штурмовку.

Он вошел в дом с пучком сухих водорослей и банкой в руках. Поливая водой из банки, тщательно вымыл плиту. Потом принес сухих веток и, наломав их об колени, разжег огонь. Виктор, лежа на кровати, с удивлением наблюдал за этими действиями, закрывая глаза, когда орнитолог поворачивался к нему.

Плита нагрелась. Орнитолог развернул штурмовку и достал два крупных гагачьих яйца. Он вылил яйца на плиту. Запах еды, смешавшись с запахом дыма, заполнил комнату. Виктор до боли прикусил губу.

— Иди ешь, — позвал орнитолог.

Виктор не пошевелился.

— Я ведь вижу, что ты не спишь.

— Не буду, — сказал Виктор, не открывая глаз.

Орнитолог снял с плиты запекшийся неровный блин с двумя желтыми кружками и положил его на стол.

— Ешь, — сказал он устало и, тяжело ступая, вышел из комнаты.

Виктор поднялся с кровати, заглянул в окно. Орнитолог, прямой и тощий, стоял на берегу и смотрел в море.

Рука Виктора протянулась к яичнице. Он отломил сбоку кусочек хрустящей прозрачной пленки, положил его в рот и ощутил невыносимо сладкий привкус горелого. Презирая самого себя, но не в силах сдержаться, он разрезал подгоревший блин на две части и съел большую, посыпав крупной солью.

Затем он лег на кровать и уснул.

Ему снилась волна, которая вышла из моря и гналась за ним по земле, вырастая все выше. Виктор бежал вдоль какой-то улицы, где стояли дома с заколоченными дверями и окнами. Он стучал в двери, но никто не отзывался. Волна настигала его, и Виктор плакал во сне...

Ночью его разбудил орнитолог.

Море было спокойно, и через полчаса они подошли к базе.

Навстречу им вышел заспанный наблюдатель.

— На кордоне отсиживались? — спросил он, позевывая.

— На кордоне, — ответил орнитолог.

— Я так и думал. Есть хотите?

— Накорми мальчика. Только много не давай — он не ел двое суток.

— Ну? — удивился наблюдатель. — И как? Ничего?

— Ничего, — сказал орнитолог.
— Герой, — ухмыльнулся наблюдатель.
— Займись делом, — сухо сказал орнитолог.

Наевшись, Виктор отправился в комнату, отведенную ребятам. Все так же, в мешках, постеленных на полу, спали четверо. Наверное, они очень устали. Ни один не пошевелился. Виктор залез в свой мешок и долго лежал с открытыми глазами. В голове у него все еще шумело море.

За дощатой перегородкой звякнула тарелка, и чей-то голос, наверное, наблюдателя, прошептал:

— Юннатов завтра отправляем... А как твой-то держался, ничего? Трудновато ведь мальцу двое суток...

— Он не малец, — сказал орнитолог. — Вот что... У нас, кажется, есть место лаборанта? Я займу его до сентября.

— Для него?

— Да.

— Такого пацана?.. Вы же студентке отказали!

— Он не пацан, — сказал орнитолог. — Я возьму его. Если... если, конечно, он согласится.

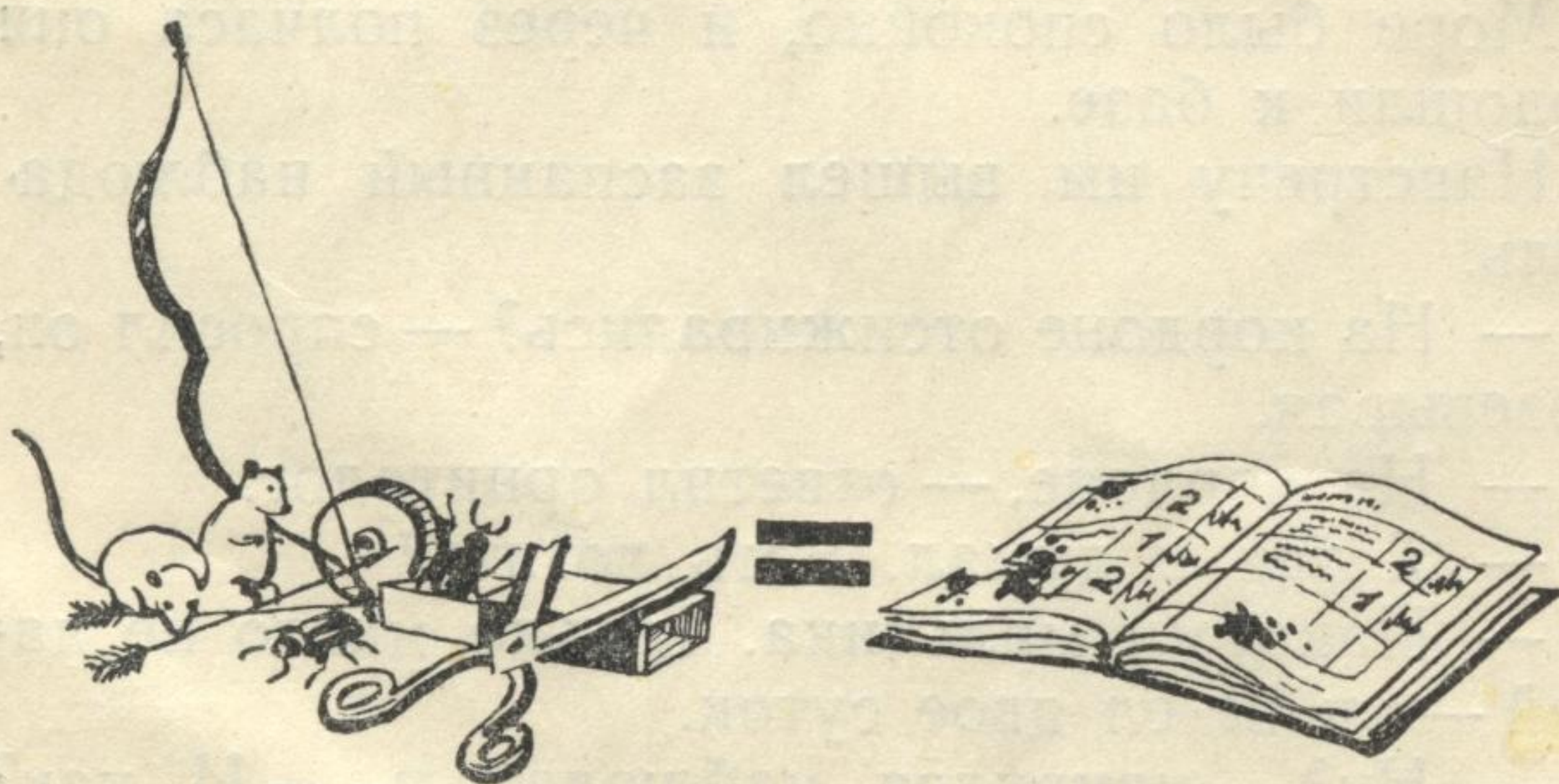
Виктор, приподнявшись, слушал этот ночной разговор. Он еще не простил орнитологу ничего.

Но Виктор уже знал — он согласится. Ведь то, что довелось пережить им вдвоем, достается не каждому.

Э. Островская

Меняла

Нет школьника покладистей,
Чем Сема Бирюков:
Дадите Семе сладостей —
Получите жуков.
Семен за лук со стрелами
Берет мышами белыми.
За сломанные ножницы
Отдаст охотно карту.
Его богатства множатся,
Переполняя парту.
Он там с макушкой скроется,
(Богатому — морока!) —
И роется,
И роется...
Ему не до урока!
Колесики от койки
Менял он на синиц,
А получил... три двсйки
И пару единиц.

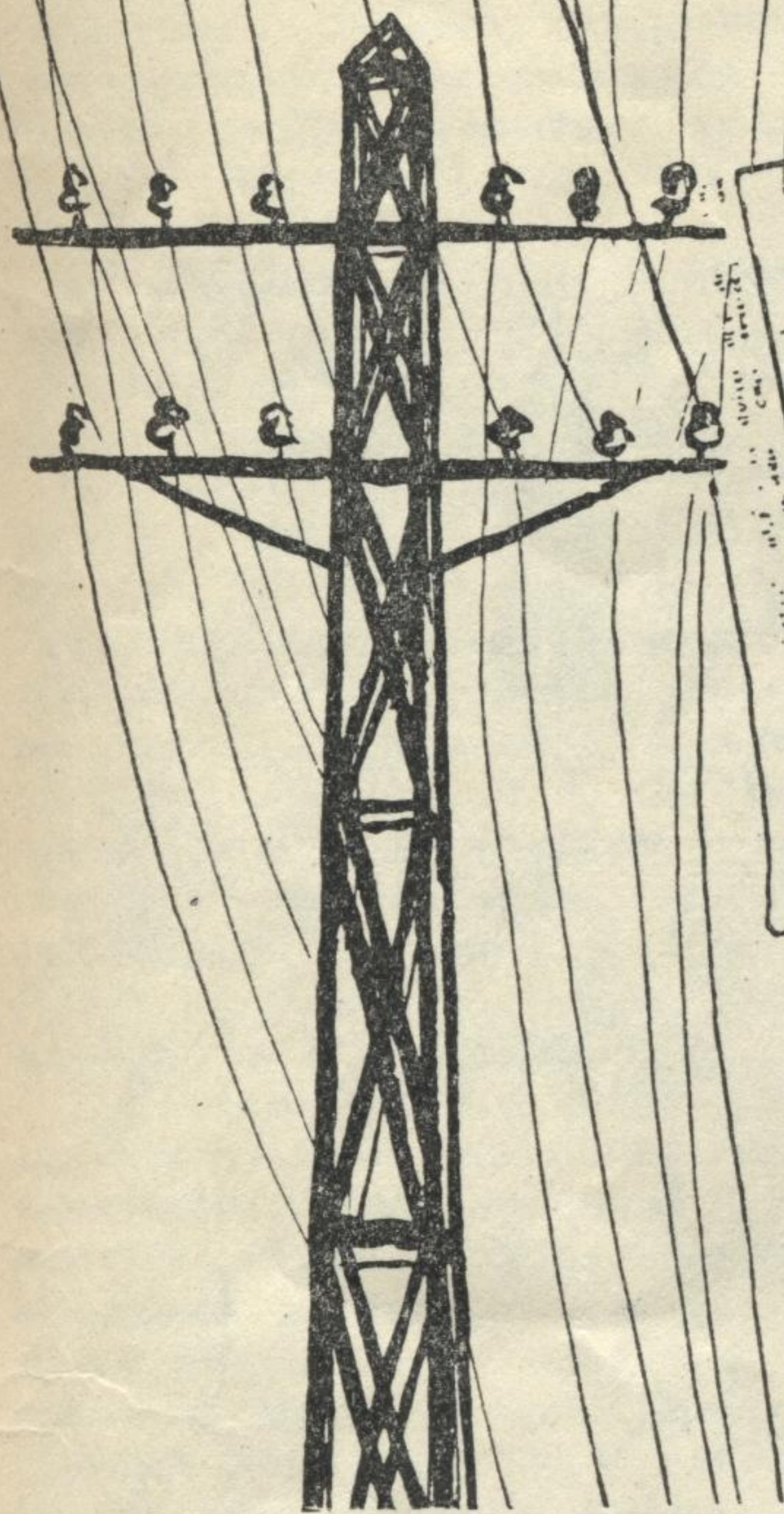

Рисунки В. Фомина

На шапку чужую
Я встал невзначай.
Подкинул ногой
И кричу: — Выручай!
Сашок подхватил ее,
Словно вратарь.
— Что смотришь! — кричу я,
— Сильнее ударь!
Играли мы здорово,
Саша
И я...
Вдруг я обнаружил,
Что шапка — моя.
Кто мог ее скинуть,
Хотел бы я знать!
И каждый проходит,
Не может поднять!

Министерство Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ОТКУДА: СТРОЙКИ
СЕМИЛЕТКИ

КУДА: ВО ВСЕ КОНЦЫ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КОМУ: ЧИТАТЕЛЯМ
"КОСТРА"

ВРЕМЯ ПОДАЧИ:
ВТОРОЙ ГОД СЕМИЛЕТКИ

*Сделано
Делается
Будет сделано*

ОРЕНБУРГ. На Орско-Халиловском металлургическом комбинате досрочно сооружен крупнейший в Европе листопрокатный стан «2800». На ударной комсомольской стройке работали юноши и девушки со всей страны. Длина нового цеха — почти километр, высота — с восьмиэтажный дом.

ХАРЬКОВ. Завод имени Кирова начал изготавливать паровую турбину для Нововоронежской атомной электростанции. Турбину намечено изготовить в этом году.

ТАШКЕНТ. Началась подготовка к строительству крупнейшего в Советском Союзе газопровода Бухара—Урал. От огромных бухарских месторождений газа две нитки голубой магистрали протянутся к Челябинску и Свердловску.

БЕЛГОРОД. «Наш миллионер» — так говорят на Старооскольском механическом заводе о Ефиме Мат-

веевиче Тельбукове. Рационализаторские предложения, которые внес он и его сыновья, Сергей и Павел, — дали государству миллион рублей экономии. На этом же заводе работает и внук старого рабочего, Валерий Тельбуков. Он уже внес первое в своей жизни рационализаторское предложение, открыв счет второму тельбуковскому миллиону.

ПЯТИГОРСК. Под Пятигорском создается механизированная птицеферма, где 12 000 кур-несушек будет обслуживать... один человек. Механизмами на ферме «командует» особый прибор — программный коммутатор. Когда нужно, он включает свет, проветривает помещение, собирает вечером яйца и выполняет другие работы.

КРАСНОДАР. Домостроительный комбинат начал выпускать крупные части для сборки домов: стены будущих комнат, лестничные марши с площадками, полы, потолки. Из таких частей большой пятиэтажный дом можно собрать всего за двадцать пять дней.

ЛЕНИНГРАД. Закончено проектирование перво-

го советского батискафа — аппарата для исследования океанских глубин. Подводная лаборатория состоит из сигарообразного корпуса и шарообразной исследовательской камеры. Внутри камеры помещаются ученые и установлены приборы для наблюдения.

КАЛИНИН. Здесь начали строить самую крупную в Советском Союзе фабрику детской книги. Выпуск книг начнется в 1963 году.

БАКУ. Открылось воздушное сообщение между столицей Азербайджана Баку и городом нефтяников на Каспийском море — Нефтяные Камни. Путь между этими городами теплоход проходит за шесть — семь часов, а вертолет — за тридцать две минуты. Приземляется вертолет на бетонной площадке, построенной на сваях.

СТАЛИНАБАД. В машинном зале новой гидроэлектростанции Перепадная не видно ни одного человека. За работой гидротурбин и электрических аппаратов «следит» лаборатория телемеханического управления.

НА ЗАРЕ ВОЛНЬНОГО ВЕКА

Д. Блюменау

«... Если жить не надоело,
Не люби пороходела.
Если хочешь быть в живых,
Уходи с Пороховых!..»

Прежде чем принять новенького на работу, проводили его сначала по всему цеху. Не задохнется от ядовитых испарений, не упадет, — тогда берут: есть надежда, что сможет работать.

Так было здесь до революции. ...Огромный кирпичный корпус переплетен толстыми, в два обхвата, трубопроводами. Шум механизмов, свист пара. Пощелкивают аппараты. Вдоль стены — длинный ряд щитов. Бегают стрелки приборов, мигают лампочки — белые, красные, зеленые. Около щитов девушки в белоснежных халатах — операторы. Они следят за контрольными приборами. Только следят, — механизмы работают сами.

И про этот завод пели такие не-веселые песни?

Нынешний Охтенский химический комбинат так же не похож на бывшие Пороховые, как не похожа на прежнюю его сегодняшняя продукция.

В воздухе — пудовая гиря. Присматриваемся. Гиря висит на тончайшей нити. Нить — из искусственного волокна. В природе нет столь прочных нитей.

На бетонном полу — огромная глыба. Кажется, только трактору под силу сдвинуть ее с места. Но подходит мальчик, обхватывает глыбу руками и поднимает над головой. Глыба — из пенопласта. Он в тринадцать раз легче пробки. В природе нет столь легких материалов.

Два пластика. А всего их уже сотни, тысячи. Каждый — из отходов нефти, газов, угля. Из того, что раньше просто выбрасывалось...

Девушки следят за приборами. За стеной — мощные реакторы,

огромные котлы. Бесцветный, чуть пахнущий чесноком газ этилен поступает в котел. Давление огромное, температура большая — и из котла тонкой змейкой выбегает белая студенистая масса. Масса застывает — образуется легкое, прочное вещество. По нему стучи хоть молотком — не расколется, даже не прогнется.

Так рождается полиэтилен, один из лучших современных пластиков. Тут же, на комбинате, из него делают шланги, мешки, бутылки, походные фляги. И трубы: прочная гибкая трубка, будто огромная макаронина, ползет из шнек-машины. Труба легче, дешевле металлической и долговечнее. Долговечнее, потому что не ржавеет.

Пройдет немного времени, и мы увидим шнек-машину не только в цеху, но и на трассе, скажем, будущего газопровода. Двигается по степи канавокопатель. На нем

Рисунки А. Януса

смонтирована шнек-машина. Кана-вокопатель прорывает траншею, а в нее, словно зубная паста из гигантского тюбика, выдавливается многокилометровая сплошная труба. Сзади скрепер зарывает траншею. Успевай только подвозить полиэтилен.

Техника каждый день требует все новых материалов, с особыми, еще небывалыми свойствами. И химики-охтенцы их получают.

Из Индии пришел заказ на аппаратуру. Конструкторы задумались: из какого материала ее делать? Пресс-порошок «монолит», который обычно идет на корпуса телефонов, настольные лампы, письменные приборы, — не годится. Он размягчается под лучами южного солнца, портится от избытка влаги, его разрушают тропические насекомые. Нужен особый пластик. Охтенцы взялись за его создание.

... В огромную мешалку, похожую на круглую пузатую бочку, где уже находится расплавленная смола, называемая фенолформальдегидной, медленно загружают каучук. Массу долго перемешивают, а когда у нее появится металлический блеск, выпускают из мешалки и охлаждают. Перед нами твердое черное вещество с зеленоватым оттенком. Это и есть новый «тропикоустойчивый» пластик — пресспорошок ФВК. Из него теперь делают аппаратуру для южных стран.

Обычная киноплёнка горюча. Вспыхивает от малейшей искры. «А что, если создать негорючую киноплёнку? — задумались охтен-

ские химики. — С такой куда удобнее и безопаснее обращаться».

Долго трудились — и все неудачно. Наконец попробовали изготовить пластик... из пуха. Из коротковолокнистого хлопкового пуха, который не годится ни для ваты, ни для пряжи. Обработали его особым образом — и результат оказался замечательным: новая пластмасса — триацетатцеллюлоза, прозрачная, прочная и, главное, негорючая. То, что и требовалось. На пленке из триацетата отпечатали кинофильм «Дон Кихот» — получилось хорошо. Сейчас уже большинство кинокартин снимают на новой пленке.

Спрос на триацетат до того велик, что пришлось для цеха строить новый корпус. Теперь за главными заводскими воротами, над которыми установлен орден Трудового Красного Знамени, высится трехэтажное здание. В нем — как на палубе большого корабля: гудят мощные моторы, работают машины, агрегаты, повсюду приборы, трапы, надстройки.

Таких цехов на комбинате много. Но есть и другие — там тишина, чистота, люди в белых халатах, словно в больнице. Так — в цехе бутиральной пленки, которая идет на изготовление бесосколочного стекла для автомашин и самолетов. Тут все блестит: механизмы, полы, стены. Их даже смазывают глицерином, чтобы прилипла пыль. Ведь для бутиральной пленки пыль — опасный враг: несколько пылинки — и все пропало.

Над городом спускаются сумерки. Озаряются светом корпуса Охтенского химического комбината. В электрическом мареве вспыхивают голубые молнии. Это ведут работу сварщики. Они возводят еще один цех — цех эпоксидной смолы.

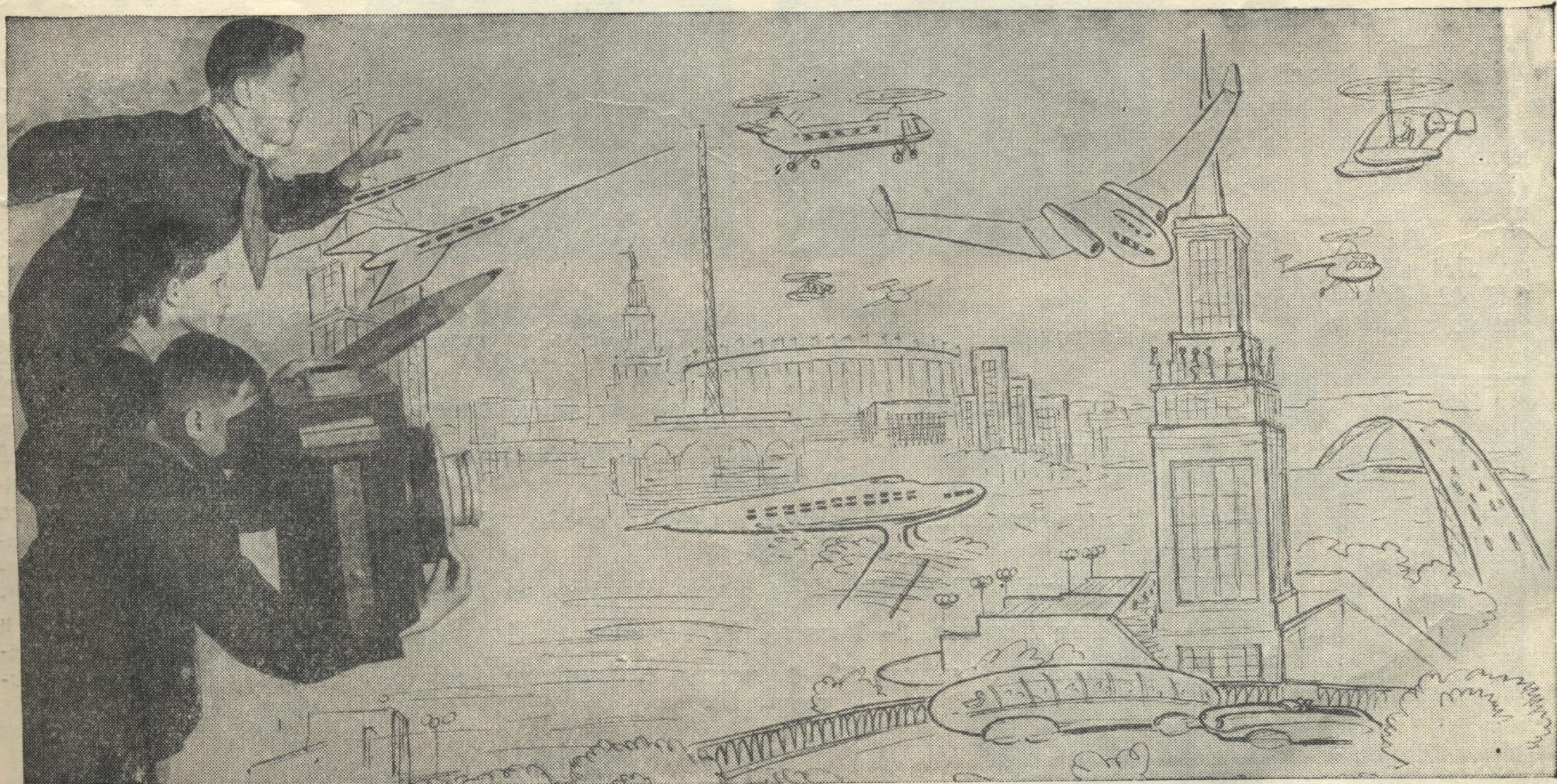
Эпоксидная смола. Ею в Чехословакии недавно был склеен мост. Несколько лет назад никто тому не поверил бы, как не верили тому, что из смолы будут делать штампы. Штампы для вырубki металлических деталей!

Полиэтилен... Эпоксидная смола... Сополимер стирола... Триацетатцеллюлоза... Какие мудреные названия! Однако это и есть те замечательные материалы, из которых уже сегодня создают не только телефонные аппараты, автоматические ручки и патефонные пластинки, но и детали машин, реактивных самолетов, корпуса опытных автомобилей и катеров.

Сегодня!

А завтра в городах появятся кварталы пластмассовых домов, по улицам потечет поток пластмассовых автомашин, в небо устремятся самолеты и ракеты из пластмассы, реки оденутся в пластмассовые набережные, а в их синеве будут отражаться мосты — тоже из пластмассы. И все это станет для нас таким же привычным, как сейчас телефон или авторучка.

Век пластмасс наступил. Мы живем на заре этого века. И первыми встречают ее славные труженики с Охтенского химического.

ТУРНИР МОЛОДЫХ

Говорит чемпион СССР по шахматам международный гроссмейстер Виктор Корчной.

Шахматисты радуются: много интересных соревнований будет в нынешнем году.

Уже состоялись: двадцать седьмой чемпионат СССР, матч на звание чемпиона мира между Ботвинником и Талем, международный турнир в Мар-дель-Плата.

Закончилось юношеское первенство СССР. В нем участвовали сильнейшие молодые шахматисты — школьники, рабочие, студенты. Все они кандидаты в мастера и перворазрядники, завтрашняя смена мастеров и гроссмейстеров.

В одной из встреч новый чемпион СССР среди юношей Анатолий Шмидт играл с Александром Куинджи, занявшим в турнире второе место.

В окончании этой партии чемпион блеснул неожиданной, красивой жертвой (См. диаграмму).

Такая позиция получалась после 33 хода черных.

Посмотрите, как ненадежно защищен черный король и как далек от решающего участка борьбы черный ферзь. Используя это, белые с большой энергией проводят заключительную атаку.

34. Лa1—c1 Лd8—c8

35. c4—c5! d6 : c5

36. d4 : c5 b6 : c5

37. Фe2—e5 Фh5—f7

На 37. ... Кd5 последовало бы 38. Л : c5! К : f4 (Нельзя 38. ... Л : c5? из-за 39. Фb8×)

39. Л : c8 Кр : c8

40. Лc1+Крb7 41. Ф : f4 Фf7 42. Кd3—с неотразимой атакой.

38. Лc1 : c5 Лd7—d5

На этот ход и надеялись черные, так как у белых не видно возможности усиления позиции.

Но белые наносят неожиданный удар.

39. Фe5—c3!! ...

Жертва ладьи, приводящая к быстрому выигрышу.

39. ... Лd5 : c5

40. Фc3 : a5 ...

Грозит мат в один ход.

40. ... e6—e5

Может быть, у черных была возможность защититься?

I. 40. ... Л5c7 41.

Фа6+Крb8 42. b6 Кd5

43. Фа7×

II. 40. ... Л8c7 41.

Фа6+Крb8 42. b6 Кd5

43. Фа7+Крc8 (после 43.

... К : c7 белые проводят

второго ферзя путем 44.

b7+) 44. Сc7 Л : c7 45.

Фа8+Крd7 46. bc и так

далее.

41. Фа5—a6+ Крb7—b8

42. Лe1 : e5! ...

Не годится поспешное

42. С : e5? из-за 42. ...

Л : e5.

Итак, черные беззащитны: им грозит вскрытый шах.

42. ... Лc5 : e5

43. Cf4 : e5+ Лc8—c7

44. b5—b6 Кf6—d5

45. Се5 : c7+ ...

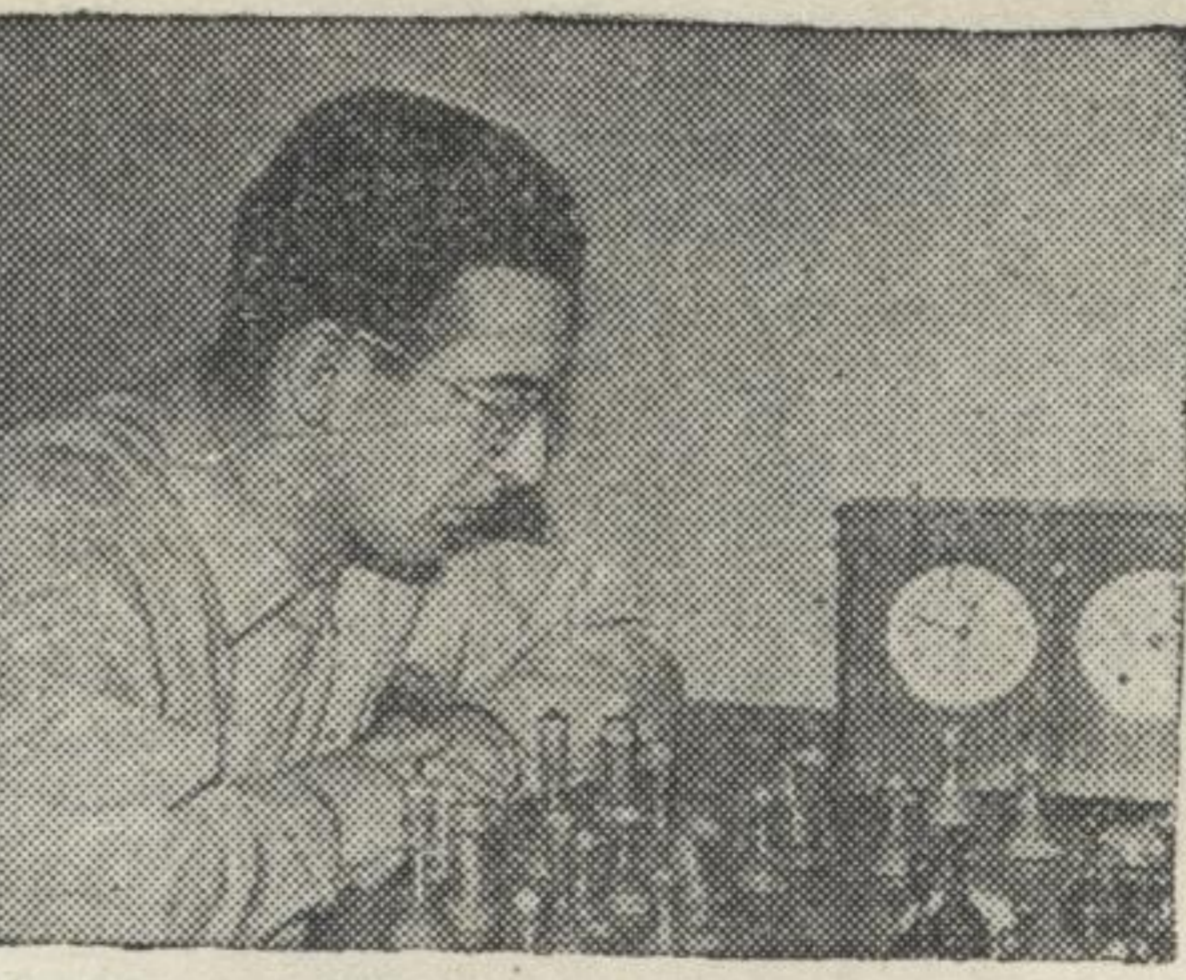
Нельзя помешать появлению на доске второго белого ферзя. Черные сдались.

***

Мастерство молодых шахматистов неуклонно растет.

...Это только начало года.

В Ленинграде будет проведено студенческое первенство мира. В Аргентине соберутся сильнейшие международные гроссмейстеры. В Лейпциге решится судьба командного первенства мира—Пятнадцатой шахматной олимпиады. А главное — в бесчисленных шахматных секциях и любительских кружках, в официальных первенствах и семейных турнирах будут играть в увлекательную и полезную игру тысячи и тысячи шахматистов.

Анатолий Шмидт, чемпион СССР среди юношей. Рабочий из Риги.

Карен Григорян, 2—4 место. Шестиклассник из Еревана.

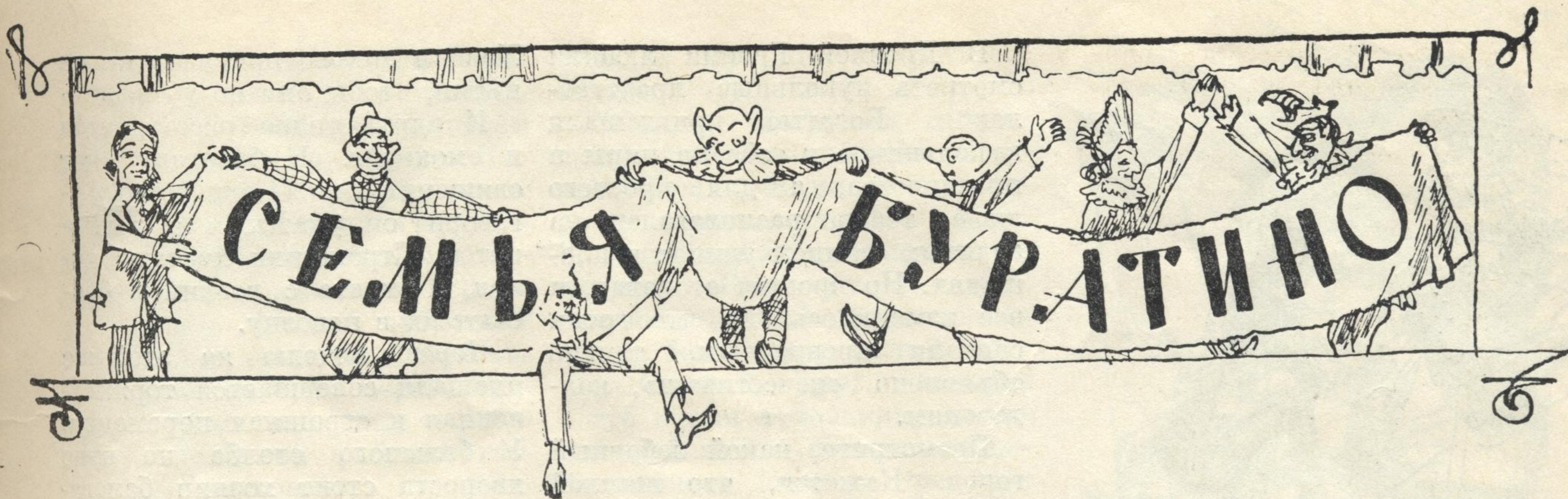
Наташа Коноплева, 2—3 место. Студентка техникума из Владимира.

Вил Рожлапа, чемпионка СССР среди девушек, Школьница из Риги.

Александр Куинджи, 2—4 место. Студент из Москвы.

Елена Белкина, 2—3 место. Чертежница из Астрахани.

Виталий Зальцман, 2—4 место. Рабочий из Днепропетровска.

Г. Константиновская

Рисунки А. Скалозубова

БЕСПОКОЙНЫЙ ХАРАКТЕР

Знаком вам этот длинноносый мальчишка в колпачке с кисточкой? Как его зовут? Правильно. Это Буратино. Вспомните, сколько забавных приключений с ним произошло. И не только в сказке «Золотой ключик». И не только с ним. У Буратино — семья. И не маленькая.

Есть у Буратино и дедушки, и бабушки, и братья, и сестры, и прапрадедушки, и прапрабабушки, такие древние, что для этих «пра» и целой строчки не хватит. Они жили и живут в разных странах мира, и все они, как и полагается родственникам, чем-то похожи друг на друга. Чем же? А тем,

что они — дерзкие, неугомонные задиры, и всегда доставляли много неприятностей богатым, жадным и злым.

Сейчас мы расскажем вам, как вся семья Буратино не в книжке, а в жизни боролась со всевозможными карабасами и дуремарами.

УКОЛЬНЫЙ «РАЙ»

Родственники Буратино жили несколько тысяч лет назад. Древняя китайская легенда повествует о том, как куклы по-

могли жителям осажденного города спастись от врагов. Осажденные вывели на городскую стену кукол, и враги, ни-

когда раньше не видевшие такого зрелища, испугались и отступили... Они решили, что это духи, охраняющие город.

В Древней Греции любили смотреть кукольные представления. Богатые приглашали кукольников к себе на пиры и празднества, а для простого люда театр располагался на залитых солнцем улицах и площадях. Но прошли столетия, и все изменилось. То, что греки считали прекрасным, теперь объявлено «нечестивым», колдовским.

Посмотрите, какой забавный город. Кажется, что шпилей соборов больше, чем крыш обыкновенных домов. Город спрятался за толстую стену и оцетинился своими шпилями, словно еж.

...Вот на праздничную площадь, полную народа, выезжает пестрый балаган. Сразу вокруг собирается толпа. Кукольники распрягают лошадей, ставят ширму. Представление началось. На сцене — рай. Но не тот рай, о котором рассказывают священники. Бог в этом раю — ленивый, глуповатый старик, ангелы — веселые плуты, которые только и делают, что обманывают бога. И бог, и ангелы, и черти говорят попросту, не стесняясь в выражениях. Совсем как торговцы и горожане на этой шумной площади. Столпившиеся вокруг балагана люди хохочут от души. Один мальчишка кричит: «Смотри, ведь они живые.

Хозяин только привязал их на нитки, чтобы они не убежали!»

И вдруг толпа расступается и смолкает. К балагану идет священник. «Колдовство!» — говорит он, указывая на марионеток. Стражники хватают кукол и вместе с хозяином бросают их в повозку.

Через неделю на этой же площади совершается торжественная и страшная церемония. У большого столба на куче хвороста стоит хозяин балагана. Лицо в ссадинах и шрамах. Его пытали, требовали, чтобы он сознался в колдовстве. Куклы, раньше такие веселые, грудой лежат около столба, они поломаны, изорваны. На допросе кукольник сказал инквизиторам, что он любит своих маленьких актеров больше чем бога: бог ничего не дает, а куклы кормят своих хозяев. Суд постановил сжечь нечестивца вместе с его деревянными дьяволятами.

Но не удастся священникам уничтожить всех кукол на земле. Балаганы ездят по дорогам. Они минуют города и останавливаются на деревенских площадях. Кукольники играют в придорожных трактирах, а в это время кто-нибудь из зрителей сторожит на улице. Он даст знак в случае тревоги. Простые люди прячут кукольников, помогают им...

ПЕТРУШКА-ПУЛЬЧИНЕЛЛА- ПОНЧ-КАШПАРЕК-КАШПЕРЛЕ- КАРАГЁЗ

Что означает такое заглавие? Это имя. Его можно было бы сделать длиннее, но только не хватит места.

Около трехсот лет назад в кукольном театре появился новый беспокойный герой. Каждый народ назвал его по-

своему. В России это был Петрушка, в Италии — Пуччинелла, во Франции — Полишинель, в Германии — Кашперле и Гансвурт, в Англии — Понч, в Чехословакии — Кашпарек, в Турции — Карагёз.

Этот беспокойный герой —

ближайший родственник Бура-тино. Он хитрый и умный, сыплет прибаутками, а потом хохочет вместе со зрителями.

...Широкий красный закат горит над московской окраиной. В пыли улицы, очень похожей на деревенскую, играют ребятишки. Теплый субботний вечер. На крылечках маленьких домиков, тихо переговариваясь, сидят взрослые — рабочие текстильной фабрики господина Колесова.

...В конце улицы раздаются звуки шарманки. Мимо домиков бредет человек с ширмами на плечах, рядом с ним вихрастый мальчишка. Он крутит ручку шарманки. «Кукольник пришел», — кричат ребятишки. Взрослые тоже заинтересованы приготовлениями. Вот краснолицый квартальный, заложив руки за спину, подходит к толпе и становится перед ширмами... Ребята дружно хлопают: над ширмами появился смешной носатый Петрушка. Он в красной рубахе и колпаке. Глаза-бусины весело поблескивают. «Здравствуйте, любезные зрители, — верещит он, — очень меня, Петрушку, обидели. У попа я огород копал, а поп за это мне по шее дал». Вылезает поп с огромным животом и хлопает Петрушку по голове. Ребята свистят и топаят. Петрушка продолжает: «На фабрике для хозяина машину крутил, а за это кулаком получил».

Появляется капиталист в цилиндре и с цепочкой, бьет Петрушку.

«Порядки совсем как у нашего господина Колесова», — говорит кто-то из взрослых.

«Господин Колесов оставил меня с носом», — подхватывает сразу же Петрушка. Все смеются, квартальный тоже хохочет и вдруг, что-то сообразив, захлопывает рот и подозрительно озирается. А Петрушка пищит: «Пошел я жаловаться

царю, а царь мне говорит: за-порю».

Наконец Петрушка достает дубинку и принимается колотить своих обидчиков — и царя, и капиталистов, и попа. Зрители шумят, смеются, аплодируют. «Бунт, бунт», — кричит квартальный и, растолкав толпу, бежит за подмогой...

— Слушай, друг, — говорит в это время кукольному пожилой рабочий, — вот мы собрали немного денег за представление. Спасибо тебе! Поторавливайся, сюда идут...

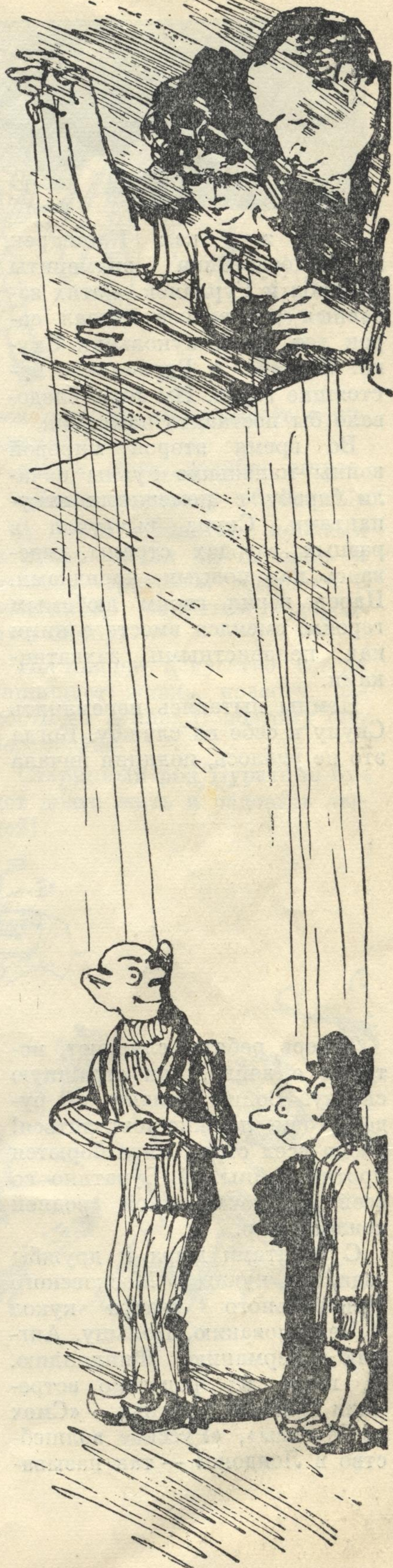
Простой народ любит свой театр, своих дерзких, веселых Петрушек, Полишинелей, Кашпареков.

Вот такая история произошла в Англии. В кукольном балагане шла пьеска. К мистру Пончу — английскому Петрушке — приходит Смерть и хочет его повесить. Понч притворяется дурачком, просит показать ему, как это делается. Смерть надевает на себя петлю и тут Понч, к восторгу зрителей, вздергивает ее на виселицу.

Однажды какой-то кукольник решил изменить конец пьесы. Смерть все-таки одоле-ла Понча... Зрители чуть не разломали балаганчик. Они возмутились, кидали в актеров грязью, требовали прежнего конца. Пришлось уступить.

А как чехи любят своего Кашпарека! Когда страна находилась под властью Австрийской империи, Кашпарек звал на борьбу за свободу. Его преследовали, ловили в одном городе, а он появлялся в другом и — продолжал свое дело.

Теперь в Пльзенском городском клубе красуется мраморная доска, на которой золотом написано: «Кашпареку, за то что он помогал разрушать Австро-Венгерскую монархию». Оказывается, смешная деревянная кукла тоже может совершать подвиги.

КУКЛЫ НА ВОЙНЕ

Так же, как Кашпарек, в Чехословакии знамениты Шпейбл и Гурвинек — этих забавных человечков сделал сорок лет назад кукольник Скупа. Шпейбл и Гурвинек — настоящие герои. Им тоже следовало бы поставить памятник.

Во время второй мировой войны маленькие куклы начали борьбу с немецкими оккупантами. Скупа выступал в разных городах страны, издеваясь над новыми порядками. Народ верил своим любимым героям, смеялся вместе с ними над ненавистными захватчиками.

Немцы пытались переманить Скупу к себе на службу. Когда это не удалось, полиция начала

охоту за Шпейблом и Гурвинек. Скупу посадили в тюрьму, а маленьких деревянных кукол бросили в сейф гестапо.

После освобождения Чехословакии Скупа вернулся домой. Шпейбл и Гурвинек были вынуты из сейфа и торжественно вручены старому кукольнику.

Сейчас Шпейбл и Гурвинек по-прежнему любимцы зрителей — и ребят и взрослых. Мастера Скупу знают теперь во всех странах мира. Шпейбл и Гурвинек стали знаменитыми путешественниками. Вместе со своим хозяином они объездили много стран. Побывали и в Москве. Советские зрители сердечно приветствовали малень-

ких героев мужественного чешского народа.

Есть в Москве дом, где живут рядом самые дальние родственники из большой семьи Буратино. В стеклянном шкафу — китайская марионетка и кукла из Аргентины — смуглый паренек с гитарой и в большой соломенной шляпе; русский Петрушка и древняя яванская теневая кукла.

Это музей Центрального театра кукол, которым руководит С. В. Образцов. В музее собраны куклы из разных стран мира. Особым почетом окружены здесь куклы советских фронтовых театров гражданской и Великой Отечественной войны.

МАЛЕНЬКИЕ БОРЦЫ ЗА МИР

Теперь ребята слушают истории о войне, как страшную сказку. Войны больше не будет, это не должно повториться! Люди всех стран мира борются против войны. И Буратино со всей многочисленной родней тоже за мир.

С визитами мира и дружбы ездили куклы Московского Центрального театра кукол в Чехословакию, Польшу, Англию, Германию, Финляндию. И везде их радостно встречали наши друзья. «Смех из Москвы», «Русское волшебство в Лондоне» — так называ-

лись статьи иностранных газет, рассказывавшие о выступлении советских кукол за границей. Жители одного финского города после спектакля заявили, что хотят изучать русский язык и поближе познакомиться с родиной чудесных маленьких человечков.

Вот какую историю о куклах — борцах за мир — поведали чилийские студенты Рональдо Рамирес и Фернан Меса. В городе Сант-Яго эти студенты распространяли прогрессивную газету.

Эта газета призывала чилий-

цев выступать против войны, против испытания водородной бомбы в чилийском районе Антарктики. Но жители Сант-Яго мало интересовались газетами: «война не заденет нас, ведь Чили далеко и от Америки и от Европы».

Тогда студенты решили призвать на помощь кукол. На старой площади города, носящей звучное название Ла Пласа де ла Сьерра Белья, они построили подмости и в теплый воскресный вечер стали созывать народ на кукольное представление.

Скоро площадь заполнилась нарядной толпой. Тогда на подмостки вышла маленькая кукла — директор театра. Она сыпала шутками, а потом спросила у развеселившихся зрителей, что такое война. Никто не отвечал. Мальчуган из первого ряда, к которому директор обратился с вопросом, смутился и спрятался за спину отца. «Тогда я сам покажу, что это такое, — сказал директор. — Эй, Анастасио!»

Появилась кукла с добрым лицом в одежде рабочего.

«Вот смотрите, я чужезем-

ный солдат, а Анастасио — чилийский рабочий. Вот что такое война для простого рабочего!» — Директор схватил палку и ударил Анастасио по голове. Кукла упала на край ширмы. «Нравится вам это?» — спросил директор у зрителей.

— Не-е-ет! — закричали на площади.

— Значит, вы против войны?

— Да... Да... Да! — загремела толпа.

Представление длилось долго. Одна за другой выходили куклы на сцену.

И под черным южным небом

вся площадь пела вместе с куклами:

«Лети, лети, голубка мира,
Лети навстречу облакам!..»

А потом студенты с куклами в руках сошли на площадь и раздали зрителям листочки с воззванием: запретим водородную бомбу!

Настоящее искусство всегда защищает жизнь, красоту, радость на земле. И поэтому оно бессмертно.

Старинный род Буратино будет долго жить и радовать людей!

ЗНАЧОК

В. Козлов

Рисунки Н. Носкович

Значок валялся на тротуаре. Снег припорошил его, и был виден только желтый стержень с резьбой. Мимо проходили люди, и никто не заметил. А вот Валерка сразу увидел. Он поднял значок, потер его о рукав пальто, и на белом кружке засиял приготовившийся к бою боксер. Внизу на зеленом эмалевом фоне написано: «Третий разряд».

Валерка сунул значок в карман и, весело насвистывая, зашагал домой.

Дома проколол ножницами дырку в куртке и вставил значок, но без специальной гайки он не держался. Тогда Валерка намотал на стержень длинную нитку, и значок перестал вываливаться.

— Молодчина! — сказал отец, увидев на Валеркиной груди значок. — В нашей семье как раз не хватало чемпиона мира.

— Да я... — смутился Валерка. — Так просто...

— И не жалко тебе свой нос?

Валерка дотронулся пальцами до курносого носа и не нашелся, что ответить.

— Вообще-то нос — это пустяки, — сказал отец. — Одобряю, спорт — великое дело!

Отец спешил, и Валерка не успел толком объяснить, что хотя спорт и великое дело, он, Валерка, никакого к нему отношения не имеет.

Валерка выглянул в окно. Во дворе на заваленной снегом крыше низенького сарая стоял Пашка Дадон и глазел на своих голубей, кувыркающихся в небе.

— Валера, — сказала мать, — сходил бы дров наколот.

Колоть он любил. Другое дело пилить — таскай и таскай пилу, как заведенный. А поработать на свежем воздухе с колуном — одно удовольствие. Валерка взял

ключ от сарая и, накинув на плечи пальто, бодро запрыгал по лестнице.

Перед сараем расчистил от снега площадку, поставил посередине самый толстый чурбан, на него другой — потоньше и, крикнув для порядка, ухнул тяжелым колуном. Упарившись, Валерка сбросил сначала пальто, потом и шапку. Волосы его прилипли ко лбу, щеки пылали. Березовые чурбаки с треском лопались с первого удара. А вот сосновые сразу не поддавались.

Откуда-то сверху на шею посыпался снег. Валерка задрал голову. На кромке крыши торчали тупые носы Пашкиных валенок.

— Поосторожнее нельзя? — сказал Валерка. — Не видишь — человек работает?

— А ты своим топором потише махай, — буркнул Пашка. — Голубей пугаешь...

«Носится тут со своими голубями...» Валерка отвернулся, но не успел расколоть чурбан, как на голову обрушилась целая лавина снега. Валерка отпрыгнул в сторону и заорал:

— В ухо дам!

— Тебе говорят, погоди колоть, — ухмыльнулся Пашка. — Вот голуби сядут, и коли хоть до самой ночи.

Валерка скатал большой снежок и запустил в Пашку. Но Пашка отступил от края крыши, и его стало не видно. Зато рыхлый ком снега угодил Валерке в голову.

— Ну, Дадонище! — Валерка схватил полено и запустил в фанерную кормушку. Она затрещала и рухнула в сугроб.

— Ах так! — рассвирепел Пашка. — Я те покажу, где раки зимуют!

Он спрыгнул с крыши в сугроб.

— Я те... сейчас!

И вдруг Пашка остановился. Кулаки его разжались, глаза стали круглыми.

— Ну, чего стоишь? — подзадорил Валерка. — Иди, иди...

Но Пашка топтался на месте и пристально смотрел на Валеркину грудь.

— Хитрый какой! — совсем другим голосом сказал он. — Буду я с тобой драться... Я тебе в ухо, а ты меня этим... нокаутом в зубы. Вас там разным приемам научили...

Пашка поднял кормушку и по шаткой лесенке проворно забрался на крышу. Оттуда на Валеркину голову не упала больше ни одна снежинка.

«Надо содрать значок, — решил Валерка, смущенный таким исходом. — Узнают, что я никакой не боксер — засмеют».

Но значок так и не содрал. Очень уж он красивый!..

— Ребята, — на другое утро в школе сказал Вовка Шошин. — Валерка-то наш, оказывается, боксер-разрядник.

Валерку окружили. Рассматривали значок, завистливо вздыхали.

— Третий разряд! Вот это да!

— Ты теперь, Валер, силач!

— Боксер!

Коля Орлов, до сегодняшнего дня считавшийся самым сильным в классе, потыкал Валерку кулаком в живот и добродушно заметил:

— Пресс ничего... Приличный пресс.

— А боксерские перчатки у тебя настоящие? — спросил Вовка Шошин.

— Отстань ты со своими перчатками! — огрызнулся Валерка.

— Подумаешь, спросить нельзя, — обиделся Вовка. — Третий разряд каждый получить сможет... Вот если бы первый!

Валерка не знал, что делать — рассказать обо всем честно или... Но тут зазвенел звонок и вошла учительница русского языка. Проверив домашнее задание, она вызвала Валерку к доске и продиктовала сложно-сочиненное предложение. Мел шипел, крошился, и Валерка нервничал. Очевидно поэтому в таком простом слове — «мышь» — допустил ошибку. Написал без мягкого знака.

— Оказывается, ты, Клюквин, с шипящими не в ладах? — сказала учительница. — Запиши-ка на дом дополнительное упражнение...

— Мышь — это ерунда, — с задней парты сказал Вовка Шошин. — Наш Валерка — боксер! У него настоящий разряд!

— Поздравляю, — улыбнулась учительница. — Только спорт не должен мешать учебе.

Увидев в журнале четверку, Валерка воспрянул духом. Он уже настроился на тройку. Видно, учительница раздобрилась, узнав, что Валерка боксер. А тут еще отличница Люся, большеглазая девочка, посмотрела на Валерку таким восхищенным взглядом, что он чуть было не прошел мимо своей парты.

Не повернулся у Валерки язык правду рассказать про значок. А собственно, зачем он всем должен рассказывать, что нашел значок? Нашел и ладно! А потом, может быть, он, Валерка, действительно станет боксером? Может быть, он уже давно решил стать боксером. Вон какой у него пресс... Приличный! Сам Орлов сказал. А он зря болтать не будет. Валерка, когда подрастет, самого Геннадия Шаткова но-кау-ти-рует!

Постепенно Валерка свылся с мыслью, что он прямо-таки рожден для бокса, и больше не краснел, когда ребята спрашивали:

— А сколько весит одна боксерская перчатка?

— Два килограмма, — не моргнув, отвечал Валерка. — А две — четыре...

Ребята с уважением смотрели на низкорослого Валерку, который легко орудует такими тяжеленными перчатками.

Один только раз Вовка Шошин разозлил его, подошел и без спроса схватил Валерку за нос. У него даже слезы выступили.

— Ты что, обалдел? — возмутился Валерка.

— Почему у тебя нос твердый? — спросил Вовка. — У всех настоящих боксеров носы мягкие... Как резина.

— Это почему мягкие?

— Будто не знаешь! — усмехнулся Вовка. — Сколько, говоришь, перчатка весит?

— Два килограмма...

— Во-во! От такого удара нос может запросто отскочить... Поэтому настоящие боксеры вынимают из носа какую-то косточку и нос становится, как резина. Лупи по нему сколько влезет, ему хоть бы что! Расползется, как блин, а потом снова такой же...

«Пашке Дадонову не надо никакую косточку вынимать, — подумал Валерка, — у него и так нос плоский». А вслух сказал:

— Вытащу я еще эту косточку... Успеется!

И строго предупредил:

— В другой раз чужие носы грязными руками не трогай!

Когда у Валерки спрашивали, где он тренируется, он неопределенно отвечал:

— Там... в «Буревестнике».

Вовка Шошин ходил по пятам и просился, чтобы Валерка взял его на тренировку.

— Жалко тебе, что ли? — надоедал он. — Посмотрю и уйду...

— Говорю, посторонних не пускают! — злился Валерка. — Пропуск нужен.

— А у тебя есть?

— А это что? — Валерка раздраженно тыкал пальцем в значок. — Это самый лучший пропуск.

Каждое утро ребята окружали Валерку и засыпали вопросами:

— Как вчера закончились соревнования на зимнем стадионе?

— Кто будет чемпионом города?

— Кто поедет на олимпийские игры?

Чтобы не опозориться, Валерке теперь приходилось утром вставать на полчаса раньше и, позавтракав, бежать на угол, где возле автобусной остановки висела газета «Советский спорт». За полчаса он успевал проштудировать две страницы. Подпрыгивая и прикладывая теплую рукавицу то к одному, то к другому уху, Валерка читал спортивные обозрения и про себя проклинал всех любопытных на свете. Утренняя читка вошла в привычку, и Валерке даже стало нравиться это дело. Однажды так увлекся, что и на урок опоздал.

А Вовка Шошин все приставал с вопросами. Откуда он только придумывал такие заковыристые?

— Сколько секунд продолжается нокдаун? — неожиданно спрашивал Вовка.

— Десять.

— Правильно, — говорил Шошин. — А раунд?

— Раунд?

— Ну да, раунд?

Валерка краснел, морщил лоб. В какой же статье он читал про это?

— Полчаса... — наугад сказал Валерка.

— Многовато! — покачал головой Вовка и отошел.

В другой раз он спросил:

— Так сколько весит боксерская перчатка?

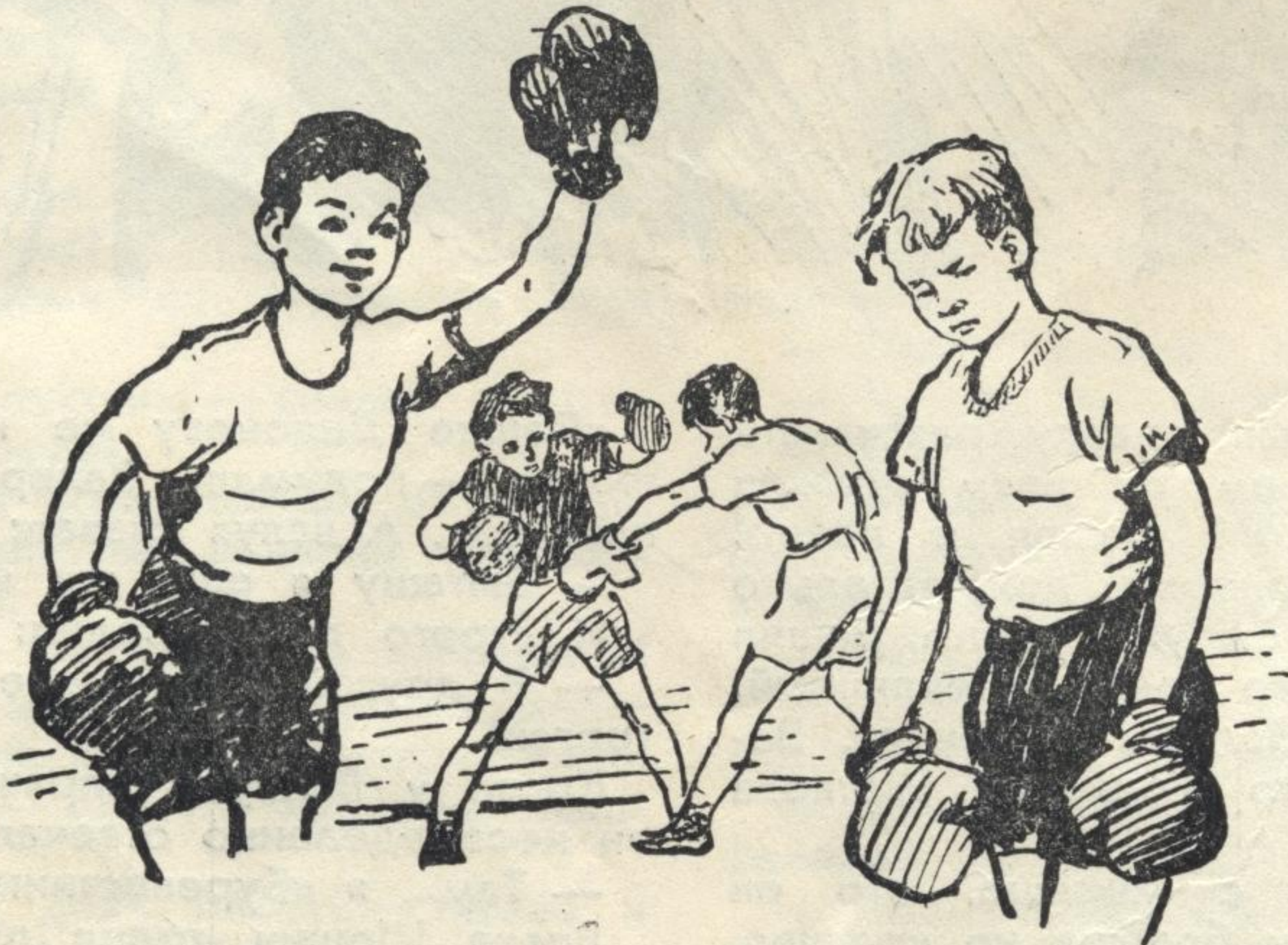
— Я же говорил... — смутился Валерка. — Два... То есть, один килограмм, а две — два килограмма.

— Ты говорил, что одна весит два килограмма, — поправил Коля Орлов. — А две — четыре...

— Оговорился.

— Хотелось бы мне посмотреть, — ухмыльнулся Вовка Шошин, — что бы от тебя осталось, если бы тебе припечатали такой перчаткой!

У Валерки испортилось настроение. На большой перемене он сбегал в школьную библиотеку и попросил брошюру про бокс. И весь последний урок тайком читал. Он узнал, что раунд длится всего три минуты, а одна боксерская перчатка весит ровно 228 граммов и ни миллиграмма больше. Валерка почувствовал холодок между лопатками, потом ему стало жарко. Казалось, весь класс смотрит на его уши, пылающие, как два петушиных гребня.

И отличница Люся тоже смотрит, и в больших глазах ее не восхищение, а насмешка.

Валерка наступил на свою ногу каблуком и стал изо всей силы давить. Дурак! Зачем нацепил этот проклятый значок? Как будто без него жить нельзя! Нащупав на куртке маленький выпуклый кружок с приготовившимся к бою боксером, Валерка рванул его. Куртка жалобно треснула, и значок соскользнул в потную ладонь.

Вечером Валерка робко отворил дверь начальника детской спортивной школы.

— Запишите меня, пожалуйста, в секцию бокса, — обратился он к немолодому бритому мужчине в синем тренировочном костюме,

— Нос расквасили? Решил подучиться?

— Не-е, не расквасили...

— Любишь бокс?

Валерка кивнул.

— Ага, люблю.

Мужчина проводил его в большой светлый зал, где с потолка свисали груши, обшитые черной и коричневой кожей. Мальчишки в одних трусиках и боксерских перчатках — каждая величиною с их голову — подпрыгивали и яростно дубасили эти туши. «Бум-бам-бум!» — звонко раздавалось в зале.

Широкоплечий мужчина с коротким ежиком волос на круглой, как футбольный мяч, голове мельком взглянул на Валерку и отрывисто бросил:

— Раздевайся!

Валерка разделся.

— Вот, возьмите, — сказал он, выкладывая на стол значок. — На улице нашел...

Мужчина посмотрел на значок и улыбнулся.

— Это старый значок, — сказал он. — Теперь разрядникам выдают другие... Можешь выбросить.

Тренер надел Валерке на руки вовсе не такие уж тяжелые перчатки, зашнуровал, выставил свою ладонь и сказал:

— Бей!

Валерка несмело шлепнул тренера по широкой ладони.

— Еще! Смелее!

Валерка подпрыгнул и шлепнул сильнее. Потом еще, еще...

— Стоп! — сказал тренер.

Заполнив на Валерку карточку, он крикнул ребятам, колошматившим бедную грушу.

— Покажите новичку первое упражнение!

— Есть!

Валерка подошел к вспотевшим от усердия мальчишкам и тоже несмело двинул черную грушу в упругий бок.

— Привет знаменитому боксеру-разряднику! — Услышал он знакомый голос.

Перед ним собственной персоной стоял Вовка Шошин и постукивал боксерскими перчатками друг о дружку.

РИСУНКИ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Андрюша Захаров, 12 лет

НОЧНОЕ

Юра Галушко, 12 лет

РИСУНКИ
БОЛГАРСКИХ
ДЕТЕЙ

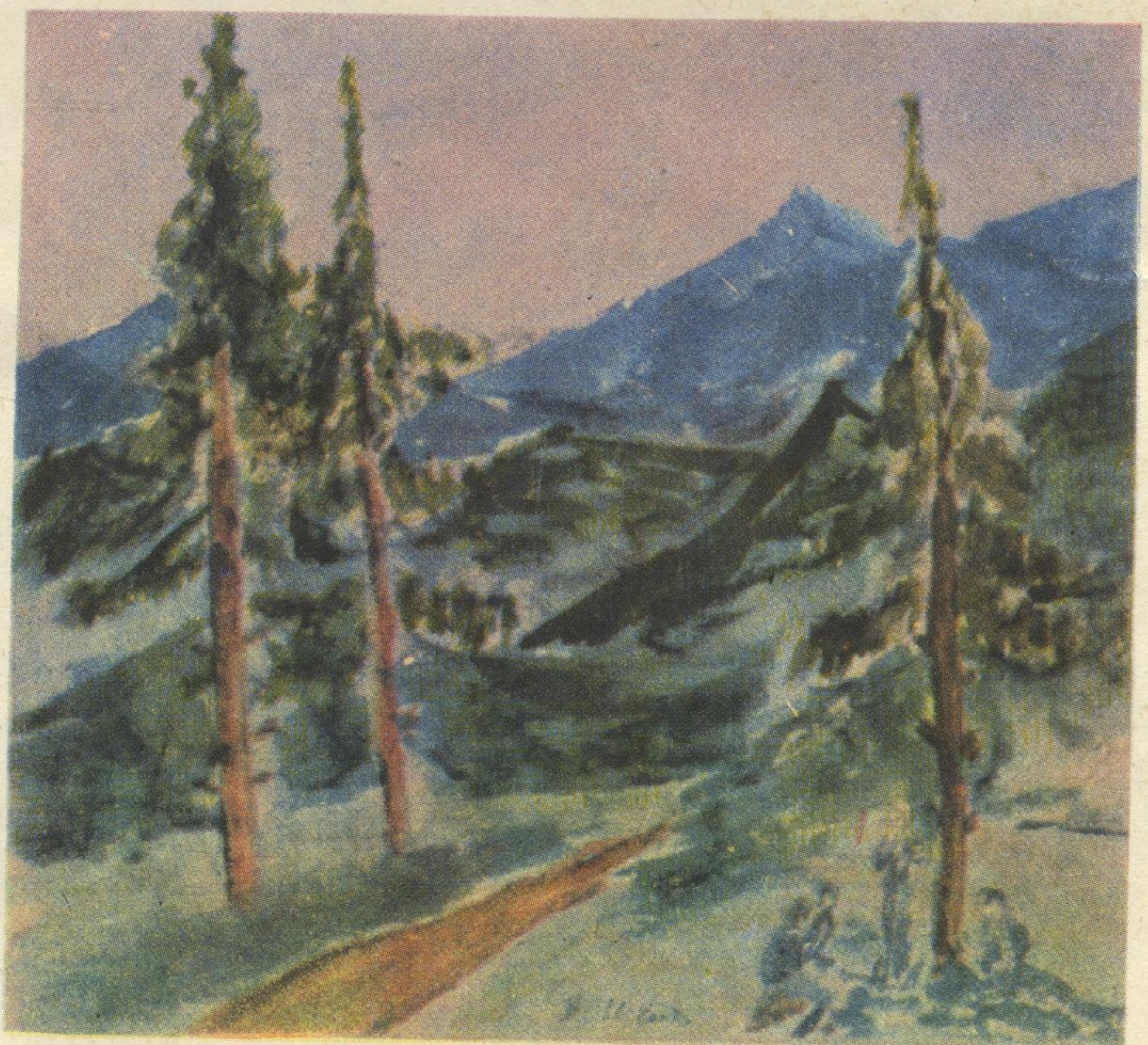

ПОГОВОРИЛИ

Андрей Сугаев, 5-й класс

ПЕЙЗАЖ

Пенчо Шейтанов, 5-й класс

РИСУНКИ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ДЕТЕЙ

ЗА МИР

Ян Кротик, 9 лет

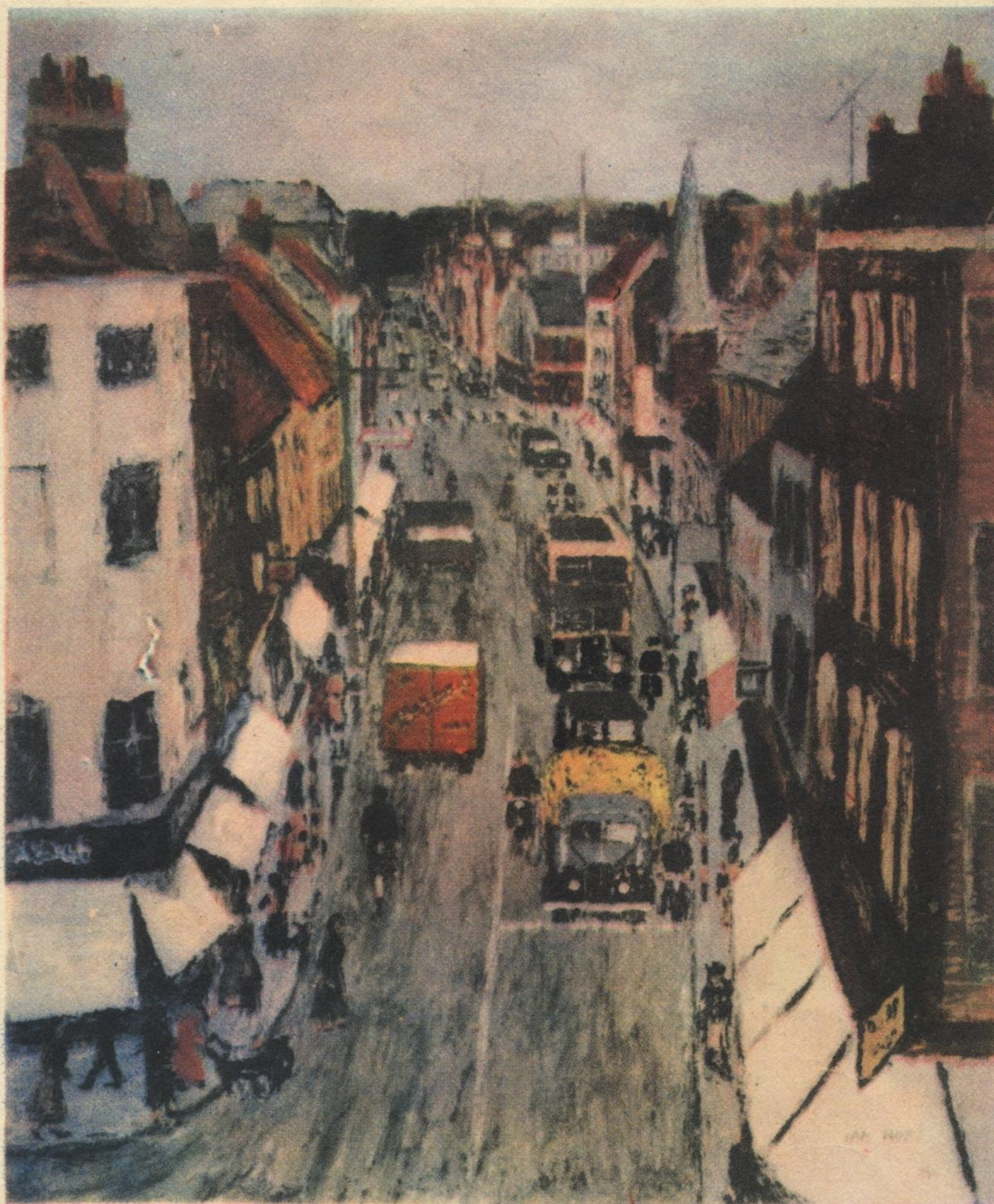
СКАЗКА

Зорка Пармова, 12 лет

РИСУНКИ

АНГЛИЙСКИХ

ДЕТЕЙ

СЕВЕРНАЯ УЛИЦА

Ман Бурт, 15 лет

**КУРОПАТКА
НА ГРУШЕВОМ
ДЕРЕВЕ**

Джаннет Банис, 15 лет

ДОРОГОЙ ДРУГ!

В этом письме я хочу рассказать тебе о нашей революции и о нашем народе, который горячо поддерживает свое правительство и его революционные законы. Весь народ Кубы готов защищать свою родину до последней капли крови, как сказал наш премьер-министр Фидель Кастро. Уже созданы отряды революционной милиции, проводится сбор средств для покупки самолетов и оружия.

Я тоже хочу вступить в один из отрядов. Если понадобится, буду защищать Кубу. Да, я готов вместе с другими сынами Кубы до конца сражаться с теми, кто посылает самолеты бомбардировать нашу землю, кто пытается задушить молодую республику.

Недавно я побывал на советской выставке в Гаване. Там я увидел все величие Советского Союза и величие его народа. Ваша страна поистине прекрасна.

Я горжусь тем, что я кубинец. Но я хотел бы побывать в СССР, потому что там воплощена моя мечта — социализм.

Твой кубинский друг Отеро Диас

ДРУЗЬЯ ПИОНЕРЫ!

Послушайте, как мы живем. Мы не только учимся. Под лозунгом «Народное образование служит пролетарской политике» мы изучаем технику на заводе, работаем на стройках, на полях при школе. Стремимся добиваться больших «урожаев» на всех фронтах: в учебе, в труде, в политической подготовке и, конечно, в спорте. Каждый день занимаемся спортивным бегом, играем в настольный теннис. Кроме того, все мы участвуем в движении «Устранение неграмотности». Одним словом, наша жизнь всесторонняя, веселая.

КНР, город Сиань, средняя школа № 29

ДАЛЕКИЕ ДРУЗЬЯ!

Я живу в городе Сиди-Касем в Марокко и работаю в детском доме. Очень часто я рассказываю ребятам о вашей родчине, о Москве, о ленинградском Дворце пионеров, где мне посчастливилось побывать. Я говорю им, что никогда не забуду ваши сердца и ваш прекрасный дворец, похожий на сказку. Дети слушают молча, и в их глазах я читаю восхищение и желание узнать как можно больше о Советской стране.

Я обращаюсь к вам: напишите нашим детям и расскажите им о своей земле, о народе, о школах. Пусть маленькие алжирцы, которых война лишила родителей, приобретут друзей, далеких, но верных.

С искренней дружбой. Бенсалема Фатима

КРАСНЫЙ ВАГОН

Н. Печерский

Рисунки Н. Кустова

По низкой и еще влажной от ночной росы траве тянулся в тайгу след лошадиных копыт.

Тайга в этих местах была густая, сумрачная. Сквозь ветви сосен и распутившихся лиственниц островками синело высокое безоблачное небо.

С каждым шагом все сильнее хотелось есть. Хоть бы ломтик хлеба, хоть бы крохотный скрюченный сухарик!

Худо в тайге в начале лета. Ни голубики, ни смородины, ни вкусных, едва уловимо пахнущих смолой кедровых орешков. Лишь изредка попадется глазу веточка прошлогодней брусники да пересохшая морщинистая ягодка шиповника. Но от шиповника какой толк! Придавишь зубами, и в рот с шорохом посыплются желтые колючие семечки. В такой ягодке наверняка не сохранилось никаких витаминов — ни «а», ни «в», ни «с».

Редко встречалась и черемша. Покажется на полянке стебелек — два, и все. Будто проковылял тут неуклюжей походкой медведь и подчистил ее всю, вместе с корешками, не думая о чужой беде.

А может, и в самом деле хозяйничал косолапый в этом глухом лесном уголке. Для медведя черемша получше, чем для кого-нибудь копченая колбаса с чесноком. Не зря же черемшу называют медвежьим салом!

Глеб шел справа от лошадиного следа, а Варя слева.

Шли и поглядывали по сторонам — не зазеленеет ли где медвежье сало. Сочное, сладкое, хрустящее на зубах, как молодая редиска.

Глебу казалось, что Варя черемша попадалась чаще, чем ему. Варя то и дело наклонялась и что-то аппетитно жевала.

Он хотел было уже поменяться с Варей местами, но тут увидел большую, заросшую медвежьим салом поляну.

Глеб украдкой стрельнул глазом на Варю и тихо, чтобы не вызвать подозрений, пошел на медвежью пашню.

Прошел несколько шагов и вдруг замер. Меж высоких темно-зеленых стеблей черемши, свернувшись в кольцо, лежала гадюка.

Гадюк Глеб не боялся. Остановился он просто так. От неожиданности.

Глеб расправлялся с гадюками в два счета. Стукнет по башке, подцепит на палку и несет к Кольке Пухову.

— Видал, Колька, фокус-мокус?

Колька про этих гадюк даже слышать спокойно не мог.

Иной раз у Глеба и гадюки никакой нет. Подойдет Глеб к Кольке просто так и крикнет для потехи: «Мокус!» А Кольке и этого достаточно. Кричит, как будто ему уши откручивают.

Сейчас Глеб этот фокус-мокус Варя покажет. Сейчас он посмотрит на эту отчаянную.

Продолжение. См. „Костер“ № 5, 1960 г.

Глеб поднял с земли увесистую березовую палку и пошел на гадюку, прицеливаясь, по какому месту лучше ударить.

Но странное дело, — гадюка не шевелилась. Уснула, что ли?

Не выпуская палки, Глеб подошел еще ближе. Посмотрел справа, посмотрел слева и понял, что это вовсе не гадюка.

На полянке, тускло поблескивая старой, потрескавшейся вдоль и поперек кожей, лежала полевая сумка с длинным, свернувшимся в кружок ремнем.

Глеб швырнул в сторону палку и, будто коршун на добычу, бросился на таинственную сумку.

Глеб давно мечтал о такой настоящей кожаной командирской сумке. Сто раз просил Луку: «Купи». Но разве Лука для него что-нибудь сделает? Купил какой-то рыжий с одним-единственным замком портфель, и все.

Чем с таким портфелем ходить, лучше вообще таскать учебники в руках. Очень он нужен!

Пережевывая на ходу пучок черемши, подошла Варя.

— Ого, какая! — с завистью сказала она, увидев сумку. — Поносить дашь?

Глеб плотнее прижал сумку к груди. Тоже нашла дурака — «поносить». Сначала найди, а потом и носи!

В сумке лежала большая пухлая тетрадь, два маленьких карандаша, лезвие для бритвы и красная, стертая на уголках резинка.

Вся эта чепуха Глебу была совсем ни к чему. Главное — сумка.

— Пошли, — решительно сказал Глеб, перекидывая сумку через плечо. — Нечего тут черемшу жевать. Не медведи!

После неудач и огорчений, пережитых в тайге, Глебу и Варе наконец-то повезло.

Они прошли еще немножко и увидели меж деревьев небольшой рубленый дом. Возле дома стояла оседланная лошадь, а на крыльце, поглядывая в их сторону, сидел лесной объездчик.

Молоденький, худощавый, с двумя дубовыми веточками на казенной фуражке.

— Вы чего тут ходите-бродите? — спросил он. — Заблудились?

— Не. Я не заблудилась, — сказала Варя. — Это он заблудился. Он говорит: «Пойдем к объездчику, объездчик молоком будет поить».

— Это что, в самом деле?

— Врет она, — неохотно ответил Глеб. — Если б она не сбивала с толку, я ни за что не заблудился бы.

И тут Глеб вкратце рассказал объездчику,

кто он такой и в какие походы он ходил с отцом и с Колькой Пуховым.

Объездчик услышал про отца, перестал смеяться и сразу же пригласил их в избу. Глеб так и знал: фамилия Бабкина, как пропуск — только скажи, все двери откроются.

Молока в избе не оказалось, зато нашелся большой кусок жареной медвежатины. Глеб ел мясо и продолжал развивать свои мысли в отношении походов и своего лучшего и такого же бесстрашного, как и он, друга Кольки Пухова.

Объездчик слушал очень внимательно. Когда Глеб рассказывал про смешное, он добродушно и поощрительно улыбался, а когда про страшное — мрачнел и даже как-то нервно постукивал пальцами по столу.

Глеб догадывался, в чем тут дело. Объездчик был человеком неопытным, новым в тайге и, конечно же, ничего подобного никогда не видел и не слышал.

Глеб долго молол языком.

Посадив волчонка, которого они поймали с Колькой Пуховым, на цепь, Глеб взял ружье отца и отправился выслеживать медведя.

Медведь этот был не простой, а ученый. Он сбежал из иркутского цирка и с тех пор промышлял в селах нахальным разбойным делом. В одном месте он унес прямо со стола два килограмма ветчинно-рубленной колбасы, в другом — неизвестно зачем спер корыто с бельем, в третьем...

Захлебываясь от нахлынувших на него воспоминаний и перескакивая с одного на дру-

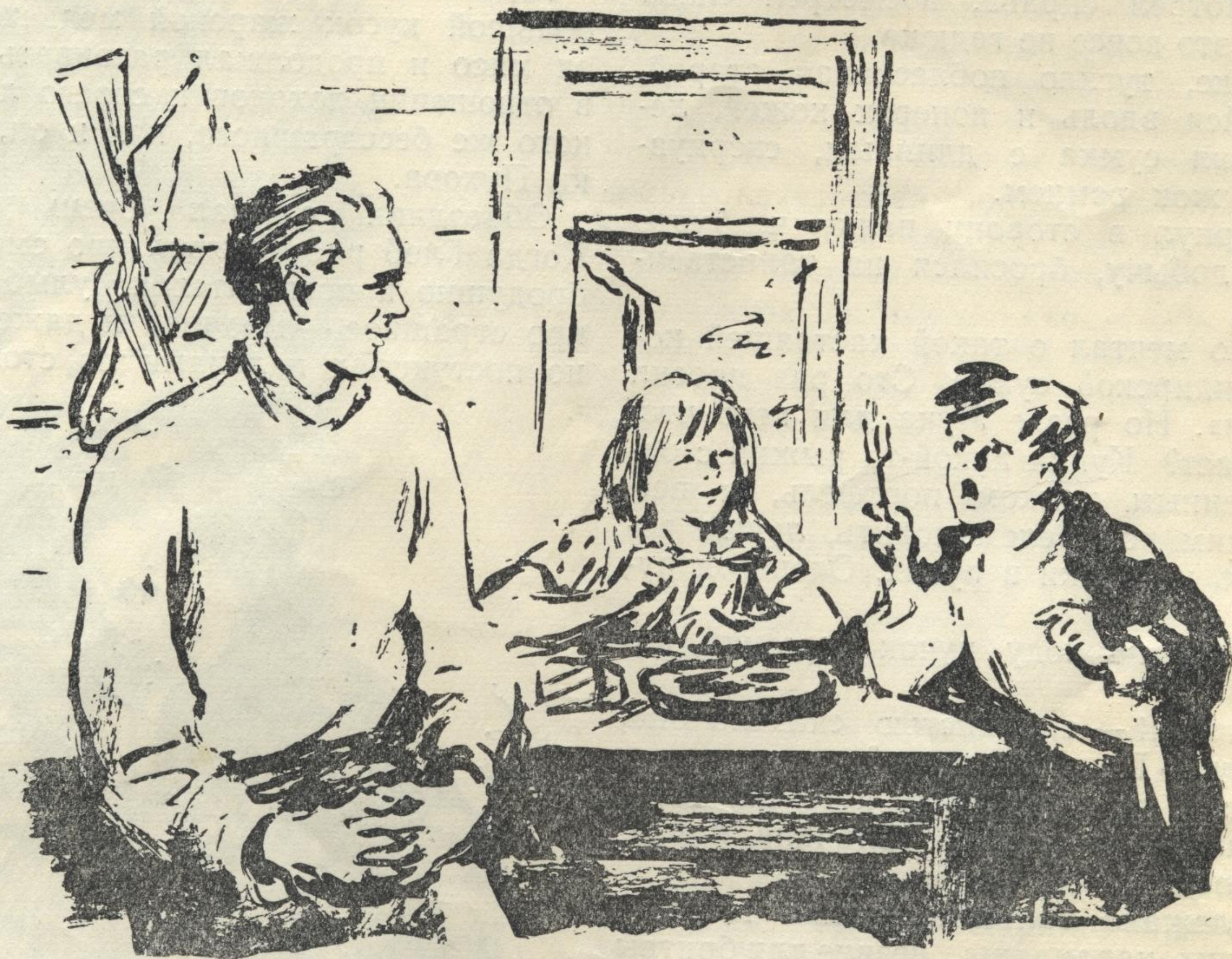
гое, Глеб зарядил ружье картечью, прицелился в медведя, но тут, в самую решительную и ответственную минуту, лесной объездчик поднялся и сказал:

— Ну, парень, хватит. У меня сейчас времени нет. Айда, домой вас провожу.

сил на дверях «конторы» красную фанерную доску и на ней мелом написал:

«Вчера бригада лесорубов выполнила свою норму на 32 процента».

А что такое тридцать два процента, Глеб знал хорошо. Это почти то же самое, что

Лесной объездчик прошел с Варей и Глебом минут пятнадцать — двадцать и вывел их прямехонько к реке. К той самой реке, откуда они начали знаменитые розыски Зины-Зинули.

Объездчик простился с Варей, пожал руку Глебу и очень душевно и искренне сказал:

— Ну, Глеб, до свиданья. Когда будешь снимать шкуру с медведя, позови. Помогу...

Глава девятая

Глеб ничего не сказал Луке про Зину-Зинулю, про поход в тайгу и сумку. Только заклись, вообще со света сживет.

Глеб решил, что с рассказами можно пока подождать, а там все устроится само собой.

К тому же как с Лукой разговаривать, когда он даже не смотрит на него? Придет вечером, поест втихомолку и снова уходит. Только про свои дела и думает...

А дела эти, как понял Глеб, были совсем неважные.

Георгий Лукич, который, наверно, до сих пор не помирился с десятиклассниками, пове-

в школе двойка или самый настоящий «кол».

Глеб случайно подслушал разговор Луки и Сережи Ежикова, и картина для него стала совсем ясной.

После обеда Глеб сидел в вагоне и рассматривал сумку.

Сумка была очень старая, с растрескавшейся кожей, но все равно настоящая, командирская сумка. На кожаной крышке ее изнутри чернильным карандашом были выведены две буквы: «И. Д.». Наверно, это были имя и фамилия ее прежнего владельца.

Интересно, кто такой «И. Д.»?

Глеб вынул из сумки тетрадь и принялся читать.

Но ничего полезного в этой тетради не было. Какие-то непонятные слова и очень плохие, на скорую руку нарисованные картинки и чертежи. Если б Глеб захотел, он бы в сто раз лучше нарисовал.

Глеб решил было тут же швырнуть тетрадь в печку, но передумал. На тетради была хорошая клеенчатая обложка. Из такой обложки, если подумать, можно сделать много всяких интересных штук.

Глеб спрятал тетрадь на прежнее место и снова принялся за сумку. Повертел так, повертел сак и решил, что сумку надо переделывать.

Во-первых, надо укоротить ремень, а во-вторых, пристроить гнездо для компаса.

Какая же сумка без компаса!

Без компаса никакой настоящей сумки не бывает.

Глеб отцепил ремень, отпорол кожаный карманчик и хотел сделать еще что-нибудь такое же важное и нужное, но тут услышал за дверью голоса Луки и Сережи Ежикова.

Лука и Сережа стояли возле вагона и говорили все о тех же тридцати двух процентах и еще о Лорде — Димке Кучерове.

Оказывается, Димка Кучеров снова откол номер. Вчера, когда все ребята пилили деревья, Димка ушел втихомолку в кусты и завалился спать.

Тут-то его и накрыл Георгий Лукич. Потолкал, потолкал Димку, но так и не растолкал. Тогда он пошел к Луке и сказал:

— Если это еще раз повторится, я вышвырну его отсюда вверх тормашками.

Принципиально Глеб против этого не возражал.

Пускай вышвыривает.

Но сейчас ему все же стало неприятно и даже обидно.

Подумаешь, расшвырялся!

Лука и Сережа Ежиков поговорили, поговорили и ушли.

Глеб сидел в вагоне и думал: если бы у него был какой-нибудь товарищ, он бы сейчас пошел к этому товарищу и все ему рассказал. Вдвоем они наверняка придумали бы, как насолить этому вредному человеку.

Но товарищей тут не было, а идти к Варя нельзя, потому что Варя дочь Георгия Лукича... Да и вообще после всего, что произошло в тайге, Глеб не желал встречаться с Варей.

Глеб поскучал, поскучал немного, а потом решил: если он пойдет и просто так посмотрит, что делает эта зазнайка, то ничего плохого не будет.

Говорить с ней, конечно, не нужно. Она этого не заслуживает. Просто пройдет возле «конторы», ядовито усмехнется, и все. Пускай знает, что он в ней ни капельки не нуждается.

Глеб вышел из вагона, а в это время, тоже случайно, из «конторы» вышла Варя.

Глеб сделал несколько шагов и остановился.

Варя тоже прошла несколько шагов и тоже остановилась.

«Пускай идет первая, — решил Глеб. — Если она первая пойдет, так и он тоже пойдет».

Варя посмотрела на Глеба и снова сделала несколько шагов.

Глеб подумал и в свою очередь продвинулся вперед. Но немножко поменьше, чем Варя.

Так Глеб и Варя шли, шли, пока совсем не подошли друг к другу.

— Влетело тебе от Луки? — спросила Варя.

— Еще чего не хватало! А тебе?

— Не. Мне не влетело. Я совсем отсюда, ухожу, — очень грустно сказала Варя.

— Врешь!

— Не. Я не вру. Я с папой навеки перессорилась.

Варя ковырнула туфлей землю, подумала малость и начала рассказывать Глебу, что и из-за чего получилось.

— Я пришла и увидела на красной доске тридцать два процента, — сказала Варя. — Ну, я взяла и стерла. А потом папа пришел, и я папе сказала: «Ты, папа, зачем там написал? Ты хочешь, чтобы им стыдно стало? Ты там ничего не пиши». А папа говорит: «Не лезь не в свое дело. Пойди и сейчас же напиши то, что стерла». А я говорю: «Я ничего писать не буду, а если ты будешь на меня кричать, так я сразу к маме уйду». А потом папа начал искать мел и опять на меня закричал: «Давай сейчас же сюда мел!» А я говорю: «У меня мела нет, потому что я гадостей на доске не пишу и мела я не выбрасывала». А папа говорит: «У кого же тогда мел? Мел тут лежал». А я говорю: «Мел у того, кто на доске пишет, а я на доске ничего не пишу». А папа тогда взял и дернул меня за ухо.

— Сильно дернул? — поинтересовался Глеб.

Варя отслонила рукой свои прямые, белые, как солома, волосы и показала Глебу ухо.

Ухо было как ухо, и даже совсем не красное.

— Он тебя не сильно дернул, — сказал Глеб.

— Конечно, не сильно, — согласилась Варя. — А если бы сильно, так я бы от него сразу ушла.

— А ты разве не уходишь?

— Не. Теперь я не ухожу. Я теперь передумала. Я папе рубашки буду стирать. Он тут без меня совсем пропадет.

После того, как Глеб и Варя помирились, они стали думать, чем бы таким интересным заняться. Думали, думали, но ничего путного так и не придумали.

— Пойдем посмотрим, как наши рубят деревья, — предложила Варя.

Интересного в этом, конечно, ничего не было, но Глеб согласился. Не в домино же с Варей играть.

Играть в домино с ней было вообще невозможно. То косточку под рукав спрячет, то шестерку к двойке поставит. Хоть смотри, хоть не смотри, — все равно смошенничает.

Глеб и Варя пришли к тому месту, где десятиклассники рубили в тайге просеку — длинный узкий коридор.

Когда-нибудь по этому коридору с шумом и грохотом помчатся товарные и пассажирские поезда. Далеко-далеко, к высоким, невидимым отсюда берегам сибирской реки Лены.

А там уже плыви на пароходе, куда хочешь — хоть в Якутск, хоть в порт Тикси, где днем и ночью бьют в причалы тяжелые холодные волны моря Лаптевых, хоть в Северный Ледовитый океан.

Да, это совсем неплохо — прокатиться на скором поезде по новой таежной дороге, а потом забраться на пароход, на самую верхнюю палубу и посмотреть оттуда, что там кругом делается и как там живет в тех неведомых далеких краях.

Только уж очень долго ждать. А ждать долго Глеб не любил. Ему если бы раз-раз — и готово. Вот тогда бы да! Тогда дело другое.

В тайге стучали топоры. От земли тянуло крепким, немного печальным запахом свежей порубки. Срубленных деревьев было совсем мало. Раз, два, три, четыре, пять...

Варя пересчитала их по пальцам и сказала:

— Вот это и есть тридцать два процента. А если сто процентов, так это вон до той лиственницы. Понял?

Но Глеб и без Вари все прекрасно понимал.

Вместе со всеми был на просеке и Георгий Лукич. В стареньком железнодорожном кителе с закатанными до локтя рукавами он стоял возле Димки Кучерова и учил его умуразуму.

— Ты подсекай! — убеждал он Димку. — Ну, вот так... Да не так же. Я ж тебе говорю — подсекай... Какой ты, право, бестолковый.

Димка безропотно слушал Георгия Лукича и старался, как видно, изо всех сил. Длинные волосы его мотались из стороны в сторону, из-под топора летели куда попало белые щепки.

Георгий Лукич постоял еще немного возле Димки, покачал головой, как будто бы хотел сказать: «Эх, дурак ты, дурак. Хоть учи тебя, хоть не учи, все равно толку не будет», — и пошел к Луке.

Глеб смотрел на Луку и ждал бури. Лука не Димка, Лука «бестолкового» не стерпит. Лука не такой...

Георгий Лукич и Лука стояли далеко от Глеба. Что они там такое говорили, Глеб не слышал.

Но Глеб и так понимал, что Георгий Лукич разговаривал с Лукой совсем иначе, чем с Лордом. Ну да, один раз он даже улыбнулся, а потом вытащил портсигар и протянул Луке.

Вот это номер! Возьмет Лука папиросу или не возьмет?

Варя стояла рядом с Глебом и тоже внимательно наблюдала за отцом и Лукой. Когда Георгий Лукич протянул Луке портсигар, она толкнула Глеба в бок и сказала:

— Смотри, мириться начинают!

А Глеб в эту минуту сам не понимал, чего ему хочется.

Ему и хотелось, чтобы Лука взял папиросу, и в то же время не хотелось.

Подумаешь, какой нашелся! Сначала вверх тормашками выбрасывать хотел, а теперь папиросы дает.

«Не бери, Лука, не бери!»

А кто-то другой беспокойно копошился в груди Глеба и шептал:

«Ну, ладно уже, бери, чего стоишь?»

Лука папиросу не взял, и Глебу от этого сразу стало как-то не по себе.

— Не взял, — грустно сказал он, — не хочет мириться.

Варя хрюкнула и сразу же прикрыла рот ладонью.

— Ты чего хрюкаешь? Весело, да?

— Не. Мне не весело. Разве с одного раза мирятся? С одного раза никто не мирится.

Тут Глеб сделал вид, будто ему все равно — хотят они мириться или не хотят.

Если Георгий Лукич мириться хочет, так пускай не пишет на доске.

Если бы Глеб курил, так он бы тоже не взял. Ни одной штуки. Очень нужно!

Глеб пошел вдоль просеки и начал приглядываться, где тут найти подходящий прут и вырезать хороший свисток.

Вскоре ему попался высокий, раскидистый куст черемухи. Черемуха уже отцвела, но ветки были еще по-весеннему гибкими и кора от них сразу же отлипала. Только постучи колodкой ножичка, только поверти осторожно пальцами, — и готово.

Свисток у Глеба получился что надо. Приложил к губам, надул щеки и сам удивился. Ого! Вот это да! Если бы Колька Пухов увидел такой свисток, сразу бы от зависти умер.

Глеб оглянулся и только тут заметил, что Варя куда-то исчезла. А если никто не слушает, какой интерес свистеть? Совсем никакого интереса нет.

Глеб решил вырезать еще один свисток и подарить Варе. Вдвоем-то свистеть веселее. Но окончить это дело Глебу не удалось.

Только начал колотить ножичком по коре — откуда ни возмись, появилась Варя. Лицо у нее было озабоченное, взволнованное.

— Глеб! — сказала Варя. — Димка Кучеров обратно спит.

— Как спит?

— Так... протянул ноги и спит.

Это, конечно, было нахальство. У Луки больная рука, а он работает. А у Димки ничего не болит, а он спит.

Варя тоже заявила, что это нахальство и свинство.

— Я сейчас пойду, и я ему сейчас скажу. Я ему такое скажу, что он сразу подскочит. Глеб усмехнулся и пошел за Варей.

Димка спал лицом вверх. Худой, загорелый, с узенькой курчавой полоской белокурых усов на губе.

Варя подошла к Димке, укоризненно посмотрела на него и сказала:

— Димка, ты почему спишь? Ты не спи, ты вставай! Спать стыдно.

Варя принялась тормошить Димку за плечо, но он даже и не думал просыпаться. Лишь один раз приоткрыл серый, затуманив-

шийся глаз, посмотрел куда-то вверх и захрипел еще сильнее.

— А ты чего так стоишь? — чуть не плача, спросила Варя. — Ты так не стой. Ты тоже буди!

— Его так не разбудишь, — сказал Глеб. — Ты его по носу щелкай.

Варя с сомнением посмотрела на Глеба, села на корточки, прицелилась, неуверенно стукнула Димку по кончику острого горбатого носа.

— А ну, подожди, — сказал Глеб. — Давай я.

Он закатил рукав, будто для большого и серьезного дела, прижал средний палец большим и резанул Димку по носу.

Димке такая штука не понравилась. Он поморщился, буркнул что-то сквозь сон и вдруг перевернулся вокруг своей оси и лег на землю лицом вниз.

— Теперь ничего не сделаешь, — разочарованно сказал Глеб. — Его если по носу щелкать, только тогда проснется.

Глеб и Варя сидели возле спящего Димки и думали, что им теперь делать с этим бессовестным человеком.

Каждую минуту сюда мог нагрянуть Георгий Лукич. Придет, посмотрит и снова начнет кричать и жаловаться Луке, а потом звонить по телефону.

Одним словом — вот тебе мочала, начинай сначала...

Глеб думал, думал, как им расправиться с Димкой, да так ничего и не придумал. Зато Варя придумала. Придумала, рассказала Глебу и засмеялась.

— Правда, здорово?

— Ничего, — сдержанно ответил Глеб.

Варя и в самом деле придумала занятную штуку. Теперь Димка запомнит, как спать на работе!

Когда план мести был окончательно разработан и принят вместе с поправками и дополнениями, Варя сбегала в «контору» и приволокла оттуда большой серый брезент.

Глеб и Варя расстелили брезент на земле, вкатили на него бесчувственного Лорда, а потом взяли за края и, побряхтывая, потащили к реке...

Долго они возились с Димкой Кучеровым. Даже чуть-чуть не перевернули лодку вверх дном

и не отправили Димку рыбам на закуску.

Но, так или иначе, операция была проведена блестяще. Спящий Димка был перевезен на ту сторону и с почестями уложен на голом прибрежном песке.

Весь вечер Глеб и Варя перемигивались друг с другом и тихонько похихатывали.

Глеб посмотрит на Варю и будто бы скажет:

— Ну что, скоро начнется?

Варя подмигнет Глебу и тоже как будто бы ответит:

— Ты, Глеб, не торопись. Ты зачем торопишься? Сейчас начнется.

Но то, чего они с таким нетерпением ждали весь вечер, началось не скоро. Лука уже пришел в вагон, уже начал раздеваться и вдруг прислушался и сказал Сереже Ежикову:

— Что за черт, кто там такой кричит?

И Сережа Ежигов услышал этот крик, и Глеб, и вообще все ребята.

Повыбегали из вагонов, стоят, смотрят на далекий, потонувший во мгле заречный берег, и ничего не понимают. Кто-то там воет, кричит и отчаянно стонет. Кто кричит и отчаянно стонет, никому, конечно, не известно.

Потом Лука прислушался по-лучше и сказал:

— Ребята, а ведь это Димка.

Сережа Ежигов тоже прислушался и тоже сказал:

— И в самом деле Димка-дурак. Какая нелегкая его туда занесла?

А с берега все громче и отчаянней неслись завывания и стоны несчастного Димки:

— Лорды-ы! Братцы-ы! Спасите-е!

Глава десятая

Ночью Глебу приснился сон. Ему все время снилось одно и то же — и вчера, и позавчера, и в первый день, когда они только приехали с Лукой на стройку.

Красный вагон тронулся с места и покатил по широкой лесной просеке. Зазвенел на печке большой жестяной чайник, застучали по рельсам заржавевшие, давно не мазанные колеса.

«Куда, куда, куда?» — стучали колеса.

Но Глеб знал, куда мчит паровоз. За окном пролетали и оставались позади лесные полустанки, маячили высокие закопченные трубы заводов, сверкали окнами незнакомые города...

Еще немного, и впереди покажется синяя полоска моря, высокие скалистые берега и огромные корабли на рейде.

Откроется дверь, и в вагон войдет проводник. Поправит усы, поглядит на Глебову походную котомку и скажет:

— А ну, братец, собирайся: Севастополь.

Сколько раз Глеб видел во сне этого проводника! Хмурые, торчащие вверх, будто кисточки для красок, брови, толстый самоуверенный нос в темных крапинках, круглая ямочка на гладком бритом подбородке.

Вот он уже идет... на узком солдатском ремне висят, как всегда, флажки в потертых чехлах; в руке неизменный, похожий на букву «г» ключ «трехгранка».

Проводник подошел к Глебу, постучал ключом по деревянной полке и сказал...

— Глеб, где ты взял эту тетрадку? Глеб, ты слышишь?

Глеб открыл глаза. Ни моря, ни больших кораблей, на которых можно в любую минуту совершить подвиг, ни белых, скользящих над водой чаяк.

На крохотном столике возле окна чадит из последних сил керосиновая лампа и лежит раскрытая тетрадка, которую Глеб нашел во время своего знаменитого похода в тайгу.

— Глеб, откуда у тебя эта тетрадка? Ты слышишь, Глеб?

Еще бы он не слышал! От такого крика не только живой, от такого крика даже покойник из могилы подыметя.

Глеб сел на кровати, потер худые, искусанные комарами ноги.

Странно... залез в чужую сумку и еще на него же кричит.

Кричать всякий может, кричать не трудно... Между прочим, Глеб так и сказал Луке.

Чего ему в самом деле стесняться! Будешь молчать, так Лука вообще на голову сядет.

Но тут Глеб, как видно, что-то не рассчитал. Лука сдернул его с постели, будто мешок, и сказал, что немедленно превратит в отбивную котлету.

При всем при этом Лука еще назвал его нечестным человеком и, что обиднее всего, — болваном.

Шутить в такие минуты с Лукой было опасно. Хочешь — не хочешь, пришлось проглотить «болвана» и кое-что рассказать Луке про сумку.

— Я, Лука, в тайге сумку нашел, — сказал Глеб. — Пошли с Варей, ну и нашли. Я хотел показать тебе, а потом забыл.

Лука забрал со стола тетрадку и, ничего не сказав, ушел.

Нет, видно, никогда не будет между ними мира и согласия. Ну за что он назвал Глеба болваном, что такое необыкновенное нашел он в этой совсем старой, потрепанной тетради?

Глеб погасил лампу и снова забрался под одеяло.

А вагон, видно, только этого и ждал. Поставил еще немного и тихо тронулся с места.

Заскрипели дощатые стены, застучали на стыках рельсов немазаные, заржавевшие колеса. «Куда, куда, куда»?

Поезд мчался без остановок до девяти часов утра.

Если бы не Варя, Глеб мог вообще укатить на край света. Варя подошла к двери вагона, прислушалась и постучала. Сначала потихоньку, потом все сильнее и сильнее.

— Глеб, ты еще живой или ты уже неживой?

Поезд снова остановился. Глеб открыл глаза и недовольно сказал:

— Живой... Поспать и то не дадут. Ну и жизнь!

Он плеснул несколько раз водой из рукомойника, который висел на гвоздике в углу вагона, и вышел к Варе.

— Ну, что скажешь? — спросил он. — Чего разбудила?

Варя опустила голову, очень тихо и грустно ответила:

— Я, Глеб, ничего не скажу. Я сейчас расстроенная...

— Хо-хо, чем ты расстроилась?

— Ты, Глеб, не смейся, — укоризненно и строго сказала Варя. — Смеяться не надо. У нас родилась девочка.

Странно, разве из-за этого расстраиваются? Конечно, если бы родился мальчик, было бы лучше. Так все всегда говорят. Но раз родилась девочка, пускай будет девочка. Девочки тоже нужны...

Но тут оказалось, что Варя расстроилась совсем по другой причине. Варя собралась идти с отцом в больницу к матери, а отец взял и уехал к начальнику.

— Он тетрадку начальнику повез, — сообщила Варя. — Он со мной совсем не считается...

— Значит, Лука у вас был?

— Ага... Папа говорит — в больнице все равно не принимают. Там только после обеда принимают. А я ждать не могу. Я очень расстроенная. Ты пойдешь со мной?

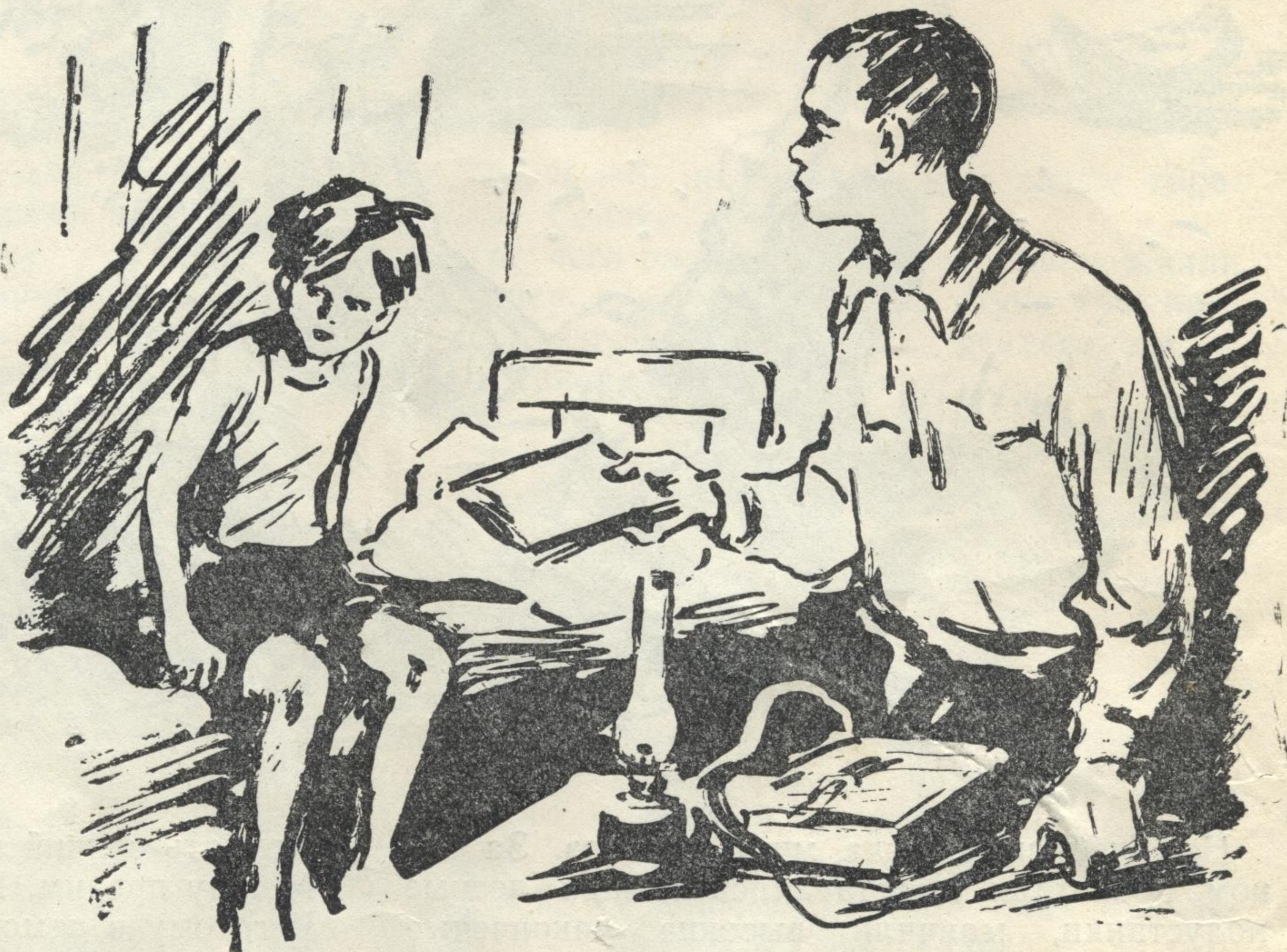
Снова эта тетрадка! Значит, Лука не просто так поднял его на ноги и заставил объяснить, где он нашел и как он нашел.

А Глеб хотел ее в печку. Даже не прочитал как следует. Перелистал, посмотрел кар-

тинки и все. Ну кто же он такой после этого? Болван. Самый настоящий форменный болван!

Глебу не терпелось узнать про тетрадку — что там в конце концов такое, из-за чего поднялся трам-тарарам?

Но разве Варю остановишь? Куда там! Так и сыплет, так и сыплет словами — «девочка

такая, девочка вот такая! Девочка весит четыре килограмма двести пятьдесят граммов».

И вдруг Глеб придумал, как остановить эту тараторку. Он набрал в грудь побольше воздуха и завопил диким, страшным голосом:

— А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а-а!

Варя мгновенно умолкла. С изумлением и даже с каким-то страхом она посмотрела на Глеба и спросила:

— Ты, Глеб, чего так кричишь? Кричать не надо...

— А ты чего?.. Я про тетрадку спрашиваю, а ты... Очень мне нужны твои килограммы и граммы...

Теперь уже Глеб ясно видел — Лука не зря понес тетрадку Георгию Лукичу. Нет, зря Лука ничего не делает...

— Ты вспомни, — приставал Глеб к Варе. — Неужели ты не можешь вспомнить!

Варя перестала гримасничать. Лицо ее приняло спокойное и даже немного торжественное выражение.

— Ты слушай, — твердо сказала она, — а я буду все рассказывать. Только ты не пе-

ребивай, а то я обратно забуду. Я очень расстроенная.

Глеб слушал и не знал — верить Варе или не верить.

— Это, Глеб, знаешь какая тетрадка? Это тетрадка особенная. Это дневник геолога. Тут еще раньше хотели железную дорогу строить, еще до войны. Геологов вызвали и сказали: «Идите и найдите такие места, чтобы было поменьше болот и гор. Как только найдете, так сразу и начнем строить». Вот они и пошли... Там, Глеб, все в тетрадке про это написано...

— Чего же ты молчишь, забыла? — подстегнул Глеб Варю.

— Не, Глеб, я не забыла, я все помню, — тихо добавила Варя. — Этот геолог погиб... Он в тайге замерз... Он до самой последней минуты писал... Пойдем, Глеб, ты же видишь, какая я расстроенная...

Так Варя больше ничего и не рассказала.

Но все же Глеб решил поддержать компанию и пойти с Варей в больницу.

Ведь если хорошенько подумать, они с Варей были совсем одиноки. Георгий Лукич не считался с Варей, Лука грозился сделать из Глеба отбивную котлету. Нет, роднее человека, чем Варя, у Глеба сейчас не было.

По дороге Варя без умолку рассказывала про свою сестричку и про свою маму.

— Ты, Глеб, знаешь, какая у меня мама? Не, Глеб, ты ничего не знаешь! У меня мама на фронте была. Ей там медаль «За отвагу» выдали. А потом мама обратно на железную дорогу пошла. Папа увидел ее и сразу же женился. У меня папа, знаешь, какой? У меня папа тоже отчаянных любит!

Глеб и Варя вышли на берег реки, разыскали там без труда лодку и поплыли.

Глеб сидел на корме, слушал, как деловито и немного вразнобой шлепали по воде весла, и думал про геолога.

Что же это за человек? Неужели он и в самом деле погиб в тайге?

За тальниками показался узкий, заросший осокой рукав.

Они проплыли еще немного и увидели деревню. По кособокому берегу бежали к речному плесу серые бревенчатые избы и сюда же, касаясь воды, сползала серая лента проселочной дороги.

Глеб и Варя втащили лодку на дорогу и пошли вверх по кособокому берегу.

Больница стояла на краю деревни. Длинный, сложенный из бруса дом, калитка с железным кольцом, мокрые халаты на веревке.

Варя была здесь уже не первый раз. Она

уверенно пересекла двор и подошла к высокой, обитой клеенкой двери.

В приемной с узелками и сеточками в руках уже дожидалось несколько мужчин и женщин. Одни писали за столиком записки, другие стояли возле стены и терпеливо смотрели на крохотное, похожее на дырку в скворечнике окошко. Изредка оно открывалось, и в нем появлялась тоже очень похожая на скворца женщина в белой косынке и круглых очках. Посетители передавали ей узелки и записки, покорно отходили в сторонку, ждали ответа и пустых бутылок от молока.

Бутылок у Вари не было, и поэтому она сразу же принялась за письмо. Села к столу, расставила локти и начала писать — старательно, с такими нажимами, что бумага сразу же покрывалась канавками и бугорками, будто поле под острым плугом.

Глеб два раза выходил из приемной и два раза заходил, а Варя все писала и писала. Приемная опустела, и женщина, похожая на ученого скворца, больше не показывалась. Где-то в глубине дома шаркали туфли и звенела посуда. Там обедали...

Глеб побродил по двору, приласкал рыжую добродушную собаку с белым пятном на хвосте, напился от нечего делать воды из крана и снова отправился в приемную.

Еще с крыльца Глеб услышал громкий и очень знакомый ему голос:

— Откройте, я все равно не уйду обратно! Я вам говорю, откройте!

Варя стояла возле «скворечника» и колотила по дверце кулаком. Дверца ходила ходуном. Казалось, еще минута и дверца вылетит вон вместе с объявлением «Прием окончен», вместе с железными петлями и согнувшимся вдвое крючком...

Глава одиннадцатая

Лучше бы он совсем не ходил с Варей. Очень ему все это нужно. Как будто бы мало у него своих историй и скандалов!

Женщина в белой косынке вытолкала их за дверь и пригрозила, что немедленно вызовет милиционера.

— Вызывайте хоть сто раз! — крикнула Варя в закрытую дверь. — Брат тоже все видел, он сам все скажет!

— Какой брат? — спросил Глеб, оглядываясь по сторонам, — Где?

Варя не ответила. Она взяла Глеба за руку и с самым решительным видом потащила к высокому крыльцу на другом конце дома.

На чистых, отмытых добела ступеньках лежал цветной половичок, на дверях, прищипи-

ленная поржавевшими кнопками, висела бумажка. Ровными и красивыми буквами на ней было выведено: «ГЛАВНЫЙ ВРАЧ».

— Ты куда? — спросил Глеб и потянул руку.

Но не тут-то было. Варя вцепилась в него, как клещами. Не успел он опомниться, как уже стоял в кабинете главного врача.

Врач сидел за столом и, прищурив глаз, рассматривал на свет черный рентгеновский снимок. Это был толстый человек с рыжими пушистыми усами и такими же рыжими, похожими на амёб веснушками на оголенных до локтя руках.

— Здравствуйте, товарищ главный врач, — вежливо сказала Варя. — Мы вам не помешали?

— Здравствуйте, — ответил врач и положил снимок на стол. — Тебя разве еще не отвели в милицию?

— Не, меня не отвели. Мы тут с Глебом...

— Ах, с Глебом! Значит, вы теперь вдвоем будете хулиганить?

— Не, мы не хулиганить... мы письмо маме написали. Я быстро писать не могу. Мама говорит, надо писать с нажимом, а она говорит, надо писать быстро, потому что прием закрыт... Примите, пожалуйста, записку, я вас очень прошу... Глеб вас тоже очень просит.

Глеб чувствовал, как наливаются кровью, краснеют его лицо и уши.

Главный врач вышел из-за стола, поглядел на Глеба, на Варю и сказал:

— Ну, вот что, друзья, на первый раз я вам прощаю, а там смотрите... До свиданья...

Глеб страшно обрадовался, что все так легко сошло с рук. Но тут Варя закрыла лицо руками и громко всхлипнула.

— А-я-я-я-й. Ну, зачем же плакать? — участливо сказал врач. — Стыдно, девочка, очень стыдно...

Главный врач повернулся и вышел из кабинета.

— Пойдем! — толкнул Варю Глеб, — а то сейчас достанется.

Варя отняла руки от лица, и

Глеб с изумлением увидел, что глаза у нее совсем сухие. Ни одной слезинки!

— Не, нам не достанется, — сказала Варя, поглядывая на дверь. — Он добрый...

Через несколько минут врач возвратился.

В руках у него были два длинных белых халата и марлевые повязки с тесемками.

Глеб и Варя надели халаты, нацепили на носы повязки и сразу же стали похожими на хирургов, которые вырезают фурункулы и вытаскивают из пяток острые занозы.

— Пойдемте, — сказал врач. — Вот сюда. Только побыстрее и, пожалуйста, не шумите.

В палате стояли в два ряда кровати, и на них с книжками в руках, с каким-то вязаньем и вообще просто так лежали женщины.

Женщины увидели Глеба и Варю, и сразу же заулыбались.

И только одна женщина, та, что лежала возле самого окошка, не улыбалась. Она прямо и строго смотрела на Варю и перебирала пальцами край белой простыни.

Варя хотела было кинуться к ней с поцелуями, но она остановила ее глазами.

Это были удивительные глаза — спокойные, добрые и в то же время очень строгие, как глубокая лесная река.

Глебу показалось, будто под этим взглядом Варя стала даже пониже ростом. Ну точь-в-точь, как на картинке в книжке Кольки Пухова. Там была нарисована очень воспитанная девочка, а внизу написано:

«Я не буду больше плаксой,
Чищу зубы мятной пастой».

Возле кровати стояли две табуретки. Глеб сел рядом с Варей, положил руки на колени. Он чувствовал себя неловко, не знал, как вести себя, что говорить.

Варина мать, как видно, поняла это. Она взяла с тумбочки алюминиевый судок с крупной, огненно-красной клубникой и сказала:

— Ешьте, дети, это папа принес.

Варя посмотрела на судок краем глаза и тут же безошибочно потянула самую спелую и сочную ягоду.

— Ужасно вкусная, — виновато сказала она, прищелкивая языком, — прямо лучше ананасов. Глеб, ты когда-нибудь ел ананасы?

Варя взяла за хвостик еще одну ягодку, поднесла ее к губам и тут же опустила руку. Рот ее удивленно приоткрылся, круглые ямки на щеках вытянулись и потом исчезли совсем.

— Значит, он уже приходил? Значит, он обратно меня обманул?

— Он не обманывал. У него очень важные дела. Ты же знаешь, он повез тетрадку... эта тетрадка...

Неожиданно губы и подбородок у матери задрожали, а в уголках глаз, под ресницами, блеснули две быстрые слезы. Она прикусила нижнюю губу, но это не помогло, и губы все равно дрожали и дрожали мелкой и очень жалкой дрожью.

— Мама, ты зачем плачешь? — тихо вскрикнула Варя. — Плакать не надо!

Мать провела рукой по глазам и первый раз за все время, пока они были в палате, улыбнулась.

— Разве я плачу? Ты что выдумываешь?

Глеб знал, что это не так. Но все же он ответил Вариной маме улыбкой. Глеб очень хотел, чтобы она поверила, будто и в самом деле никто не заметил ее слез.

Но почему же она плакала? Ведь ее никто не обижал.

Подожди, как это все получилось? Ага, вот так: они сидели на табуретках, ели клубнику... потом мать сказала про отца и про тетрадку. Неужели эта тетрадка?

Но разве можно так расстраиваться? Ему, например, тоже очень жаль геолога, но ведь он не плачет...

— Ну, что же ты молчишь? — спросила Варина мать, — расскажи, как там у нас дома.

Варя бросила на Глеба быстрый, выразительный взгляд. «Ты зачем тут сидишь? — говорил этот взгляд. — Ты не сиди, ты уходи».

Глеба не надо было долго упрашивать. Он встал и начал прощаться. Варина мать взяла Глеба за руки и притянула к себе.

— Глеб, — сказала она, — ты смотри за Варей. Ты же все-таки мужчина. Я тебя очень прошу.

Что-то очень теплое и нежное пробежало по душе Глеба и ему захотелось тут же дать Вариной матери суровую мужскую клятву: «Клянусь, буду защищать до последней капли крови, вот вам моя честная рука».

Глеб не успел высказать эти благородные и возвышенные мысли. За спиной у него что-то хрюкнуло, кашлянуло, а потом начало смеяться. Даже не смеяться, а громко и нахально похохатывать.

— Варя, ты почему смеешься? — строго и недовольно спросила мать.

Варя зажала рот ладонью, но не удержалась и фыркнула изо всей мочи.

— Я-я-я не смеюсь... Он же не мужчина, я им сама командую.

Путаясь в длинных полах халата и натываясь на койки, Глеб пошел прочь из палаты.

Он шел с твердым намерением — дождаться Варю во дворе и там свести с ней короткий, но суровый и справедливый счет.

От реки уже тянуло вечерней прохладой, острыми горьковатыми запахами болотных трав и перегнивших коряжин. Халаты, которые по-прежнему висели на веревке, простелили по двору длинные синие тени.

К Глебу подошла рыжая собака с белым пятном на хвосте и доверчиво ткнула носом в руку. Видимо, и ей было сейчас грустно, хотелось ласки и человеческого участия.

Глеб все сидел и сидел на лавочке и ждал Варю. Умерла она там в конце концов, что ли?

И тут дверь скрипнула и Варя появилась на крылечке. Остановилась, склонила голову, будто перед казнью, и сказала:

— Ты, Глеб, меня прости. Я никогда больше не буду...

Перед Глебом никто еще не извинялся, но он хорошо знал — если просят прощения, — бить уже нельзя.

— Ну, ладно, пошли домой, — сказал он. — Только в следующий раз смотри...

Варя без разговоров уступила весла Глебу. Она сидела на корме молчаливая, притихшая.

Вечернее солнце опускалось за тучу. Казалось, там горел не ярким, но чистым и ровным пламенем костер. Вдоль берега тянулась густая темная полоса, и только чуть подальше, на быстрине, разливалось, будто цветущий багульник, нежное фиолетовое зарево.

Только тут, на реке, Варя рассказала что произошло в больнице, и почему она так задержалась.

Оказывается, Варя про все разболтала матери — и про то, как они щелкали Димку Кучерова по носу, и про то, как сожгли телеграмму, а потом ходили искать, но так и не нашли Зину-Зинулю.

Глеб даже весь съежился и невпопад заколотил веслами по воде. Тайна раскрылась и теперь все узнают, как нехорошо и как подло они поступили...

Опустив голову, не глядя по сторонам, Глеб вел лодку быстрыми, нервными рывками.

— Ты на меня, Глеб, не сердись, — сказала Варя. — Сердиться не надо. Мы сейчас придем к папе и скажем: «Папа, мы с Глебом дураки, и мы сами виноваты. Ты поскорее посылай людей в тайгу и разыщи Зину-Зинулю». Папа у меня, знаешь, какой? Он у меня добрый...

Да, теперь им больше ничего не оставалось — только поверить в чудо или в доброго папу. Но в чудеса Глеб не особенно верил. Если они где-нибудь и были, то только не здесь, не в тайге. С тайгой не шути. Если тайга возьмет кого в свои могучие зеленые лапы, отбиться от них нелегко.

Глеб до сих пор помнил тот день, когда погиб отец.

К избе подъехала телега, и в ней неудобно и тяжело лежало что-то большое, накрытое жестким серым брезентом.

В дом Глеба не пустили. Пока набежавшие откуда-то старухи обмывали отца и надевали на него в последний раз белую чистую рубашку, Глеб сидел у Пуховых и плакал.

А потом гроб положили на белые полотенца и понесли на кладбище...

Глеб уже тогда понял — в тайге не зевай, в тайге держи ухо востро.

На какое же чудо надеется он теперь?

Нет, никакого чуда не будет. Надо скорее плыть к красным вагонам и рассказать про все брату или Георгию Лукичу. Может быть, еще не все потеряно и еще можно что-нибудь сделать...

Глеб налег на весла.

Чувыр, чувыр, чувыр, — несло в тишине.

Над рекой уже стояла ночь. В черной маслянистой воде горела желтым огнем длинная, похожая на веретено звезда.

Вот они и дома. Тихо и темно в тайге. Вокруг ни одного огонька.

Варя пошла в «контору», а Глеб к себе.

Сейчас он разбудит Луку, Сережу Ежикова, честно и открыто признается им во всем.

Глеб поднялся по лесенке, открыл дверь.

В вагоне никого не было. На кроватях Луки и Сережи Ежикова лежали скомканные простыни; на полу валялись подушки.

Было во всем этом что-то очень загадочное и страшное. Глеб рывком толкнул дверь и прыгнул вниз, на землю.

К Варе. Скорее к Варе!

Но Варя уже сама шла навстречу Глебу. В темноте трещали под ее ногами сучья, меж деревьев мелькало белое платье.

— Глеб, это ты или это не ты? — еще издали спросила Варя и остановилась.

— Я, Варя, я-я!

Варя подошла к Глебу, приложила к сердцу растопыренную ладонь.

— Глеб, папы нет. Там лежит телеграмма... Алушкин обратно ищет Зину-Зинулю...

Глава двенадцатая

Утро не принесло ничего нового.

Глеб каждый час ходил к реке, смотрел вдаль на узенькую, убегающую в тайгу тропинку. Но тихо вокруг. Только кукушка кричит в заречном березняке: Лу-ка, Лу-ка, Лу-ка.

Вместе с Лукой и Вариним отцом разыскивать Зину-Зинулю ушли почти все. В поселке на колесах остались только Федосей Матвеевич да Димка Кучеров.

Федосей Матвеевич что-то пилил и строгал возле конюшни, а Димка лежал в вагоне животом вверх и очень жалобно и нудно стонал.

Эти «охи» и «ахи» начались еще вчера. Димка бросил работу и потребовал врача.

— Лорды, — сказал он умирающим голосом, — у меня в животе опухоль...

Ребята знали Димку как облупленного, но все же всполошились.

Георгий Лукич позвонил начальнику, и оттуда вскоре приехал фельдшер с большой брезентовой сумкой через плечо.

Фельдшер пощупал Димке живот, смазал иодом и заявил, что Димка действительно болен и его надо перевести на легкую работу.

Глеб посидел немного у Димки, потрогал по его просьбе живот и пошел к Федосею Матвеевичу. Но и тут он не узнал новых подробностей про Зину-Зинулю.

Федосей Матвеевич изъяснялся как-то очень отвлеченно и туманно.

— Ты, паря, не бойся. Раз пошли искать Зинулю, значит, найдут. Это факт неоспоримый. Но тайга, это тебе, паря, тайга. И как ты тут ни крути, это тоже факт...

Плотник по призванию, Федосей Матвеевич безропотно брался за любую работу: ухаживал за лошадьми, складывал печи, чинил ведра и даже мараковал по сапожной части. Положит заплату на ботинок — зубами не отдерешь...

Сейчас Федосей Матвеевич ладил длинные с острыми крючьями на концах багры.

Через день — два с далекого таежного лесопрохоза обещали сплавить по реке брус для

первой в этих местах железнодорожной станции. Да, самой настоящей станции. С перроном, с круглыми электрическими часами у входа, с красными и зелеными фонариками на путевых стрелках.

Федосей Матвеевич работал молча и сосредоточенно. Ударит молотком, перевернет багор, посмотрит — ладно ли, — и снова стучит по шляпкам гвоздей. Стук да стук, стук да стук... неторопливо, по-хозяйски, в лад своим, забежавшим куда-то вперед, мыслям.

Вот сейчас он сделает багры, а потом будет вылавливать из реки брусья — на венец, на двери, на высокую крышу с белыми печными трубами.

Увезут на новое место красные вагоны, а станция навсегда останется здесь, будет смотреть с холма высокими чистыми окнами.

И, может быть, кто-нибудь из пассажиров выйдет на остановке, удивленно поглядит вокруг и спросит:

— Братцы, а кто строил такую красивую станцию?

И тогда этому пассажиру скажут:

— Федосей Матвеевич строил. Он тут старался.

Но скорее всего, спрашивать никто не станет. У пассажиров много иных дел: кто за кефиром бежит, кто за кипятком, а кто норовит выпить кружку пива.

Но пускай даже и не спросят. Не в этом дело. Все равно приятно и дорого оставить на земле хорошую память.

Пришла Варя. С утра она сидела в «конторе» и ждала звонков. Но никто, конечно, не звонил — ни Лука, ни Георгий Лукич. Откуда они позвонят — из тайги, из медвежьей берлоги?

Варя села рядом с Федосеем Матвеевичем, взглянула ему в лицо.

— Пойдемте, Федосей Матвеевич к реке, а? Федосей Матвеевич тукнул еще несколько раз молотком, отложил готовый багор, нахлобучил на лоб потертую кожаную фуражку.

— Пошли, поглядим, — согласился он.

На реке тихо и скучно. Только иногда ударит возле берега таймень, да просвистит крылом быстрый чирок. Солнце заливало все вокруг белым слепящим светом. На крутогоре вдоль обнаженных песчаников синели цветущие чебрецы, покачивали малиновыми папахами высокие, не сохнувшие под зноем татарники.

Нередко так случается — ждешь чего-нибудь одного, думаешь, что это у тебя самое важное и самое главное, а жизнь вдруг повернет тебя куда-то совсем в иную сторону.

Именно так случилось и тут...

Федосей Матвеевич долго и пристально смотрел на реку из-под ладони.

— А ну, паря, погляди, — неожиданно сказал он. — Чегой-то там, однако, плывет.

Глеб и Варя, как по команде, приложили ладони к виску.

Далеко видна, с этого берега серая, тускло мерцающая в излучинах река. Она то бежит прямо, прорезая надвое, будто каравай хлеба, лесистые холмы, то загибает крутые колена, то вяжет меж зеленых островов тонкие петли и узлы.

Глеб присмотрелся и увидел плывущие по реке тонкие и быстрые, как пунктир, черточки. Покачиваясь на волнах, они бежали друг за другом длинной, нескончаемой чередой.

— Лес! — в один голос крикнули Глеб и Варя. — Лес плывет!

Но Федосей Матвеевич уже и сам понял, в чем дело.

Навстречу им, выпущенные из далекого леспромхоза, будто рыбы из сетей, плыли брусья для новой железнодорожной станции — ровные, хорошо отесанные, с готовыми зарубками на концах.

Что у них там стряслось в леспромхозе: перепутали дни, забыли позвонить? Нечего сказать, хорошенькая история!

Странно, что Федосей Матвеевич был такой спокойный. Ни одна жилка не дрогнула на его сухом и смуглом, как дозревшая кедровая шишка, лице. И только глаза на минуту помрачнели и брови сбежались в одну общую темную полосу.

— Бегите за баграми! — отрывисто и резко бросил он. — Живо!

Возле конюшни лежало наготове штук пятнадцать длинных, очищенных от коры осино-вых багров.

Ребята вытащили из вороха три штуки и снова помчались на берег.

Лавина приближалась. Теперь уже не крохотные черточки, а длинные тяжелые стволы неслись вниз по реке.

Глеб еще никогда не видел, как сплавляют лес «модем», то есть, без плотов.

Он думал, что первыми достигнут цели легкие, увертливые бревна. Но нет, впереди лесной эскадры мчались толстые, грузные колоды. Тонкие бревна кружили на водоворотах, металась из стороны в сторону, становились «на попа». Тяжелые даже на самой крутой быстрине держались строго и степенно. Они без труда догоняли легкомысленную мелочь, порой сердито и укоризненно толкали ее в бок и продолжали свой путь.

От берега почти к середине реки тянулась гряда острых подводных камней. С той стороны бежала наперерез течению и обрывалась над черной глубокой пропастью такая же высокая и крутая гряда.

Федосей Матвеевич взял в руки багор и, буруня воду ногами, неторопливо пошел по камням к этим черным узким воротам.

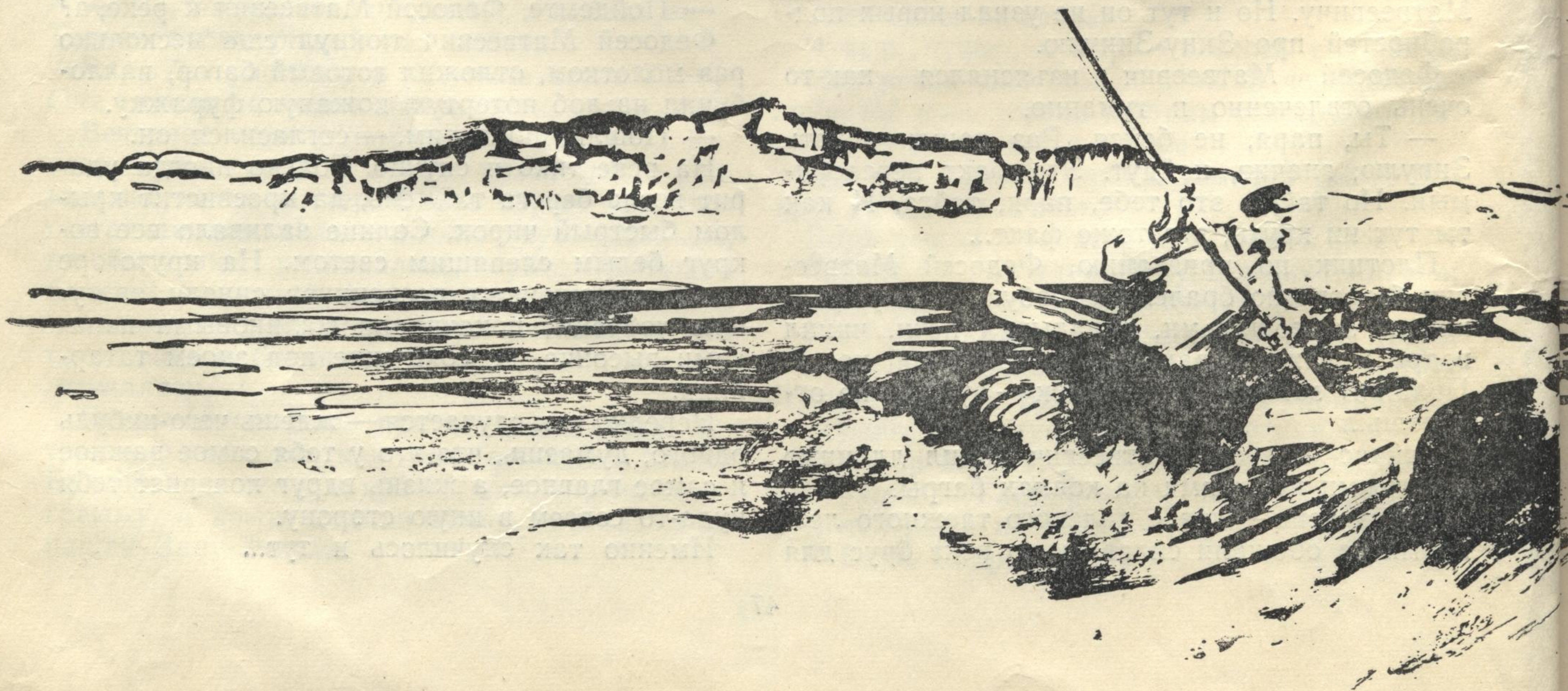
Варя тоже было кинулась к реке, но Федосей Матвеевич осадил ее.

— Куда, Варька! Назад!

Варя нехотя вышла из воды. Выжала край намокшего платья, посмотрела на Глеба и сердито, даже с каким-то раздражением сказала:

— Чего стоишь? Ты помогай Федосею Матвеевичу. Ты мужчина!

Глеб никогда не был трусом. Но сейчас по его спине волной побежал колючий, неприятный холодок. Это не шутка — идти по такой полоске. Чуть в сторону с камней, и крышка. Был Бабкин Г. Е., да сплыл...

Но Глеб не ударил перед Варей лицом в грязь.

— Не кричи! Без тебя знаю, что делать!

И он пошел за Федосеем Матвеевичем.

Федосей Матвеевич уже зацепил багром первый брус и ловко, казалось, без всяких усилий, поволок его вдоль каменной гряды.

— Тащи к берегу! — крикнул он. — Не зевай!

Глеб вонзил багор в колоду, напряг мускулы.

Бревно медленно и неохотно пошло вперед. Оно будто бы чувствовало, что попало в слабые и неумелые руки: вертелось в воде, норовило улизнуть с крючка или напороться со всего разгону на камень.

Глеб не справился и с первым бревном, а Федосей Матвеевич уже подвел ему второе, еще больше прежнего.

— Паря, не зевай! Не зевай, паря!

Глеб работал без передышки час, а то, может быть, и два. Пот застилал глаза, все мельче и неровнее становился шаг. Ноги как-то сами по себе спотыкались на камнях, в сапогах чавкала и пищала вода.

А бревна все шли и шли... одно за другим, одно за другим.

Не раз уже ему хотелось бросить в воду тяжелый неуклюжий багор и уйти прочь.

Все равно не выдержит, все равно свалится в реку от этой страшной усталости.

Глеб воткнул багор между камнями, прислонил щеку к мокрому, холодному дереву. Перед глазами поплыли красные, синие, зеленые круги. Он сомкнул веки, но круги не исчезали. Прыгали, плясали, мерцали, будто светляки, тусклым, нехорошим светом.

Тяжело плюхая сапогами, подошел с бревном на поводу Федосей Матвеевич.

— Ты, паря, отдохни, — сказал он. — Ты не того... я сам управлюсь...

В словах Федосея Матвеевича не было ни укора, ни насмешки, но они будто крючком зацепили Глеба за сердце.

— Я сейчас, я только сапоги сниму. Я не устал...

Глеб поспешно стащил разбухшие сапоги. Один за другим швырнул Варе на берег.

Разве он хотел оставить работу? Ну, нет, дудки. Он не такой...

Глеб прицелился, подцепил огромную колоду и потащил ее вдоль гряды к Варе.

— Принимай шуку!

За «шукой» пошли «сазаны», «ельцы», «пескари»... Сколько их еще там? Много? Давай все! Давай! Давай!

У Вари работа пустяковая: приняла «рыбину», толкнула легонько багром в бухту и снова жди. Но Глеб Варе ни капельки не завидовал. Что ни говори, а он все-таки мужчина. Вот как!

Мужчина разбил в кровь ноги на острых камнях, но боли совершенно не чувствовал. Подумаешь, кровь! На фронте и не так бывает.

Теперь Глеб уже не поджидал, как раньше, Федосея Матвеевича, а сам бежал на помощь к черным воротам.

— Взяли! Еще раз взяли!

Но вот уже и брать нечего. Ни «щук», ни «сазанов», ни мелких «пескарей». И только еще кружит на быстрине — то нырнет, то снова появится на поверхности — легкая плоская щепка.

Глеб шел на берег и даже не глядел по сторонам на бушевавшую справа и слева реку. Все ликовало и пело у него в душе. Ему хотелось стать на берегу вот так, как он есть — мокрому, с разбитыми пальцами — и крикнуть на всю тайгу, на весь белый свет:

— Ого-го-го-го! Ого-го-го-го! Ого-го-го-го!

Глава тринадцатая

Это была первая ночь, когда ему ничего не снилось. Лег на кровать, положил под голову кулак, и всё — будто в колодец провалился.

Проснулся Глеб на рассвете. В вагоне стояла зыбкая синева. За окном качалась колючая лапа сосны; вдалеке мерцала серебряными блестками река.

Все было, как в сказке: и эта, беспрепятственно затекавшая в окно синева, и рогатый месяц над рекой, и лежавший напротив Глеба Лука...

Федосей Матвеевич обещал разбудить, когда все вернутся, но так и не разбудил. Наверно, Лука пришел очень поздно.

Лицо у Луки спокойное. В уголках рта, там, где кудрявились ни разу не бритые усы, лежала хорошая тихая улыбка.

Глеб понял, что все было в порядке. Они нашли Зину-Зинулю и привели ее сюда. Иначе Лука не улыбался бы. Никогда. Даже во сне.

Глеб втихомолку рассматривал лицо брата. Крупный, немного седловатый нос, черные и какие-то очень широкие брови.

В Иркутске Лука ходил с Глебом в парикмахерскую. Лука сидел в кресле перед большим облупившимся зеркалом, а Глеб наблюдал за ним из прихожей.

Высокий и тонкий, как палка, парикмахер постриг Луку машинкой, щелкнул маленькими ножницами.

— Бровки подстричь? Вы не беспокойтесь, сделаем аля-фушэ, первый сорт.

Лука сдернул с шеи занавеску с ржавым пятном посередине и поднялся.

— Не надо фушэ. И так сойдет.

Протянул в кассу рубль, получил десять копеек сдачи и пошел к выходу, поглаживая круглую черную голову.

Лука не носил прически. Он всегда был таким, как сейчас — стриженным под «нуль», с широкими бровями, без всяких глупых и непонятных «аля-фушэ». Он был очень красивый, Лука...

Лука, должно быть, почувствовал взгляд Глеба. Веки у него дрогнули, сквозь узенькую щелочку блеснул черный зрачок.

— Ты чего смотришь? — шепотом спросил Лука.

— А ты чего? — тоже прошептал Глеб, еще не зная, как вести себя, — улыбнуться или, может быть, пока подождать.

Лука не ответил. Встал с кровати и не торопясь начал одеваться.

Он ходил по вагону из угла в угол и напевал песенку. Слов у этой песенки не было, а только какие-то «тру-та-та, тру-та-та».

Сомнений не оставалось — Зина-Зинуля была здесь. Это для нее Лука надевал чистую, почти что новую гимнастерку и наяривал щеткой порыжевшие, сбитые на носках сапоги.

Глеб уже видел кинокартины, на которые дети до шестнадцати лет не допускаются, и поэтому знал, что влюбляться можно только в красавиц. Странно, что Лука был неравнодушен к Зине-Зинуле. Тоненькая, остроносая, и на лице веснушки, хоть веником выметай. Зинуля положительно не была красавицей...

Глеб увидел Зину-Зинулю возле «конторы», где Федосей Матвеевич по-прежнему варил свои супы и каши.

Глеб думал, что встретит истощенного, истуканного мошкой человека и поэтому очень удивился бодрому и веселому виду Зинули. Казалось, не из тайги привели ее, а откуда-то с концерта или из цирка, где разноцветные клоуны смешно дают друг другу подножки и обливаются сметаной.

Возле «конторы» только и слышались ее «хи-хи» да «ха-ха».

Оказывается, Зина-Зинуля убежала не один раз, а два раза — первично и вторично. Так и в телеграмме было написано — «вторично ушла к вам Зина Алушкина». Только они тогда внимания на это не обратили.

Зина-Зинуля убежала первично, но отец догнал ее и привел домой, а вторично он ее уже не догнал. Зинуля перехитрила Алушкина и пошла вторично не по дороге, а напрямик, через болота в тайгу.

Но все равно, хорошо, что Лука и Георгий Лукич отправились на розыски. Вторично Зинуля заблудилась и пошла не к вагонам, а совсем туда, куда не надо — к Трем Монахам.

Глебу очень хотелось узнать, как там сейчас у них в лесном поселке, разлилась Зеленуха или все еще стоит в бархатных, заросших тальником берегах, починили ли крышу на избе и что делает глупый Колька Пухов?

Но Зинуля так ничего толком и не сообщила.

— Кольку? Конечно, видела, — сказала она. — Он сейчас, знаешь, какой стал...

Но какой стал Колька, Зинуля не сказала. Скорее всего, она вообще не видела Пухова и говорила просто так.

Десятиклассники позавтракали, забрали пилы и топоры и отправились на просеку.

«Хи-хи! Ха-ха!» — летел издали задорный беспрестанный смех Зинули.

Теперь, когда появилась Зинуля, дела у лесорубов наверняка пойдут лучше. Уже два дня подряд они выполняли норму на девяносто пять процентов. Если бы Димка Кучеров не ленился, у них давно было бы все в порядке.

После завтрака Димка остался возле «конторы». Он что-то горячо и убежденно доказывал Георгию Лукичу, задира л рубашку и показывал свой круглый коричневый живот.

Георгий Лукич слушал Димкину болтовню, а потом махнул рукой, как будто бы хотел сказать: «А, шут с тобой», — и повел Лорда на конюшню к Федосею Матвеевичу.

Через некоторое время Глеб заглянул туда и узнал, в чем дело.

Георгий Лукич внял просьбам Димки о легкой работе и назначил его ездовым.

Бывший ездовой, он же плотник, он же печник и повар Федосей Матвеевич терпеливо и взыскательно обучал Димку новому ремеслу. Он разъяснял Лорду, что такое гужи и постромки, показывал, как надевать и засупонивать хомут и тут же требовал все повторить. Из всей этой сложной и тонкой конской науки Димка усвоил только одно незыблемое правило: если потянуть за левую вожжу, лошадь повернет влево, а если потянуть за правую, она должна повернуть вправо.

Первый рейс, как это ни странно, Димка совершил успешно. Он съездил к переправе и привез оттуда полную телегу продуктов, ящик с гвоздями и еще много, всякого добра.

Федосей Матвеевич принял груз, обошел вокруг лошадей, по-хозяйски сунул ладонь под хомут. Все было в порядке — лошадей Димка попусту не гнал. Ладонь была сухая, теплая и только чуть-чуть пахла потом.

Получив новое распоряжение, Димка уверенно, как к себе в избу, полез на телегу.

Дорога лежала вдоль берега реки. Лошади шли неторопливо и не требовали никакого руководства. Щелкнет Димка кнутом, лошади потрясут для приличия мелкой незавидной рысцей и снова переходят на шаг.

Припекало солнце. В траве монотонно, будто бы кто-то водил ножом по бруску, чивикали кузнечики — чиви-чиви...

И тут Димка решил, что сидеть на козлах не обязательно и можно, пожалуй, лечь в деревянный короб и немножко поспать.

Дорога прямая, лошади смирные и задней скорости у них, как известно, нет.

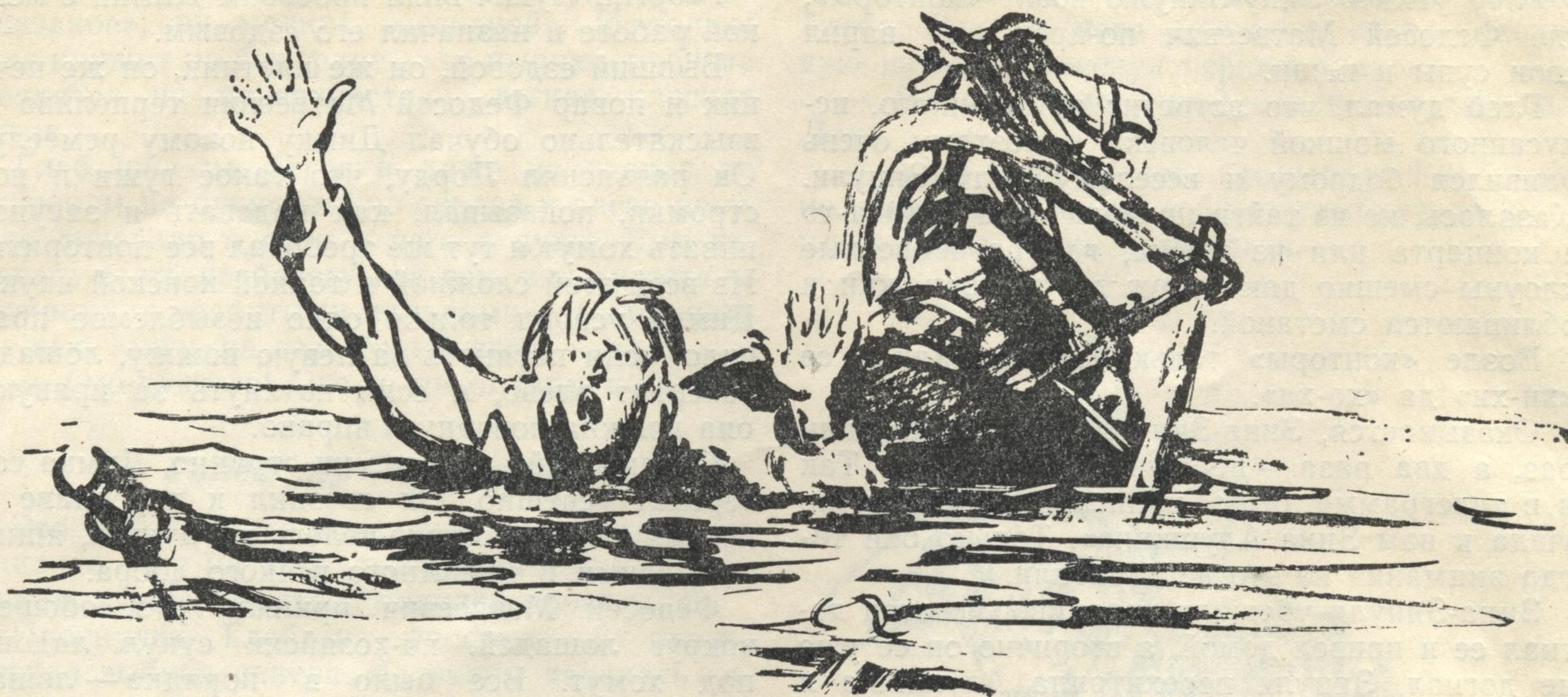
Так Димка и поступил. Лег в короб, подложил под голову свой клетчатый, потерявший прежний вид пиджак и уснул.

Лошади долго и безропотно везли спящего Димку. Но вот они остановились, прислушались. Постояли немного, подумали, а потом свернули с дороги и начали ощипывать листья с куста черемухи и есть их вместе с маленькими, черными, как угольки, ягодами.

Оттого что листья были горькие, а может быть, оттого, что было жарко, лошади захотели пить.

Но, видно, мало им было той воды, что у берега. Они пили, отфыркиваясь, и продолжали заходить все глубже и глубже. Вначале вода только-только закрывала толстые узловатые колени, потом стала подкатываться под брюхо, заламывать в сторону хвосты.

Лошади поняли, что ушли слишком далеко, и круто повернули к берегу. Заскрежетали по

каменистому дну колеса, телега накренилась и шлепнулась вместе с Димкой в воду.

Но уж такой везучий был этот человек. Димка не утонул и даже не ушибся, когда телега полетела вверх тормашками.

Через несколько минут, наглотавшись воды, насмерть перепуганный, он уже стоял на берегу и дико кричал:

— Ава-ва-ва-ва! Ува-ва-ва-ва!

К счастью неподалеку бродили по тайге Глеб и Варя, собирали букет для матери, которая приезжала сегодня из больницы. Они услышали вопли и завывания Димки и помчались к нему на выручку.

Страшная картина предстала их взору. Метрах в пяти от берега бесновались, пытаясь вырваться из ременных силков, лошади. Далеко по тайге разносилось их тревожное, призывное ржанье.

Течение все дальше увлекало телегу. Вода уже перекачивалась волнами вдоль широких, раздвоенных круп. Вокруг плавали клочки сена и мелкая щепка. На быстрине, распластав рукава, мчался в неизвестные дали серый пиджонский пиджак Димки Кучерова...

Димка был на месте происшествия. Не заботясь о том, что лошади могут в любую минуту лягнуть копытами, Димка нырял возле затонувшей телеги и старался отцепить от барок размокшие постромки.

Не долго думая, Глеб сбросил рубашку, вынул из кармана острый, как бритва, нож из старой ножовки и кинулся в реку.

Нырнул, наощупь нашел толстый, туго натянутый ремень и полоснул ножом.

Лошадь, чувствуя подмогу, подалась всей своей тяжелой, напружинившейся тушей впе-

ред, а потом вытянулась струной и рывками помчалась на берег.

Совсем иначе получилось с другой лошастью...

Это было вообще очень странное животное. Губы у лошади были розовые с белыми, торчащими в разные стороны усами, а глаза голубые и какие-то очень ехидные и коварные. Крикнешь ей «тпру» — идет, крикнешь «но» — останавливается. Законной клички у этого существа не было. Даже Федосей Матвеевич, человек добрый и отзывчивый, называл эту лошадь «драндулетом персонального выпуска».

Глеб перерезал постромки, но Драндулет, вместо того, чтобы идти на берег, шархнул в сторону и тут же угодил в глубокую яму.

Мгновенье — и вода сомкнулась у него над головой. Наверху забулькал, заклокотал невысокий беспомощный фонтанчик.

— Вы чего так стоите? — кричала с берега Варя. — Вы так не стойте! Вы спасайте!

Но все, видимо, было уже кончено. Только крохотные, изредка вспыхивавшие на поверхности пузырьки, указывали место, где затонул голубоглазый Драндулет.

И вдруг вода вновь заволновалась, запенилась и, будто пробку, вышвырнула Драндулета с глубин.

Глеб и Димка мигом подплыли к лошади, ухватились за повод и начали изо всех сил тянуть.

Драндулет был еще жив. Он кое-как поднялся и заковылял на берег, нетвердым, спотыкающимся шагом. Нельзя было смотреть на него без слез: это был не прежний веселый и жизнерадостный Драндулет, а его бледная, немощная тень. Драндулет постоял

секунду, а потом вдруг качнулся вперед и грохнулся на землю.

— Подох! — вскрикнула Варя. — Драндулетик подох!

Димка совершенно обезумел от страха. Он обежал вокруг лошади, а потом присел на корточки, схватил заднюю ногу и начал раскачивать ее из стороны в сторону, как маятник.

— Ты что делаешь, Димка? — удивленно спросил Глеб.

— Я... я д-делаю искусственное д-дыхание, — пролепетал Димка, не прекращая работы.

Трудно сказать, — помогло искусственное дыхание или случилось что-нибудь другое, а только Драндулет начал оживать. По его спине и ребрам пробежала мелкая, едва приметная дрожь. Драндулет вздохнул, открыл свой голубой глаз, преданно и даже как-то нежно посмотрел на своего спасителя.

Затем согнул передние ноги, оперся копытами о землю и начал медленно подниматься.

Драндулет стоял на своих высоких жилистых ногах и слегка покачивался. Казалось, дунет ветер, и он кубарем полетит в траву.

Но тут произошло невероятное.

Драндулет вскинул морду кверху, ощерил зубастую с розовыми губами пасть и заржал так зычно, с такими могучими густыми перекатами, что Глеб невольно зажал уши.

Не успели они опомниться, Драндулет взвился свечой, ударил копытами в землю и, выворачивая огромные, как тарелки, комья дерна, помчался вперед через кусты и болота.

Только к вечеру бывший утопленник, вволю нагулявшись и натешившись в тайге, пришел на конюшню и покорно стал в стойло.

В этот же вечер комсомольцы собрались возле «конторы» на свое закрытое комсомольское собрание.

Глеб тоже хотел послушать, но Лука турнул его и сказал, чтобы он не подходил к «конторе» на пушечный выстрел.

Глеб был совсем одинок, Варя не показывала глаз из вагона. Она сидела возле деревянной зыбки, нежно смотрела на девочку, которая весила четыре килограмма двести пятьдесят граммов, и вполголоса напевала песню «Славное море, священный Байкал»...

Из окна Глебу была хорошо видна «контора» и длинный, застеленный красным кумачом, стол на поляне.

Неярко горел в ночной мгле фонарь. С черного неба, будто снег, летели и летели на огонек легкие, юркие мотыльки.

Около стола, опустив руки по швам, стоял Димка Кучеров и что-то, долго и нудно рассказывал собравшимся.

Что говорил Димка, Глебу не было слышно, но он и так все прекрасно знал... Комсомольское собрание по пустякам собирать не станут...

В вагон пришли Лука и Сережа. Сели на кровати и снова начали говорить про Димку, про его болезнь и про то, какой он бессовестный лентяй.

Из разговоров этих Глеб понял, что Димку хотели вначале прогнать со стройки, а потом пожалели его и решили написать про все Димкины художества отцу, который служил где-то в армии.

Глеб и Сережа легли спать, а Лука достал из чемодана тетрадку и сел к столу.

Керосиновая лампочка озаряла лицо Луки неверным желтоватым светом. Было оно какое-то очень задумчивое и грустное.

Скрипело в ночной тишине перо.

Глеб смотрел на брата и думал, что было бы очень хорошо вообще не писать и не отправлять это письмо Димкиному отцу.

Непонятно почему, но Глебу было жаль несчастного Лорда.

Окончание следует

МАШИНА КОСИТ... ЛЕС

Приходилось ли вам видеть косы? Короткий взмах руками — и ровная полукруглая полоска травы ложится на землю.

Движения стрелы — основной части новой машины, изобретенной во Всесоюзном Институте торфяной промышленности, отдаленно напоминают работу косаря. Только косит машина не траву, а лес. Огромные де-

ревья толщиной до тридцати сантиметров.

Раньше торфяные месторождения очищали от зарослей с большим трудом. Чтобы очистить один гектар леса, двадцать пять человек должны были работать целую неделю.

...Машина подошла к деревьям, подрезала их дисковой пилой, клыки стальной стрелы захватили срезан-

ные стволы, стрела повернулась и вытолкнула охапку деревьев. Такую, что никакому великану не под силу. Цикл окончен. За смену машина убирает целый гектар леса, а работают на ней всего три человека. Производительность труда возросла в пятьдесят раз. Вот, что дает механизация.

В. Ланцов

ПИОНЕРСКАЯ ПОХОДНАЯ

Музыка Наталии Леви

Слова Бориса Раевского

Энергично в темпе марша

mf (Неск. голосов)

(Все)

(Неск. голосов)

Он ша-га-ет всю-ду с на-ми — За-пе-ва-ла зве-нье-вой, зве-нье-вой, — и ле-са-ми, и по-

ля-ми и ска-ли-стою, ска-ли-стою. тро-пой У-то-мим-ся мы, бы-ва-ло, да-лек е-ще при-вал. и ве-

се-лый за-пе-ва-ла громко пес-ню за-пе-вал: «Тот, кто с на-ми в труд-ный путь и-дет. пус-кай за-пом-нит твер-до

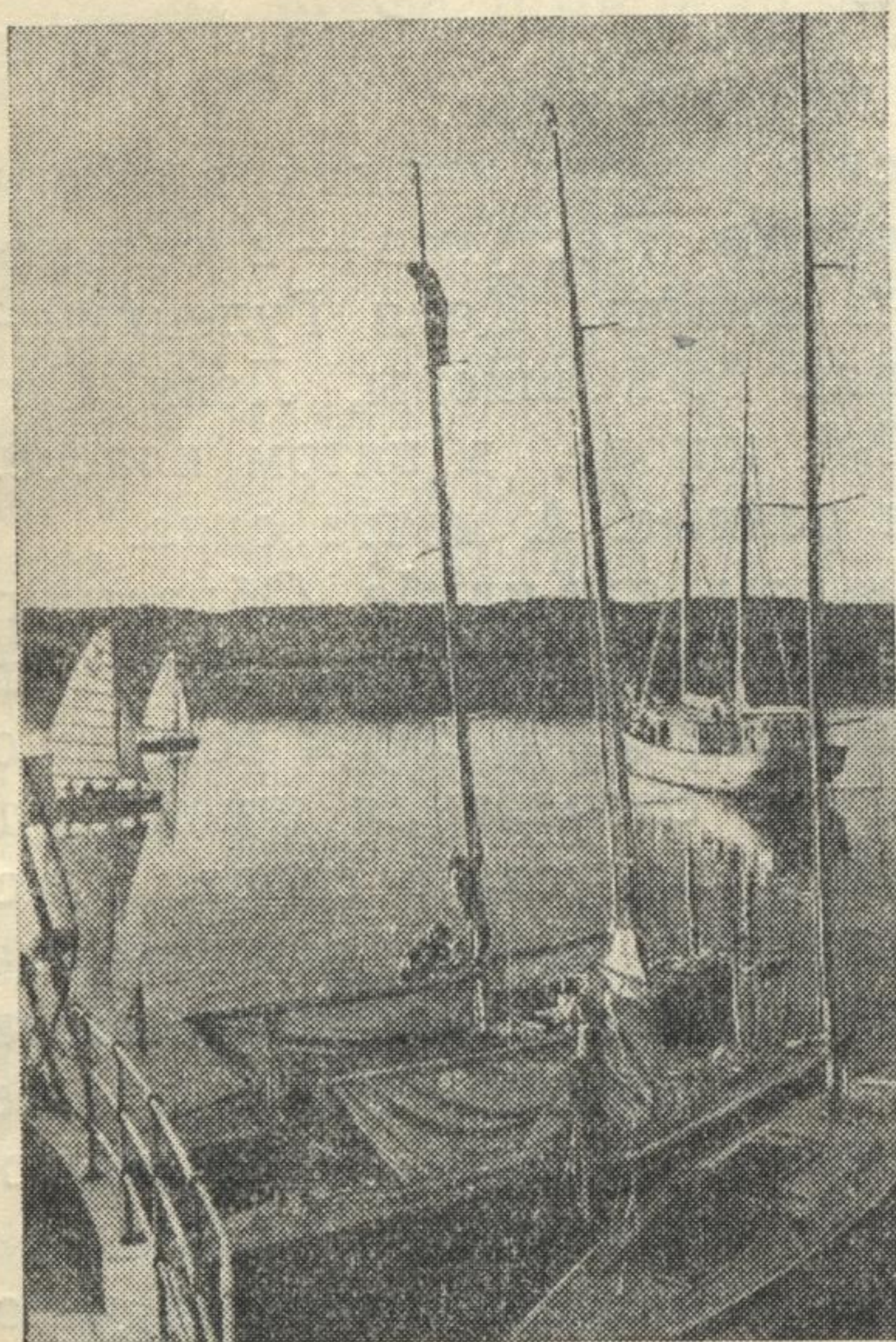
на-перед: толь-ко — сме-лые — и-дут — в — по-ход!» Ес-ли — ход. В по-ход!

Он шагает всюду с нами —
Запевала звеневой, звеневой —
И лесами, и полями,
И скалистою,
И скалистою тропой.
Утомимся мы, бывало,
И далек еще привал,
Но веселый запева
Громко песню запевал:
«Тот, кто с нами в трудный путь
идет,
Пускай запомнит твердо наперед:
Только смелые идут в поход!»

Если в полдень мучит жажда,
Пыль клубится, солнце жжет,
солнце жжет,
У него в баклажке каждый
Хоть глоток воды,
глоток воды найдет!
И опять отряд шагает,
И короче будто путь...
Звеневой наш запева
Как же нам не подтянуть:
«Тот, кто с нами в трудный путь
идет,
Пускай запомнит твердо наперед:
Только смелые идут в поход!»

Он в любую непогоду
Разведет костер в пути,
в пути,
За друзей в огонь и в воду
Он всегда готов,
всегда готов пойти!
Если кто-нибудь устанет,
Начинает отставать,
Запевала песню грянет —
Как же нам не поддержать:
«Тот, кто с нами вместе в путь идет,
Пускай запомнит твердо наперед:
Только смелые идут в поход!
В поход!»

МОРСВОЕ БРАТСТВО

А. Пурцеладзе

Фото В. Мартынова

У вас есть мечта? Только не такая, чтоб учителя вдруг все подобрели и навсегда перестали ставить двойки, а эскимо подешевело вдвое. Нет — настоящая мечта, с большой буквы, мечта на всю жизнь?

Путь к ней долог и каменист, и его надо начинать с самого малого, со школьных дней, когда тебе в твои двенадцать лет кажется: «Как долго еще ждать, как нескоро может исполниться моя мечта, как жаль, что я еще мал!»

Конечно, можно сказать: учись на «хорошо» и «отлично», вот и первая ступенька к мечте. Но это настолько ясная и очевидная истина, что повторять ее незачем. Разве что так, для напоминания. Речь сейчас о другом — о деятельном приближении мечты, о ее приближении работой, ежедневной и ежечасной, напряженной, но всегда радостной.

А есть такие ребята, которые приближают мечту работой? Есть. Их очень много. И мечта у них не одна, мечты самые разные.

**Пионер
смел,
не боится
трудностей**

Есть в Ленинграде ребята, которых объединяет мечта о море.

Они учатся в разных школах, в разных классах. Сережа Пестунов — в седьмом классе 203-й школы, Коля Гулецкий — шестиклассник 66-й школы, Леня Ситков — в 270-й школе, в пятом классе... И сами они разные. А мечта одна.

В центральном яхт-клубе Областного Совета профсоюзов десять лет назад открылась единственная в своем роде школа. Это детская спортивная школа, где ребята изучают парусный спорт. Здесь вырабатывают они первые морские навыки, делаются выносливыми и умелыми. Здесь они уже не просто мечтают о море, а собственными руками превращают мечту в действительность.

Год тому назад самый главный человек в школе (по официальной должности — ее начальник, а по неофициальной — лучший друг ребят, взыскательный и добрый) — Вилий Георгиевич Сарычев вместе с тренером, врачом и физкультурным руководителем решили: морские навыки, привитые в клубе, — это очень хорошо. Но этого мало. Будущий моряк должен не только уметь ставить паруса и вязать узлы, — он должен не бояться никаких трудностей, должен уметь работать и в море и на берегу.

Всю прошлую зиму искали место, где устроить летний лагерь юных моряков. И наконец выбрали.

В двухстах километрах от Ленинграда, на Ладоге, есть остров Корписари. Природа постаралась, чтобы он был самым подходящим лагерным местом. Перед островом гладкий залив, из него множество фиордов ведут в Ладожское озеро. На острове — лес, высокие сосны и буйный кустарник. Да, природа здесь «на высоте». — Но и только. В этой части остров Корписари необитаем и запущен, как безымянный остров Робинзона Крузо. Может быть, и здесь жили какие-то робинзоны, но они не оставили после себя ни возделанных плантаций, ни прирученных животных. Ничего — кроме полуразрушенных зданий.

«Нет, — решительно сказали некоторые руководители. — Здесь невозможно жить, дети будут лишены самого необходимого».

— Необходимого? — переспросил Вилий Георгиевич. — Поговорим с ребятами, потом решим.

Разговор был долгим и бурным. Ребята не хотели ехать никуда, кроме Корписари. «Это будет наш остров, мы все сделаем сами». «Справитесь? — спрашивали взрослые. — Не будете пищать?»

Нет, они не пищали. И доказали, что им можно верить. Доказали еще в пути к острову. Кто мог знать заранее, что он окажется таким, этот путь?

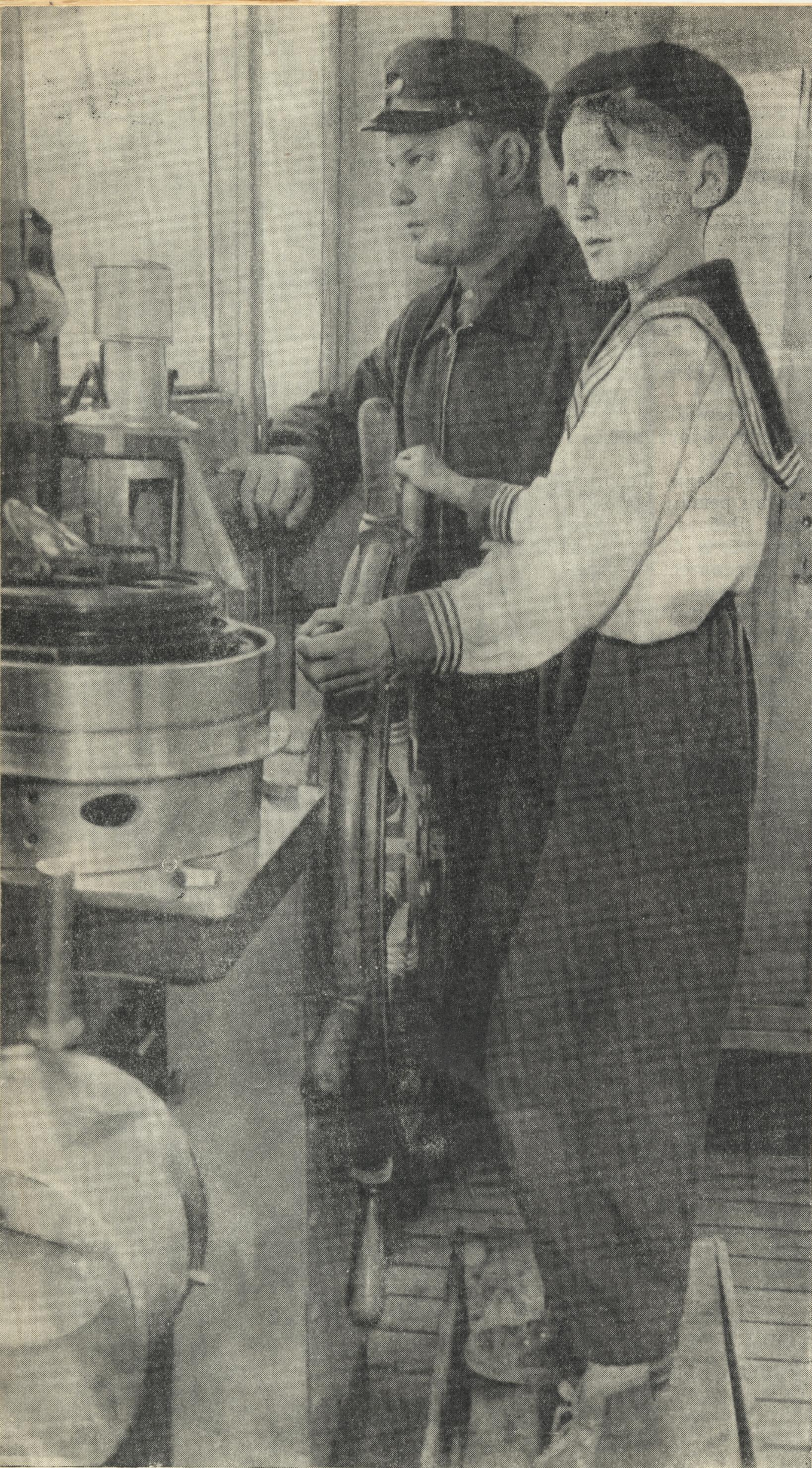
Случилось так.

Караван судов отошел от причала в Ленинграде ночью с девятнадцатого на двадцатое июня. Солнечный и тихий день сменился бледными сумерками белой ночи. Суда двигались по Неве в кильватер, — парусно-моторная яхта «Ленинград» с тремя яхтами на буксире, катер «Касатка», — он вел четыре яхты класса «Дракон», — шхуна «Профессор Визе» и юркий спасательный катерок «Дельфин».

Около ста пионеров было на этих судах. И у каждого впереди — необыкновенное. Стомильный переход по Неве и Ладоге. Ладога — ведь это почти что море!

Двадцатого июня вечером, пройдя Неву, яхты оказались в Ладожском озере. Час, другой... Ладога точно подслушала мысли ребят и решила им доказать, что она и впрямь почти море. Ветер все свежел, часов через пять стал крепким и плотным, воды озера забурлили, а часов через восемь разразился настоящий шторм. Яхты захлестывало, ветер достиг девяти баллов, носы катеров зарывались в воду и вновь вырывались из нее, — тогда катера садились кормой... Повернуть назад, в Петрокрепость? Невозможно развернуться, зальет яхты... А удары волн все крепнут, каждый удар — как молотом по буксирным тросам. И буксирные тросы не выдерживают, лопаются. Уносит катер со строительным материалом, на нем девять человек, а катер несет к берегу... Оторвались три яхты «Дракон», их мчит к каменистому мелководью, а ребята там ослабели от качки и холода. И на помощь спешит «Дельфин», на нем двое ребят, — один уже кончил детскую спортшколу, другой сейчас учится

в десятом классе. «Дельфин» снимает с яхт двадцать два человека, экипажи «Драконов» спасены.

Но тут оборвались буксирные тросы у парусно-моторной шхуны «Ленинград». Яхту класса «Л-4» под командованием Валерия Шелковского положило на борт, залило. И все-таки пятнадцатилетний капитан сумел поднять паруса и вывел яхту в Петрокрепость...

Таков был путь на остров Корписари. Так начиналось лагерное лето.

Нет, оно оказалось ничуть не похожим на жизнь в обычных лагерях. Вы, конечно, были в лагере. Вспомните, вы жили в уютных комнатах, вовремя ели и вовремя ложились спать, а если отправлялись в поход, то только в недалкий, чтобы ни в коем случае не опоздать к обеду...

На Корписари был настоящий лагерь. Жили в палатках. В первый раз они никак не хотели ставиться — пришлось повозиться, зато уж устроились со всеми удобствами.

Заброшенные здания выглядели уныло только в первые дни, — потом они повеселели. Да и как не повеселеть, когда единственный уцелевший дом ребята немедленно вымыли и привели в порядок, а другие, полуразрушенные, стали восстанавливать, — ведь в лагере должен быть хороший склад, хороший клуб, — нужно очень много строить. Но, конечно, раньше всего ребята возвели камбуз и летнюю столовую — аппетит у них после работы

на свежем воздухе становился по-настоящему морской.

Сколько дел оказалось у пионеров на этом острове! Конечно, не меньше, чем у героев Жюль Верна, попавших на таинственный остров капитана Немо! Но зато тех было всего четверо, а пионеров — сто шестьдесят! И с ними был Вилий Георгиевич, и тренер Оскар Александрович Оскольский, и физрук Белла Топоркова...

Ребята делили свое время между сушей и водой — ведь лагерь морской! Одна бригада работала над очисткой колодца, другая строила пирс, в озеро выходили яхты, ставились паруса, разучивались повороты. Ребята карабкались по вантам, мыли и драили суда, учились стоять на самой ответственной — рулевой вахте.

Потом наступала их очередь работать на сухопутье. И уже, конечно, дежурство по лагерю несли все, — одни чистили картошку, другие варили обед, третьи мыли посуду, четвертые убирали, всему нужно учиться, все пригодится моряку! Уставали они? Да! Но какая это была счастливая, какая нужная чело-

веку усталость, — усталость от полезно проведенного дня.

Миновал год. Скоро ребята снова пойдут на Корписари. Остров теперь благоустроен. В каждом камне дома, в каждом метре пирса — свой собственный пионерский труд. И в этом году работы хватит на всех — ее для рабочих рук хватает всегда.

Может быть, не все эти ребята станут моряками. Может быть. Но вырастут они настоящими людьми. Потому, что они уже сейчас умеют не только мечтать, но собственными руками превращать мечту в действительность. Может быть, их ждет в жизни не ветер дальних странствий, а пыль пустыни или мороз Антарктики. Может быть. Но где бы они ни были, — они пронесут через жизнь морское братство острова Корписари, где они впервые научились сражаться с трудностями и не отступать.

Так и нужно бороться за мечту — сейчас, немедленно, не ожидая, пока вырастешь.

Счастливого плавания к исполненной мечте всем вам, ребята!

ДЕВЯНОСТО СТУПЕНЕК ВВЕРХ

Н. Сладков

Рисунки Е. Захарова

В СТРАНЕ ИЮЛЬ

Под ногой упругая скользкая хвоя. Над головой тяжелое гудение хвои. Живой, зеленой, пахнущей смолой и ветром!

Будто стрекоза, схваченная за крыло, дребезжит на ветру отставшая пленка сосновой коры. И всюду солнечные блики: быстрые, как зайчики, и неуловимые, как жар-птицы!

Со всех сторон слышно пение птиц. Ухо ловит неясные шорохи, кивают кем-то тронутые ветки, вздрагивают, поднимаясь, кем-то примятые травинки...

Что же такое лес?

Лес — это дрова, скажет один. Лес — это строительный материал, пушнина, перо и мясо.

Нет, скажет другой. Лес — это зелень, целебный воздух, пение птиц, цветы, трепет листьев.

А для третьего лес — загадка, зеленая лаборатория, место для опытов, неиссякаемая кладовая тайн.

Да, лес — и древесина, и трепет листьев, и неразгаданные тайны.

Лес — живой организм. Он

растет, он движется, у него свой голос. Он болеет и умирает. Отведите от леса воду — погибнут деревья. Вырубите деревья — исчезнет вода, уйдут звери, улетят птицы. На месте леса станет пустыня.

Новичку лес — хаос. Новичок тонет в пучине неизвестных ему голосов, шорохов, стуков, среди незнакомых кустов, деревьев, зверюшек и птиц. И, как утопающий за соломинку, хватается за самое заметное — за птиц.

Птицы! Они неуловимы: что стоит им унести за моря и горы! Как проникнуть в тайны их жизни? Птицы знают и труд и заботы. И какой еще труд! Трудовой день скворца летом, например, длится семнадцать часов, а у горихвостки больше двадцати. Четыреста семьдесят раз за день приносят горихвостки в клюве корм своим птенцам, а мухоловки-пеструшки — пятьсот шестьдесят! Забот полон рот, работают, не покладая крыл!

Птицы должны гнездиться только в определенных местах, питаться определенной пищей и зимовать тоже в определенных местах.

Из года в год — десятилетиями! — на одну и ту же поляну слетаются токовать тетерева. На одно и то же дерево, крышу, скалу — тоже десятилетиями! — прилетают гнездиться орлы, аисты, соколы.

Весь лес в распоряжении птиц, лес без загоронок, без сетей — лети куда вздумаешь! Но птицы летят только туда, поют только там, живут только в таких местах, где повелевает им жить лесной закон.

Жесткие законы связывают все живое в лесу. И ни один лесной житель не может нарушить их.

Кто узнает эти лесные законы — тот поймет лес. И только тот сможет управлять жизнью леса. Сможет и получит на это право.

* * *

Тише стало в лесу. Перестали петь скворцы и соловьи. Во всех гнездах птенцы: забот полон клюв!

В июле по-настоящему прогреваются озера и реки: самое время заглянуть под воду. Озера и реки долго были неисследованными «белыми» пятнами на нашей берестяной карте. Карту мы

составили при помощи шагомера и компаса: это очень просто. И вот мы заглянули под воду. Сделали специальную подводную подзорную трубу. Труба из жести, с одной стороны вставлено обыкновенное стекло. Если такую трубу окунуть в воду — хорошо видно дно. Видны подводные заросли, раковины, рыбы.

Подолгу лежали мы на плоту, разглядывая подводный мир в подзорную трубу. Вот где была неизведанная страна...

Сейчас в магазинах продаются маски и ласты. С таким снаряжением можно смело входить в воду. В компании со старшими, умеющими хорошо плавать, это совсем не опасно.

Вы попадете в мир, где трудно ходить, но зато можно летать. На небе там не звезды, не тучи, а волны. Мягкая зеленая дымка заволокла все вокруг: нет ни резких теней, ни острых углов. Все неверно, призрачно и таинственно.

Все не так, как у нас на земле.

Вы увидите, как щука, подобно хамелеону, желтеет на фоне желтых водорослей и становится пятнистой и зеленой среди водорослей, пестрых и ярких. Вы узнаете, что в темной «ржавой» воде живут «ржавые» окуни, а в светлой — светлые. Вы с изумлением увидите, как

иногда у самой щучьей пасти беззаботно играют плотвицы и окуньки, а щука, этот водяной волк, и глазом не ведет! Вот еще загадка, подводная.

Может быть, вам повезет увидеть, как горбатые окуни вытаскивают из-под коряги ярко-голубого линючего рака. Да мало ли что можно увидеть под водой! На закате там все становится оранжевым, щуки выходят на опушку водорослевого леса — понежиться на вечернем солнце. А на коряги выползают раки...

Ихтиология — наука о рыбах. Наблюдая рыб в естественной обстановке, вы принесете пользу этой науке. Рыб надо тоже умеючи наблюдать. Подплывая, никогда не смотрите на рыбу в упор: рыбы не любят пристального взгляда. Лучше всего сделайте под водой кормовую полочку, точь в точь такую, какую вы делаете зимой для птиц. Кладите на полочку рубленых червей, насекомых, пареное зерно. Рыбы почувствуют к вам доверие и откроют вам самые сокровенные стороны своей жизни.

Конечно, живя в пионерском лагере или в деревне, вы не откроете новых горных хребтов, рек или морей. Не откроете вы и неизвестных науке зверей или птиц. А вот, скажем, неизвестных насекомых вы уже сможете

открыть. И новых зверюшек и птиц — новых для данной местности. Сможете подсмотреть в их жизни такое, что, может быть, неизвестно и специалистам.

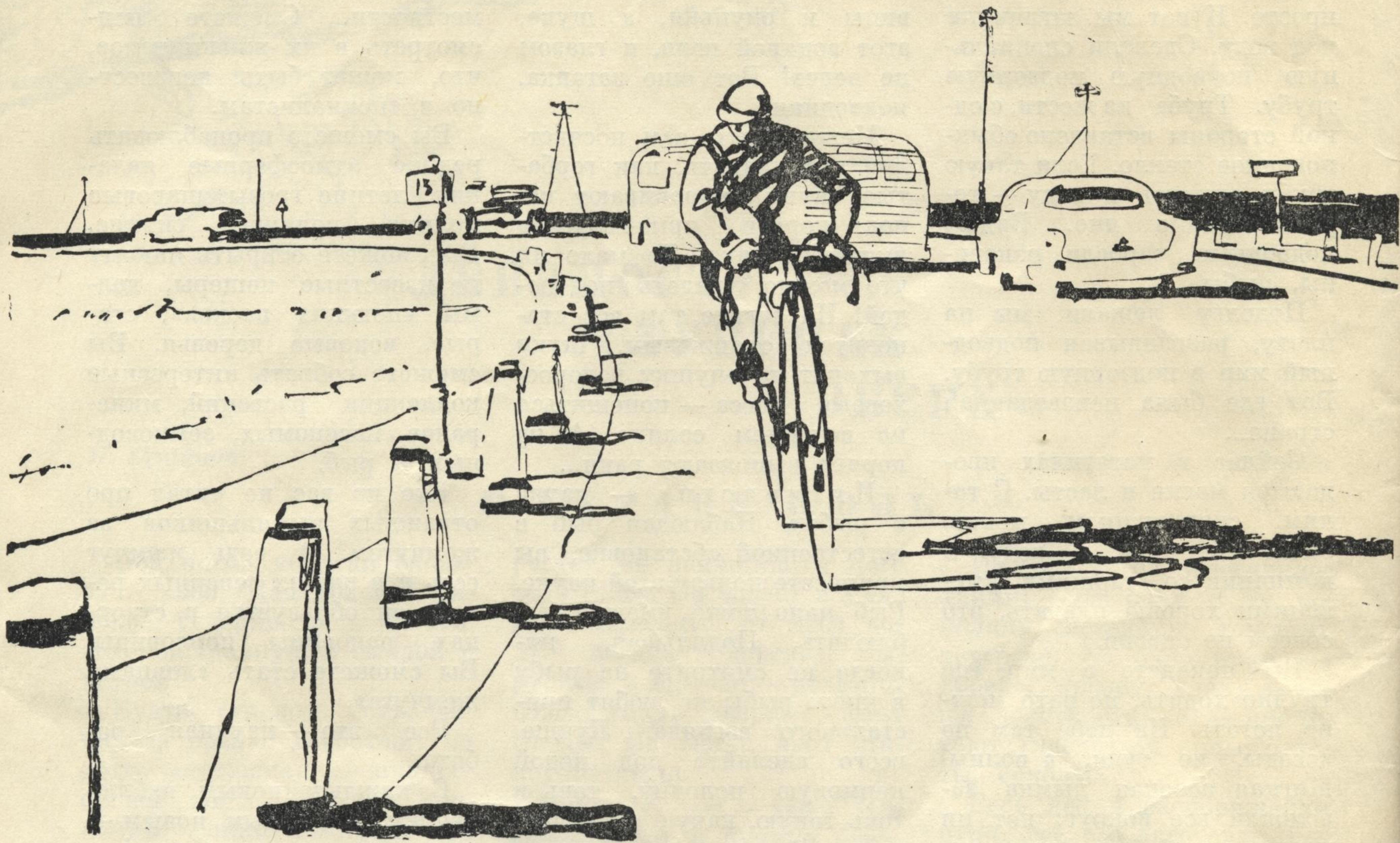
Вы сможете пронаблюдать редкие атмосферные явления: летние грозы, шаровые молнии, полярное сияние. Вы сможете открыть никому не известные пещеры, холмы «поющих песков», старые, вековые деревья. Вы сможете собрать интересные коллекции растений, минералов, насекомых, земноводных и рыб.

Кто из вас не читал про отважных ныряльщиков за жемчугом? А ведь жемчуг есть и в наших северных реках: он образуется в створках раковины перловицы. Вы сможете стать «ловцами жемчуга».

Все это — научная работа.

С каждым новым наблюдением, с каждым новым — даже самым маленьким! — открытием мир вокруг вас будет становиться все шире, все увлекательнее. И лично для вас он будет открываться заново, так же как он когда-то открывался для Пржевальского, Миклухо-Маклая и других знаменитых путешественников. Каждый разгаданный секрет будет рождать десятки новых. Неразгаданных тайн в мире хватит на всех и на все времена.

ЧЕТЫРЕ КУПЛЕТА ТУРИСТСКОГО ЛЕТА

Ехал я прошлым летом в Приозерск, на пионерский слет. Крутил педали, насвистывал и песню сочинял. Туристскую. На пятнадцатом километре куплет придумал. На двадцать пятом — припев. Еду себе и пою:

Разве есть, товарищи, уныние,
разве есть, товарищи, печали,
если небо синее-пресинее,
и рюкзак командует плечами?
Нет; нет —
это наш ответ
непогодам,
бурным водам,
всем невздам —
нет, нет, нет!

А дальше — ни с места. Хоть плачь. Не сочиняется — и все тут. А куплет с припевом так

ко мне прилипли, что отвязаться не могу. Еду — в такт педалям пою. Остановлюсь камеры подкачать — качаю и пою. Ем, воду пью — и то песню бормочу. Приехал в город, хожу по улицам — не отстают! На слет прибыл, выступать надо, а я песню затянул. На улицах люди оглядываются, в поезд сел — соседи улыбаются. Пришел в редакцию — друзья говорят: «Что это ты, Тимофей, одно и то же мычишь? Дальше давай».

А я не могу дальше. Спою «нет, нет, нет» и опять все сначала. Так я мучился очень долго. И себе и другим надоел.

И вот нынче отправился я в командировку по туристским тропам Карельского перешейка.

Как-то на проселочной дороге догоняю ребят с рюкзаками. Ступают тяжело — видно, давно идут. Еду мимо и кричу: «Веселей шагай!» А они в ответ, словно сговорившись, песню:

Разве все дороги нами пройдены,
разве все освоены вершины,
разве сменим ноги на походе мы,
эх, на каучуковые шины?..

Я чуть с велосипеда не упал. Моя песня — и меня же бьет. Здорово придумали, черти!

Вечером подкатил к озеру. На берегу — костер, палатки. Ребята кашу варят. Встретили меня как своего. Накормили, напоили. А потом сели мы вокруг костра и стали песни петь.

Надо вам сказать, что костер вызывает у меня всегда лирическое настроение. Вспомнил я Ленинград, Неву, Таврическую улицу, редакцию, друзей, и стало мне немножко грустно.

— Спойте, — говорю, — о Ленинграде.

И тогда встает тоненькая девочка с косичками и запекает:

Разве мы забудем расставание
с городом над синею Невою,
разве что-то значит расстояние
для таких ребят, как мы с тобою?

И все подхватили:

Нет, нет —
это наш ответ...

Что вы на это скажете? Чудеса, да и только.

На следующий день я снова бредил своей песней. Теперь мне казалось, что в ней не хватает только одного куплета — последнего.

Среди дня я увидел впереди высокую гору. Забрался на нее, достал бинокль и стал смотреть, что делается вокруг.

Вижу — повсюду идут туристы. Одна группа, другая. Еще, еще... Вон реку вброд переходят. Мальчики у девочек рюкзаки взяли, чтоб тем легче было.

Правее — поле, а на нем ребята работают. Никто ворон не считает, не ленится. Молодцы! А в сторонке, у межи, походное снаряжение лежит.

Еще гляжу. У реки бивуак. Кто хворост тащит, кто — воду, кто крупу достает, кто хлеб режет, кто палатку ставит. У всех дело.

Опустил я бинокль и чувствую, что на языке вертится слово, самое главное слово для последнего куплета. Я его ловлю, а оно не дается. И вдруг где-то рядом зазвучала песня:

Разжигай в пути, земля родимая,
пламенные зори и закаты,
разве есть края непроходимые,
если дружба — старший наш вожатый?

Дружба! Совершенно верно, — дружба! Вот и песне конец.

Рассказал Тимофей Добрый, собственный корреспондент „Костра“

В ПОХОДЕ ПРИГОДИТСЯ!

1. Ты обжег на костре руку. Чтобы не было пузыря, опусти руку в холодную воду, поддержи минут 6—8. Затем крепко прижми обожженное место другой рукой и минуты 2—3 не отпускай. После этого забинтуй.

2. Перисто-кучевые облака — „барашки“, быстро перемещающиеся по небу, говорят о близком ненастье.

3. Паутина в лесу обычно растягивается пауками в направлении север—юг.

4. Подмоченные спички можно высушить, потерев их о волосы.

5. Из толстой проволоки сделай крючок для подвешивания ведер над костром.

6. Одна столовая ложка вмещает 25 граммов крупы (рис, пшено, перловка, греча). На один раз человеку в походе надо две ложки крупы — 50 граммов.

7. У тебя сломалась ложка. Не унывай. Сверни бересту кулечком и защеми края расщепленной палочкой. Ложка будет на славу!

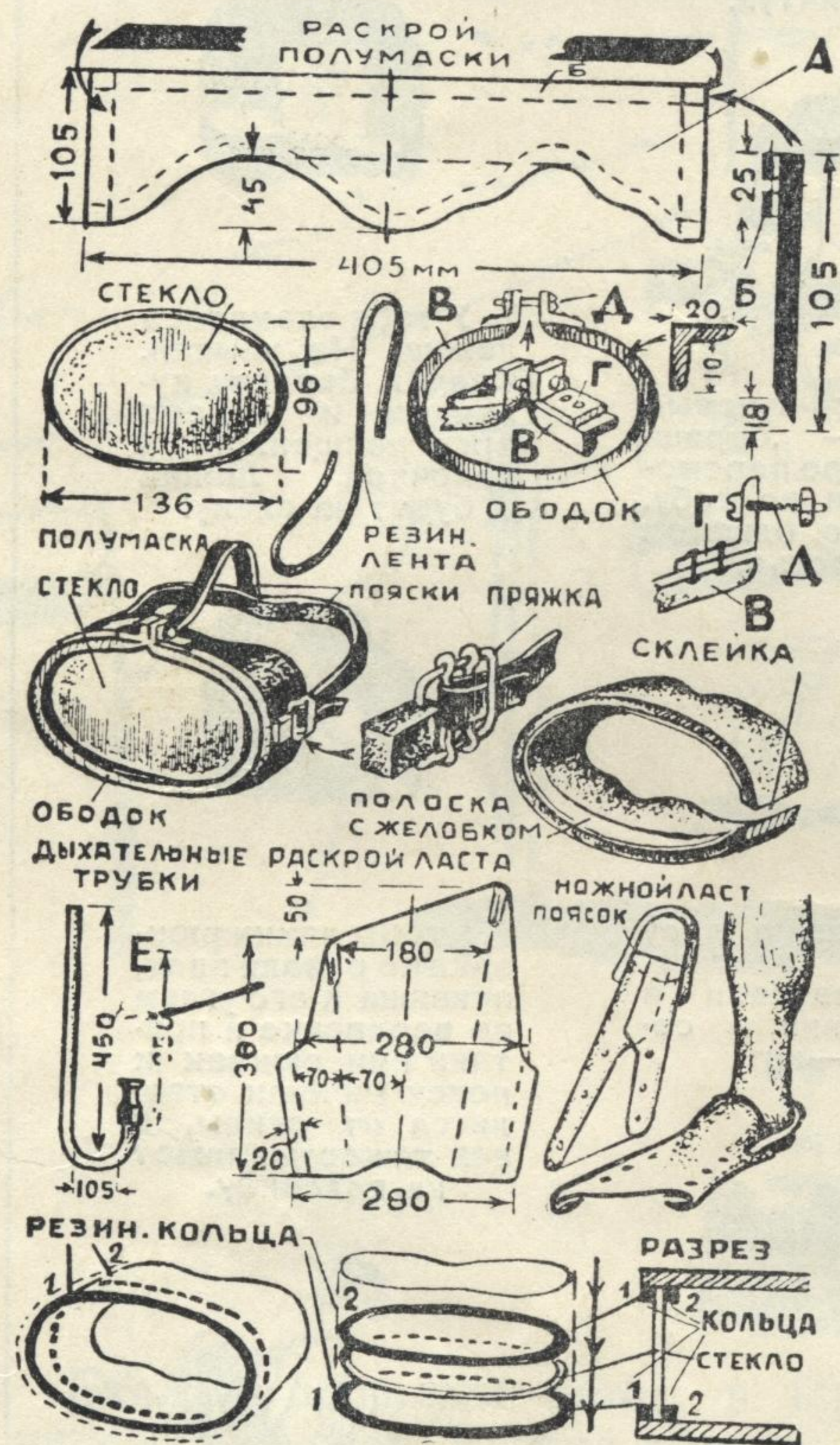

8. Чтобы ляжки рюкзака не резали плеч, привяжи к его углам по веревочке и притяни ими рюкзак к поясу. Рюкзак отвалится от спины, и вся тяжесть ляжет на поясницу.

Инструктор
по туризму
А. Агапов.

ЮНЫМ НЫРЯЛЬЩИКАМ

Кто из ребят не мечтает об акваланге? Ведь с таким аппаратом можно заниматься подводной охотой, кино-фотосъемками, наблюдениями за подводной флорой и фауной и даже археологическими изысканиями в морях, реках и озерах.

Но построить настоящий акваланг с баллонами сжатого воздуха и легочным автоматом для регулировки давления на большой глубине — дело сложное.

Юные умельцы могут изготовить простые принадлежности для ныряния и подводного плавания на небольших глубинах: застекленную маску, дыхательную трубку и ласты.

Полумаска. Пользуясь рисунком А, вычертите на плотной бумаге выкройку. По ней аккуратно вырежьте раскрой полумаски из плотной эластичной резины толщиной 3,5—6 мм.

По всему волнистому краю раскроя изнутри будущей маски сделайте острым ножом сплошные косые срезы «на нет» шириной 12—18 мм, чтобы края маски плотно прилегали к лицу.

На внутренней стороне, у прямой кромки, приклейте параллельно друг другу две ровные полоски резины толщиной 1,5—2,0 мм, чтобы между ними образовался паз для стекла.

Перед склейкой боковые кромки аккуратно срежьте с разных сторон «на нет». Для иллюминатора (смотрового стекла) можно использовать плексиглас или целлулоид толщиной 4—6 мм. Кромки иллюминатора тщательно обработайте напильником.

Сделайте прижимной ободок из полоски алюминия толщиной 1—1,5 мм. Его длина с приклепанными лапками (Г) должна быть немного меньше наружного размера маски.

Ободок выгните по форме маски со стеклом, склепайте концы, чтобы они стали более жесткими, и обод лучше обжимал маску при затягивании болтика.

К маске приклейте скобки из толстой резины с алюминиевыми или медными пряжками. Приклейте и проденьте в пряжки резиновые пояски-наголовники.

Перед склеиванием кромки и поверхности зачистите рашпилем, шкуркой и протрите бензином.

Дыхательная трубка. Алюминиевую трубку диаметром 16—18 мм. плотно заполните песком, концы забейте деревянными пробками и выгните на оправе по форме, указанной на рис. Е. После этого прочистите трубку. На короткое ее колено наденьте загубник из отрезка резиновой трубки. Трубка заправляется под ленту наголовника.

Ножные ласты. Ласты вырежьте из плоской твердой резины толщиной 4—6 мм. Разметку выполните по бумажной выкройке, которую предварительно примерьте и подгоните по ноге. Отвороты ластика и пояска надежно заклейте и закрепите алюминиевыми заклепками.

К. Курденков

На обложке рисунок В. Шевченко.

На второй странице обложки — Ленинград, Московский парк Победы, фото Л. Безверхнего.

Титул В. Свешникова.

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор Ю. П. Мезерницкий

Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор А. А. Двораковская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, Таврическая, 37, тел. А 457-76.

М-27082.

Подписано к печати 19/V 1960 г.

Формат 84×108^{1/16}.

Печ. л. 8+2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.

Тираж 220 000 экз.

Заказ 1361.

Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

РИСУНКИ ЯПОНСКИХ ДЕТЕЙ

ОБЕД

Сюко Судзуки, 10 лет

СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА ЗАВОДА

Такуо Накахара

